

«Какое печальное зрелище: видеть, как умирает имперский смысл России. Империя — это целое. Без осознания принадлежности к целому трудно жить любому человеку, тем более трудно жить русскому человеку, приучившему себя к тому, чтобы нести бремя слова «надо» и не приучившему себя к мысли о том, что у него есть права. Русский человек не умеет пользоваться своими правами, он умеет только качать права, чувствуя под ногами не твердые основания, а какую-то зыбкую топь социального болота, засасывающего в свою утробу любого, рискнувшего пойти по нему.»

«Человек без целого — это как черепаха без панциря, он всегда уязвим. Вот такой черепахой я чувствую себя сегодня в России, предавшей забвению действие во имя. Россия без этого действия ассоциируется у меня с поверхностью, которая легко протыкается, обнаруживая за собой зловонную жижу.»

«Я не понимаю людей, с которыми я встречаюсь на улице. Они для меня просто прохожие. Я не знаю, что у них за душой, о чем они думают. Мы, видимо, проживаем разные жизни, существуя в разных символических мирах. У меня исчезло чувство того, что есть кто-то, на кого ты смотришь и понимаешь, что мы принадлежим к одному народу. Я перестал говорить слово «мы». Как это странно — ощущать себя чужим в своей стране. Как это нелепо — осознавать, что ты еще есть, а русского народа, к которому ты принадлежишь, будто уже нет. Прохожие — это не мои современники, это мои сожители. Меня с ними ничего не связывает. У меня возникает такое чувство, будто наши предки вели разные войны, что у нас были разные победы и поражения. У нас нет общих мифов и общей истории. Видимо, они смотрели фильм про Гарри Поттера, а я его не смотрел. Я империалист, но я не знаю, кто они.»

Ф.М. Тиренок

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В НОМЕРЕ:

КРИЗИС
РОССИЙСКОЕ ПЕРЕСТРОЕНИЕ
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
БУЛГАКОВЕДЕНИЕ

№1 (67)

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ N 1 (67)

МОСКВА 2010

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук
и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2010. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. И.К. Быстряков (Украина);
к.э.н., К.А. Зимарин; д.э.н., проф. В.Г. Белолипецкий, заместитель гл. редактора;
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров; д.ф.н., проф.
М.А. Маслин; д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов;
к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия); д.э.н., проф. Н.Б. Шулевский;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.И. Пишеницына*

Компьютерная верстка — *Л.И. Пишеницына,*

П.Г. Полунина, С.С. Нипа

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *К.В. Молчанов, С.С. Нипа,*

С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина,

Научно-вспомогательная работа — А.А. Антропов, В.А. Луковенко

Издается с участием Академии философии хозяйства
и Философско-экономического ученого собрания

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

<http://www.econ.msu.ru/cd/110/>

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

www.barrel.ru

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2010 г.

Содержание

<i>Двенадцатый (Ю.М. Осипов)</i>	7
Раздел 1.	
Кризис	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Мировой кризис и мир (непрощенные мысли).....	11
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Кризис России: распад социокультурных общностей	20
<i>А.З. Новак, К. Рычъ</i>	
Каков конец кризиса?	31
<i>В.Г. Белолитецкий</i>	
Уроки мирового экономического кризиса и их учет в проектировании направлений развития национального хозяйства	43
<i>А.С. Филипенко</i>	
Структура мирового финансового кризиса.....	57
Раздел 2.	
Российское перестроение	
<i>Р.С. Гринберг</i>	
Российская модернизация: среди шансов и рисков	67
<i>Д.Е. Сорокин</i>	
Сценарии посткризисного развития: возможности инновационного перестроения	71
<i>А.И. Фурсов</i>	
Россия на выходе из тупика, или Тьма в конце туннеля?.....	74
<i>С.А. Марков</i>	
Консервативная модернизация: попытка новой модели развития России.....	80
<i>А.П. Починок</i>	
Россия: время прорывного развития	83
<i>А.А. Нагорный</i>	
Модернизация: США, Китай, Россия.....	85
<i>Р.И. Хасбулатов</i>	
Почему России не «грозит» модернизация?	88
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Знание и судьба России	93
<i>К.Н. Лебедев</i>	
Перестроение экономического образования как необходимый элемент перестроения российского общества	119
<i>О.В. Добrocеев</i>	
Ритмы и тенденции мирового и российского перестроения	125
<i>В.М. Кишинец</i>	
Гуманитарные проблемы нанотехнологической парадигмы	131
Раздел 3.	
Философия хозяйства	
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: брахманистская философия хозяйства.....	139

<i>И.В. Пиеницын</i>	
О хозяйстве и его философии	161
<i>А.И. Субетто, В.В. Чекмарев</i>	
Философия хозяйства: pro at contra (диалог в стиле «менуэт»)	165
<i>П.П. Жуликов</i>	
Философия хозяйства. Взгляд со стороны.....	173
Раздел 4.	
Актуальная философия	
<i>А.Г. Дугин</i>	
Мартин Хайдеггер, другое Начало и возможность русской философии	183
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Галлюцинации как сущность человека	208
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Сознание как эхо.....	212
<i>Д.Л. Родзинский</i>	
Концепция космоса и сознания у Плотина как неотъемлемых условий хозяйственной деятельности.....	216
Раздел 5.	
Булгаковедение	
<i>И.И. Рудяк</i>	
Экономика Маркса или хозяйство Булгакова: межсистемная борьба законов как эффект Кулешова.....	235
<i>Н.В. Сомин</i>	
Булгаковская метаморфоза.....	239
<i>Л.И. Ростовцева</i>	
Философско-хозяйственный аспект политической экономики А.И. Бутовского.....	245
Раздел 6.	
Энциклопедия	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Физис	255
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономизм.....	258
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Панэкономизм	262
Рецензии и отклики	
<i>М.С. Сосницкая</i>	
Иван Лукаш: постнеоклассик XXI века	267
<i>А.Г. Штейнберг</i>	
«Концепт Я-пространства», или Становление принципа женственности в управлении.....	276
Научная жизнь	
<i>А.Б. Николаев</i>	
Некоторые аспекты развития российского производства и инновационного развития	290
Наши авторы	301

Content

The Twelfth (<i>Yu.M. Osipov</i>).....	7
Part 1.	
Crisis	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
World Crisis and the World (Unsolicited Thoughts).....	11
<i>S.G. Kara-Murza</i>	
Crisis of Russia: Disintegration of Social-Cultural Communities.....	20
<i>A.Z. Novak, K. Rych</i>	
What the End of Crisis is?.....	31
<i>V.G. Belolipetsky</i>	
The Lessons of World Economic Crisis and Their's Account in Designing of Directions of Development of a National Economy.....	43
<i>A.S. Filipenko</i>	
Structure of World Financial Crisis	57
Part 2.	
Russian Reconstruction	
<i>R.S. Grinberg</i>	
Russian Modernization: among Chances and Risks.....	67
<i>D.E. Sorokin</i>	
Scenarios of Postcrisis Development: Possibilities of Innovative Reconstruction.....	71
<i>A.I. Fursov</i>	
Russia on its Wayout from the Deadlock, or Is there Darkness in the End of the Tunnel?	74
<i>S.A. Markov</i>	
Conservative Modernization: an Attempt of a New Model of Development of Russia	80
<i>A.P. Pochinok</i>	
Russia: Time of Breakthrough Development.....	83
<i>A.A. Nagorny</i>	
Modernisation: the USA, China, Russia	85
<i>R.I. Hasbulatov</i>	
Why Modernization doesn't Threaten Russia?	88
<i>N.B. Shulevsky</i>	
Knowledge and Destiny of Russia	93
<i>K.N. Lebedev</i>	
Reconstruction of Economic Education as Necessary Element of Reconstruction of The Russian Society.....	119
<i>O.V. Dobrocheev</i>	
Rhythms and Tendencies of World and Russian Reconstruction.....	125
<i>V.M. Kishinets</i>	
Humanitarian Problems of Nanotechnological Paradigms.....	131
Part 3.	
Philosophy of Economy	
<i>M.R. Eloyan</i>	
History of Philosophy of Economy: Brahmanistical Philosophy of Economy	139

<i>I.V. Pshenitsyn</i>	
About Economy and its Philosophy	161
<i>A.I. Subetto, V.V. Tchekmaryov</i>	
Philosophy of Economy Pro at Contra (Dialogue in the «Minuet» Style).....	165
<i>P.P. Zhulikov</i>	
Philosophy of Economy. From an Outsider's Viewpoint	173
Part 4.	
Actual Philosophy	
<i>A.G. Dugin</i>	
Martin Heidegger, Other Beginning and Possibility of Russian Philosophy	183
<i>F.I. Girenok</i>	
Hallucinations as a Person's Essence.....	208
<i>F.I. Girenok</i>	
Consciousness as an Echo.....	212
<i>D.L. Rodzinsky</i>	
The Concept of Space And Consciousness of Plotin as One of Integral Conditions of Economic Activities.....	216
Part 5.	
Bulgakovknowledge	
<i>I.I. Rudjak</i>	
Marx's Economy or Bulgakov's Economy: Intersystem Struggle of Laws as Kuleshov's Effect	235
<i>N.V. Somin</i>	
Bulgakov's Metamorphosis	239
<i>L.I. Rostovtseva</i>	
Philosophical-Economic Aspect of A.I. Butovsky's Political Economy	245
Part 6.	
Encyclopedia	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Physis	255
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Economizm	258
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Paneconomizm.....	262
Reviews and Responses	
<i>M.S. Sosnitskaya</i>	
Ivan Lukash: a Postneoclastic of the XXIst Century.....	267
<i>A.G. Steinberg</i>	
«Concept of I-Space», or Formation of Principle of Femininity in Management	276
Scientific Life	
<i>A.B. Nikolaev</i>	
Some Aspects of Development of the Russian Production and Innovative Development	287
Our Authors	300

Двенадцатый

Вот пришел и двенадцатый год жизни нашего журнала.

Двенадцатый!

66 изданных за 12 лет книжек, насыщенных глубокими нестандартными мыслями и разбросанными там и сям далеко идущими догадками.

Данная книжка — шестьдесят седьмая.

Двенадцать — число сакральное.

Двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать апостолов.

Двенадцать... стульев, но... но... это не про нас, а вот двенадцать рыцарей круглого стола (!)... это, пожалуй, про нас, хоть нас и не двенадцать, а двадцать четыре, сорок восемь, девяносто два... 0-0!.. Нас — авторов журнала — совсем и не мало, более того, нас много, и все... рыцари... и рыцарши, конечно, тоже, и все как на подбор: умные, эрудированные, оригинальные, а главное... толковые!

Сотни, большие сотни (!) впечатляющих и запечатлевающих текстов, образующих целую, совсем недавно вполне и не мыслимую библиотеку современного человекознания и обществоведения, не говоря уже о приоритетной в новорыцарских кругах *философии хозяйства* — объединяющей, пронизывающей, манящей вперед.

В мире нынче *кризис*, тот самый — нет, не финансово-экономический, который у всех теперь на глазах, а другой, который глубинен, потаен и субстанциален, которого вроде бы и нет, но который все-таки есть — *апокалиптический* это кризис, который вовсе не кризис-разруха, а кризис-процветание, тот самый чудо-кризис, который невероятно благополучен и столь же вероятно пределен.

А что потом, после разрешения?

Ясно, что *иное*, рождающееся ныне в обезумевшей, обессиленной и все еще беснующейся во внеисторическом припадке России, но... но уже и озирающейся не без провидческого умысла по сторонам, возвращающейся вольно или невольно к самой себе и себя вновь не без натуги обретающей.

Никто не знает этого *иного*, и сама Россия его не знает, но... куда же ей, горемыке, без оного, философией хозяйства предчувствуемого и

кое-как осмысливаемого: а ведь знает философия хозяйства, знает, что все это нынешнее, что вокруг, что с великими условиями и необычайной реформаторской страстью добыто, такое прекрасное и комфортное, такое нужное, но... ничего путного все-таки не обещающее, все оно тупиково, зябко, временно, ибо... обречено оно на скорое исчезновение... ради иного, о котором сегодня только догадываться можно, ибо это не гуманизм будет, не коммунизм и не демократия, а единственно возможная форма (и формула) жизни на восставшей планете.

Впрочем, жизнь наша продолжается, журнал продолжается, мысль продолжается, а соответственно и служение наше продолжается: через тернии текущего к звездам *иного!*

Двенадцатый!

Да будет!

Главный редактор

КРИЗИС

I

Ю.М. ОСИПОВ

Мировой кризис и мир (непрощенные мысли)

Аннотация. Автор рассматривает глубокий и масштабный кризис современного мира, обусловленный исчерпанием потенциала Модерна.

Ключевые слова: современный мир, Модерн, Постмодерн, кризис, трансформация, катастрофа.

Abstract. In the article the author examines the deep and scale crisis of the modern world conditional on exhausting of Modern.

Keywords: modern world, Modern, Postmodern, crisis, transformation, catastrophe.

Мировой кризис не только не сводится к финансово-экономическому кризису 2008—2009 гг., но даже и к техно-производственному кризису текущей современности, ибо это кризис фундаментально цивилизационный, если иметь в виду западного — передового — образца цивилизацию, а также кризис всего нынешнего мироустройства со всеми его локальными различиями и неравенствами, житейским многообразием и межсубъектной соподчиненностью.

Строго говоря, имеет место не просто мировой кризис, даже и не кризис мира, а уже *кризис кризисного мира — мира Постмодерна*, а Постмодерн как раз и есть *эпоха общего кризиса Модерна*, и сроку этому кризису без малого вот уже полтора столетия.

Эпоха Постмодерна — эпоха отрицания Модерна, но... на основе и в пределах самого Модерна, — так вышло, что приставленное к модерну словцо *пост* означает скорее уже не *после*, а... *последний*, что и позволяет судить о Постмодерне не столько как о *послемодерне*, сколько как о *последнем* модерне, а лучше бы сказать, в значительной мере и по-ленински, — конечном, загнивающим, умирающем.

И все это, казалось бы, в момент полного исторического (чуть ли уже не постисторического) торжества Модерна, его всестороннего процветания и гламурического блеска!

Эпоха Постмодерна — эпоха общего кризиса Модерна, а слово «кризис» здесь вполне уместно, хотя бы потому, что хорошо отражает, может, и прерывающееся, но в целом не исчезающее болезненное бес-

покойство Модерна — несмотря на его очевидные неприродно-материальные успехи.

И все бы ничего, если бы кризис этот не сопровождался кризисом самого современного, а теперь уже и постмодернового, человека, мало того, не выражался бы в отрицании постмодерновым миром даже не постмодернового же человека, а уже и человека вообще.

Вышло вдруг так, что искусственному миру, созданному человеком, сам человек, это бывшее природно-сакральное создание, превращающееся в итоге Модерна в неприродно-секулярное («человеченное»), оказывается ненужным, а если что и нужно такому миру, то уже какое-то совершенно искусственное существо-произведение — человек, чиповой, киборг, гуманоид, звероид, кто там еще?

Самым примечательным является то, что все это уже никакая не фантастика, не выдумка, не иллюзия, это — реальность!, все более и более ощущаемая, распознаваемая, откладывающаяся тяжким бременем на чувствительное все-еще-человеческое сознание.

Пред нами, таким образом, феномен не просто мирового кризиса, даже не кризиса мира, а уже прямо-таки *мир-кризиса!*

Никакая наука все это уловить и осмыслить не может, ибо она сама мотор, мотив и элемент этого всеохватывающего и всепоглощающего кризиса, мало того, она сама охвачена и поглощена кризисом — дробясь, эклектируя, убегая от сути, отрываясь от реальности, отчаянно математизируясь, технологизируясь, формализуясь, служа уже по преимуществу себе самой и с самой собою увлеченно и безнадежно играя.

Для опознания и диагностики происходящего потребна философия, да не научная, не физическая, а *метанаучная, метафизическая*, ибо происходящее обусловлено не столько мировой экзотерикой (внешним), сколько мировой эзотерикой (внутренним), не тем, что на виду, а тем, что сокрыто, упрятано, законсервировано, иными словами, не столько имманентным, сколько трансцендентным.

Кризис ныне — не просто состояние мира, а скорее всего какая-то овладевшая миром *субстанция* — вездесущая, прилипчивая, тяжкая, а потому преодолеть кризис — не изменить даже нынешний мир, а его полностью *преодолеть*, перейти каким-то уже чуть ли несусветным образом к *иному* миру (не столько, может, перейти, сколько как-то вдруг в нем очутиться).

Вот тут-то и потребна философия, да не просто как философия вообще, пусть и метафизическая, а как *философия хозяйства*, которая и родилась-то в концептуальной определенности как раз в разгар общего кризиса мира Модерна, по причине этого кризиса и даже... ради него... в смысле возможного его преодоления.

Хозяйство — это вовсе не одно только производство потребительных благ, их распределение и потребление, даже не только трудовое обеспечение бытия человека, того же физического, это есть не что иное, как само жизнеотправление человека во всей своей цветущей сложности — со всем сразу: потребительными благами, предприятиями, семьями, народами, государствами, наукой, философией, религией, финансами, политикой, деревнями, городами, литературой, искусством, со всей культурой и всей цивилизацией, языком и сознанием, со всей вообще ноосферой.

И кризис нынешний — воистину *хозяйственный кризис*, сотворенный современным жизнеотправлением, следственно, и хозяйством, когда человек хозяйствующий, возложив на себя через посредство, кстати, и соответствующей философии — гуманистической, функцию демиурга, творца, пересотворителя, бросился превращать мир Божий и Природный в мир Человеческий.

Отсюда и Нессанс — Рождение, рождение демиурга, творца и пересотворителя, а не какой-то там Ренессанс, который стал лишь псевдогреческим прикрытием горделивого Нессанса.

И сегодня имеет место поражение этого горделивого Нессанса, ибо не нужен теперь ему человек, хоть и нужен пока еще постчеловек, то бишь последний человек: так вот первый, передовой, прогрессивный человек (западный, нессансный, экономический, онаученный, технологический, инновационный) вдруг становится... последним: великая тут имеет место ирония, обязанная случаем своим хозяйственной истории, восставшего против Природы и Бога нессансного, или же модернистов, человека!

И что ж теперь? А теперь, видно, грядет восстание всего ранее — в момент Нессанса-Ренессанса — отвергнутого и весьма уже забытого против всего, а ежели и не всего, то очень многого, во всяком случае — главного, Модерном сотворенного и доведенного Постмодерном до самоубийственного абсурда. Это, надо полагать, и есть высшее проявление, как и следствие общего кризиса современности, как, собственно, и спасительное средство от возникшего вдруг жизненно-хозяйственного абсурдизма.

Да, ренессансно-нессансный человек, вышедший из западного антихристианского европейства — активист, экономист, научник, техник, инноватор, перешел в своем оголтело свободном жизнеотправлении какую-то трансцендентно обусловленную черту, чем поставил себя и все человечество на грань какого-то эсхатологического разрешения: если не простого и полного исчезновения, то хотя бы превращения в

иное по качеству и образу планетарное население, существенно при этом сокращенное.

Нет, недаром, совсем недаром вот уже полтора столетия трясет передовой мир... от самого себя, а вместе с ним и под его началом и всю планету тоже. Обустроился было наш европейский демиург, согласно своим потребностям, заведя большой искусственный мир, ему будто бы служащий, да и обнаружил вдруг, что мир этот, служа будто бы человеку, требует и от человека службы себе, да не просто службы, а чуть ли не полного растворения в себе — в этом заведомо благополучном, но почему-то и таком зловредном для торжествующего человека мире.

Кризис, он же мировой кризис, как и кризис мира, он же и мир-кризис!

Апокалиптический по главным своим параметрам кризис, — «концевой», последний, тотальный, обеспечивающий уже поглощение человека человеком, как и всего человеческого мира этим же самым миром человеческим.

Вот тебе и великая историческая коллизия — модернового происхождения постмодерновая глобальная заварушка!

Тупик!

Ясно, что инженерно программируемого выхода из этого замысловатого тупика нет, хотя разные антикризисные программы есть и будут, как есть и будут яростные попытки этих глубокомысленных программ исполнения.

Достойное место среди подобных программ занимают и будут занимать, конечно же, программы, тайные, конспиративные, что вполне соответствует тайности и конспиративности всей вообще истории, как и самой жизни вокруг, как и самому по себе человеку.

Будущее. Оно, разумеется, будет, но будущее уже не этого — нынешнего — мира, не его продолжение и развитие, хотя кое-что из нынешнего мира и продолжится, и развится. Впереди маячит *иной* мир, не этот, ибо у *этого* мира нет уже шансов пережить самого себя. И никаких революций не надо — тут идет великое самопожирание!

Планета освоена, крепко и целостно, и то ли урчит недовольно, то ли натужно кряхтит, то ли уже страдательно стонет. Пустота оккупирует сознание, а игра овладевает ноосферой. А ведь это все пострашнее мириад несущихся куда-то автомобилей и миллионных стай бегущих куда-то в туристическом раже граждан мира.

Бессмыслица!

Где же выход? В общем-то, он там — в прошлом, настоящем и будущем. Он как раз там, где его нет, ибо все на свете не что иное, как

тайна. И какой он, этот выход? Ах, если б знать, если б знать! Тайна, она и есть тайна!

С Югославией как-то вдруг получилось — на время, надо полагать; с Ираком что-то уже не очень; с КНДР и Афганистаном — ничего не получается; с Ираном — явно не получится. И с Украиной что-то все не очень, и с Грузией, и с тем же Косово. С СССР как будто бы получилось (еще как!), а вот с Россией, несмотря на тьму приверженцев западнизма в самой России, что-то не очень получается. А тут еще Китай, Индия, Бразилия, да и какая-нибудь Венесуэла с сонмом своих сторонников, не говоря уже о набившей оскомину Кубе.

Вот и выходит, что с миром этим и таким что-то воистину нехорошее творится: вспучивается он как вешний лед и грозит самому себе всепоглощающим ледоходом.

А центр властно-финансово-технологический, клейменный заживо «11 сентября», завибрировал как-то вдруг, пойдя даже на кое-какие вынужденные признания... в собственном мошенничестве... причем в особо крупных (от «крупность» и от «крупье» сразу), и весь напыщенный авторитет свой разом вдруг и растерял: пахан, он и есть пахан, не с ним же в будущее-то светлое подаваться!

Вот вам и глобализм, вот вам и глобализация, уж не «малина» ли тут попросту беспредельная?

Что остается в таком разе миру планетарному, столь прозрачно в кризисные 2008 и 2009 гг. саморазоблачившемуся? Обратное в «райский» глобализм что-то не хочется, а глобальный центр ничего другого заманчивого предложить уже не может, ибо любое другое заманчивое — уже не глобализм (планетарное общежитие стран и народов — вовсе и не глобализм, который как раз оттуда происходит — сверху и из центра). И остается миру планетарному заняться созиданием какого-то неизвестного пока ему *постглобализма*, где «пост» означает вполне определенно не что иное, как решительное «после».

Нынешний глобализм, конечно же, не согласится со столь убийственной для него перспективой. Отсюда и возможность какой-то рукотворной («умотворной») общемировой турбулентности: то ли холодной, то ли горячей, а скорее всего попросту жаркой.

Что может дать будущему миру — помимо его паразитарной эксплуатации — крапленный лукавым финанризмом постмодерн? Все, что угодно, кроме *человека и мира человеческого*: гуманизм, если и был где-то и когда-то, уже в прошлом, он весь истаял, а на его месте прочно воцарилась его вполне принципиальная противоположность, называемая в мягком варианте антигуманизмом.

Паразитарный в своей сути постмодерн органично ядовит и склонен по причине своей ядовитости к столь же ядовитому тоталитаризму. Ренессанс давно уже не ренессанс, а всего лишь примитивизирующийся деграданс, а потому и господствует в несчастном мире вполне счастливый Голливуд, пророчествуя всему и вся скорое исчезновение.

Самый передовой мир вдруг превратился в самого удачливого могильщика мира — и в этом, кажется, и состоит его самая потрясающая всякое воображение историческая инновация: недаром же именно из некроглубин глобального центра вылетел неожиданно-негаданно где-то в начале 1990-х совершенно постмодерновый и совершенно убойный тезис о «конце истории»!

Ребятам из Вашингтона, как и из некоторых других мировых столиц, к примеру, из той же Москвы, кажется, что гнусные кризисные события 2008 — 2009 гг. всего лишь временные и скоротечные, знаменующие собою лишь переходной, как в кино, эпизод, имеющий вполне видимый конец, за которым уже вроде бы маячит не менее зримое позитивное продолжение, но... но тут как раз все далеко не так, ибо в метафизических глубинах Постмодерна предательски ворочается этакой неуловимой змеей, порожденной демиургическим Модерном, черная кризисная субстанция, никому и ничему не дающая в нынешнем экзистенциальном мире обесстрашенного покоя. Парни из Вашингтона думали, что оттолкнувшись яростно от 11 сентября и вероломно ворвавшись в непокорный, но полный драгоценной нефти Средний Восток, они достроят наконец-то Всемирную Пирамиду, образ которой давно уже провидчески запечатлен на лукавых долларовых бумажках, ту самую пирамиду, на вершине которой обустроился было с комфортом глобальный центр со своим «золотым миллиардом», а по нижеследующему телу пристроился уже весь остальной мир, этот «миллиард» держащий и удерживающий. И все бы ничего, если б не этот проклятый постмодерновый кризис, никуда не девающийся и упорно весь передовой, он же и избранный, мир предательски тревожащий.

В великую кризисную западню попал великий — и такой прогрессивный, — западнизм, причем в западню, устроенную стабильно им же самим, — и западня эта есть не что иное, как... сам же этот западнизм — со всеми его великими прибывками: глобализмом, финансизмом, сциентизмом, техницизмом, интеллектуализмом, инновационизмом, ибо оказалось вдруг, что все это выдающееся, прибыточное, работая на западный чудо-мир, работает и против этого чудо-мира, да не просто диалектически противодейственно, как бы и в жизненную ме-

ру, а фронтально погибельно, когда мерой тут оказывается более всего функция от самой уже матушки Смерти.

Чует западнизм, что пора уже жертвы новые — и гигантские! — приносить в угоду шевелящемуся в его криптонутре общекризисному змию, и готовится он уже к такому жертвоприносительному действию, очами своими острыми, теперь вот уже карими, мир весь земной интеллектуально и инновационно озирая.

Первыми жертвами поднявшего когда-то голову западнизма стали, как известно, необъятные пространства планеты, заселенные диковинными (а для цивилизационного западнизма «дикими») народами, быстро и ловко превращенные цивилизованным западнизмом в колонии и успешно ими обчищенные; затем пришла очередь нелиберальных империй, для чего были затеяны многие революции и войны, а среди этих приговоренных империй оказалась и Российская империя, историю свою особенную и Западу альтернативную прозевавшая; потом в жертву были принесены вдруг почему-то среди западнизма возникшие экстремальные образования, известные более как фашистские и милитаристские, с западнизмом сразившиеся не на жизнь, а на смерть; с течением времени в жертвенный список попало и так называемое мировое социалистическое сообщество во главе с СССР и Россией в его составе. Все эти жертвы мирового значения шли мировому западнизму впрок: он укреплялся, перестраивался, усиливался, жирел. И вот на повестке дня теперь новое мировое жертвоприношение (Югославия и Ирак — не более чем его локальные предтечи, вполне и жалкие); на повестке теперь в общем-то... *весь мир*, ну, а если и не весь мир, то большой от него кусок — богатый и в то же время... слабый.

Уж не Россия ли?

Ох!

А почему нет?

И ответ тут будет такой: более «да», чем «нет», ибо кто не хочет кормить свою армию, склонившись перед «гражданским» гедонизмом и «демократическим» гламуризмом, тот кормит армию чужую, — и это в лучшем, самом что ни на есть гуманном, случае.

Сей коварно эсхатологический исход для России современной увы... вполне сегодня вероятен, тем более, ежели ума элитарного в России современной не хватит, так и той же изворотливости геополитической, как в свое время у Империи Российской не хватило, а уж об СССР и говорить нечего: о наличии стратегического ума и тактической изворотливости тут речь, как оказалось, вообще идти не могла.

Ясно, что не всем в мире нужна погибель России, кое-кто чует и великую от этого беду, а кое-кому потребна именно большая и сильная

Россия, но... всякие бывают в турбулентной истории срывы и зигзаги, надежды и проклятия, и соблазн столь заманчивого жертвоприношения может вдруг в мире победить, — и вот тогда... эх... а хочет ли сама Россия, ее правящая элита, ее растерянное население, оставаться Россией и российскими, вот где вопрос, уже дважды за последние сто лет решавшийся самой Россией... не в пользу России, — и почему бы не решить этот злосчастный вопрос надлежащим образом и в третий, уже в последний раз?

Нет, хоронить Россию, конечно, рано, да и невозможно, во всяком случае, ее подрастерявшимися сынам, но нельзя не замечать гнусного призрака разложения, распада и гибели как бродящего вокруг России, так и в ней самой весьма прочно угнездившегося. Текущие кризисные годы — время большого испытания, из которого возможен любой для России исход: что горный, что безднный, да вот только горный исход усилий небывалых требует, и сосредоточений, и жертв, а сама по себе «рыночная» страна лишь проскользнет тихо и незаметно к уготовленной ей бездне, давненько уже ее услужливо и не без чарующего удовольствия поджидающей.

И если Россия сейчас на перепутье: стать ли ей жертвой мировой, или не стать, то остальной мир планетарный, кажется, подобной жертвой у западнизма-глобализма стать совсем не желает. Ума и изворотливости в мире для этого, похоже, хватает, в особенности на Востоке, где явно какой-то новый альтернативный мир весьма и споро поднимается. Вот тебе, бабушка, и азиатский способ производства, который был когда-то прозорливо замечен великим классиком бунтарской европейской мысли, но для которого он так и остался прескверной азиатской загадкой.

Текущий мировой кризис, который не столько экономический, сколько хозяйственный, еще и цивилизационный, мало того, еще и *мировой* (мир-кризис!), многое что обнажил в реальности, для кого-то совершенно по-свойски — чуть ли не по-дружески, а для кого-то вполне и враждебно, если не подло изменнически.

Что же?

А то, что мир нынешний уже не может оставаться *этим* миром, а должен стать *другим*; что глобализм со своим глобальным центром не просто переживает кризис, а кризисом своим доказывает историческую никчемность и душевную леность *любого* глобализма с *любым* глобальным центром, как это уже было с тем же евро-католическим глобализмом и римским глобальным центром; что мир планетарный должен стать *многоцентровым* и по-крупному *партикулярным*, а ежели и не сильно солидарным, то хотя бы компромиссным в своем жиз-

ненном разнообразии; что нынешний глобальный центр, хоть покрупному на деле и символически дискредитированный, с арены мировой не сгинет, мало того, затеет новую перестройку мира — опять же под себя; что нынешний глобальный центр, хоть и трещит весьма по швам, постарается как-то консолидироваться, изменить лицо и поменять тактику; что впереди, может, и мир пока, но с упорной и беспощадной подковерной борьбой, способной превратить не всеобщий еще мирный мир во вполне всеобщую немирную войну.

Итак: другой мир и другая в нем мирность — другие мирового значения инициации и инициативные центры — другие мирового охвата субъекты-монстры — другие мирового масштаба проекты и игрища — другие для мира итоги.

Большая впереди *общемировая турбулентность!*

Рождение *нового мира!*

Высокая вероятность, — может, и последней — *всемирной катастрофы!*

В самых общих чертах загоризонтный фон, на котором разыгрывается новый всемирный перестроечный спектакль — с открытыми и закрытыми глазами его участников, с научными и метанаучными экспертными подходами, с поиском очередных геостратегических жертв и совершением столь необходимых миру новых спасительных жертвоприношений. Этакий всемирный обновленческий *криптоспектакль!*

Нет, глобальный центр не собирается сдаваться. Именно он, этот центр, сделал мир физическим (неприродно физическим), и именно он держит в руках передовую физику этого физического мира — новейшие технологии, которые ныне даже более био-, психо-, кибер- и социотехнологии, чем собственно технические технологии, хотя и с техническими технологиями у глобального центра все в сносном порядке. Так что политика политикой, а физика с ее передовыми технологиями физикой. И центр глобальный, заметно теряя политический авторитет и политическую силу, постарается компенсировать такого рода утраты и их даже превзойти посредством своей физической составляющей, вряд ли перед чем-то аморальным себя останавливая. Германский эксперимент XX в. — не канувшая в вечность страшная девиация, а всего лишь предтеча новой всемирного значения нормы, разумеется, реализующейся по-новому, в новых одеждах и новыми способами. Тут-то и просматривается реальная возможность обильной, всемирного масштаба, жертвенной жатвы, чуть ли уже не единственно спасительной для глобального центра.

У остального планетарного мира есть, помимо политической прыти и нарастающего ответного физикализма, не очень, быть может, явный,

но единственно надежный резерв сопротивления и последующей победы — метафизический, ибо остальной мир не потерял связи не только с природным и сакральным началами, но и с миром иным, соприкосновение с которым дает не физическое знание, а метафизическую мудрость, отчего и возникает шанс переиграть империалистически настроенный, но физикалистски ограниченный глобальный центр.

А что Россия?

А Россия остается один на один со своим собственным *шансом*, который у нее, как всегда, есть, но уже такого рода шанс, который требует для своего «уловления» большого ума и великой воли, причем в совершенно властной, при этом и метафизически обустроенной интерпретации, чего в России иногда бывало, но, может, вдруг случится и вновь.

С.Г. КАРА-МУРЗА

Кризис России: распад социокультурных общностей

Аннотация. В статье рассматриваются главные причины современного кризиса в России. Кризисные тенденции анализируются с позиций социокультурных, общественных ценностей и культурно-исторических типов цивилизационных признаков России.

Ключевые слова: общественные процессы, народ, нация, кризис в России, культурно-исторический тип.

Abstract. In the article the main reasons of modern crisis in Russia are considered. Crisis tendencies are analyzed from positions of social-cultural, social values and cultural-historical types of civilizational signs of Russia.

Keywords: public processes, the people, the nation, the crisis in Russia, cultural-historical type.

Субъекты общественных процессов — не индивиды, а общности, собравшиеся на какой-то матрице. Состояние всей системы общностей, соединенных в общество, — один из главных предметов обществоведения и, конкретно, социологии. Кризис российского общества, перешедший в 1991 г. в острую стадию, потряс всю эту систему, все ее элементы и связи. Период относительной стабилизации после 2000 г. сменился в 2008 г. новым обострением. Диагноз состояния системы общностей (социокультурных групп) стал актуальной и срочной задачей.

Главным тезисом данной статьи является утверждение, что одна из главных причин продолжительности и глубины кризиса заключается в том, что в России продолжается процесс *распада всех общностей* (кроме, возможно, криминальных). Этот процесс запущен реформами 1990-х гг., маховик его был раскручен в политических целях — как способ демонтажа советского общества. Ни остановить этот маховик, ни начать «сборку» общностей на новой основе после 2000 г. не удалось (если такая задача вообще была осознана и поставлена).

Демонтаж народа

Самым первым объектом демонтажа стал *народ (нация)*. Идея *разборки* и *создания* народов нам непривычна в силу присущей обыденному сознанию натурализации общественных явлений — интуитивному ощущению, будто общество развивается по таким же законам, как и природа. В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются* и *конструируются*. Это — явления культуры, а не природы. *Демонтаж народа* — нормальный технический термин, поскольку народ это система, в которой множество элементов (личностей, семей, общностей разного рода) соединены множеством типов связей. Связи эти поддаются целенаправленному воздействию, и технологии такого воздействия совершенствуются. Значит, народ можно «разобрать», демонтировать.

Выполнение политической задачи «разборки» советского народа привело к повреждению или разрушению связей, соединявших граждан в народ. Эта операция велась в двух планах — как ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, *русского народа*, и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и Российской Федерации. Альтернативной матрицы для сборки народа (нации), адекватной по силе и разнообразию связей, создано не было. Никакой программы нациестроительства государство не выработало до сих пор.

Во второй половине XX в. народ России существовал как *советский народ*. Перестройка стала форсированной операцией по его демонтажу. Для разрыва связей и порчи механизмов их воспроизводства применялись средства *информационно-психологической* и *экономической* войны.

Экономическая война внешне выразилась в лишении народа его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности) и личных сбережений, а также изъятии огромных средств из производства основных фондов страны. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников се-

ла. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззренческое ядро.

Воздействие на массовое сознание в *информационно-психологической* войне имело целью непосредственное разрушение *культурного ядра* народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук.

Результатом информационно-психологической войны было нанесение народу тяжелой *культурной травмы*. Она вызвала душевный разлад у большинства граждан. В начале 1990-х гг. 70% опрошенных относили себя к категории «людей без будущего». В 1994 г. «все возрастные группы пессимистически оценивали свое будущее: в среднем только 11% высказывали уверенность, тогда как от 77 до 92% по разным группам были не уверены в нем» [1]. Летом 1998 г. (до августовского кризиса) на вопрос «Кто Я?» 38% ответили: «Я — жертва реформ» (в 2004 г. таких ответов было 27%).

Была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило систему ценностных координат. Советский народ был в большой степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих «надличностным сознанием» и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению и выявлению причинно-следственных связей.

Социологи пишут: «В 1992—2002 гг. по общероссийской выборке фиксировались изменения в социальном самоопределении российских граждан или ответах на вопрос, кого опрашиваемые считают “своими” группами и общностями... Ближайшее окружение — семья, друзья, коллеги — образует устойчивый базовый комплекс социального самоопределения. Идентификации с большими общностями нестабильны... Главными ресурсами выживания остаются персональные сети взаимодействия, поскольку только знакомые и близкие вызывают *доверие и чувство защищенности*» [2].

Демонтаж народа диалектически связан с приватизацией общенародной собственности. По выражению А.С. Панарина, «атомизация народа, превращаемого в диффузную, лишенную скрепляющих начал массу, необходима не для того, чтобы и он приобщился к захваты-

вающей эпохее тотального разграбления, а для того, чтобы он не оказывал сопротивления» [3, 31].

Конструктивистская доктрина демонтажа советского народа предполагала «сборку» другого народа («новых русских») на принципиально иной матрице. Этот небольшой народ должен был выполнять функции *демоса*, а не вошедшая в него часть населения оставалась в статусе *охлоса*. Передача власти и собственности демосу требовала трансформации государства и его отказа от функции воспроизводства связей, соединяющих людей в народ (патернализма).

Доктрина выделения из всего населения небольшого демоса вовсе не ушла в историю с «проектом Ельцина». В данный момент статус демоса приписывается «среднему классу», численность которого в России оценивается в 7—12%. 28 ноября 2008 г. программное заявление сделал В. Сурков. Он сказал: «Если 1980-е были временем интеллигенции, 1990-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену».

В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть. Сурков так определил статус среднего класса в России: «Российское государство — это его государство. И российская демократия — его. И будущее у них общее... Россия — их страна. Медведев и Путин — их лидеры. И они их в обиду не дадут» [4; 5].

В момент нынешнего кризиса защищать средний класс «его государство» предполагает экономическими средствами, необходимости в применении армии, как предполагалось в начале 1990-х гг., нет. Однако установки околовластной элиты в отношении «низших классов» не изменились. Вот недавние рассуждения Г.Х. Попова: «При формировании государственных структур надо полностью исключить популистскую демократию. Один человек должен иметь один голос только при выборах верхней палаты, обеспечивающей права человека. А при избрании законодательной палаты гражданин должен иметь то число голосов, которое соответствует его образовательному и интеллектуальному цензу, а также величине налога, уплачиваемого им из своих доходов» [6].

Разделение народа становится привычным фактом — разведенные реформой части общества уже осознали наличие между ними пропасти. Институт социологии РАН с 1994 г. ведет мониторинг «социально-экономической толерантности» в России — регулярные опросы с выявлением субъективной оценки *возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми*. После нояб-

ря 1998 г. эти установки стали удивительно устойчивыми. В ноябре 1998 г. они были максимально скептическими: отрицательно оценили такую возможность 53,1% опрошенных, а положительно 19% (остальные — нейтрально). Затем от года к году (от октября 2001 г. до октября 2006 г.) доля отрицательных оценок колебалась в диапазоне от 42,1 до 46%. Оптимистическую оценку давали от 20 до 22% [7, 74]. Угроза утраты «коммуникабельности» со временем нарастает.

В целом, попытка превратить какие-то «поднятые» реформой социокультурные группы в системообразующее ядро «нового» народа успехом не увенчалась. Эту функцию не смогли взять на себя «новые русские» (буржуазия «из пробирки»). Видимо, ядром общества и социальной базой власти не сможет стать и *средний класс*. Попытка взять за основу его идеологии классический либерализм была ошибкой — философия либерализма, выросшая из Просвещения, давно неадекватна нынешней реальности. Идея гибридизации остатков либерализма с православием и самодержавием также успеха не имела.

Утверждение, будто период 2000—2008 гг. был *эпохой* среднего класса, неубедительно. Ничего *эпохального* этот социальный субъект не совершил, и ничего от него не ждут. Новый «гегемон» не только не определен внятыми признаками, он воспринимается как явление переходящее и нежизнеспособное. По своим социокультурным характеристикам эта общность — продукт постсоветского смутного времени, который уже не обременен коллективной памятью «советского типа», но не обрел «своей» памяти. Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усилия?

В принципе, классовый подход представляется неадекватным природе кризиса. И кризис, и порождаемые им угрозы для России носят системный, *цивилизационный* характер. Та общность, которая станет движущей силой программы развития, должна говорить на языке цивилизационных, а не идеологических и социальных проблем. Если так, то в моменты исторического выбора и переходных процессов (включая кризисы, войны, революции) выразителем главного вектора развития становится особая надклассовая и надэтническая социокультурная общность, которую Н.Я. Данилевский назвал *культурно-историческим типом* [8].

Состояние культурно-исторических типов как носителей цивилизационных признаков России

На кого опирается господствующая в данный исторический период сила, к каким идеалам призывает и кого наделяет ресурсами и властью

— один из важнейших вопросов, на которые должно ответить обществоведение на языке цивилизационного подхода.

Данилевский предложил признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых и является культурно-исторический тип. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «*обобщенный индивид*». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение *сущность* — народ, воплощенный в обобщенном индивиде. Он считал невозможной передачу главных принципов («смыслов») цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Заимствование верхушечных структур культуры одной цивилизации от другой происходят, по выражению Данилевского, в форме трех видов — «колонизации», «прививки» и «удобрения». *Колонизация* — механический перенос структуры с одной культурной почвы на другую («пересадка с одного места на другое посредством цивилизации»). Метафора *прививки* трактуется негативно — «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», дичок становится *средством* для черенка (как это было, по мнению Данилевского, в реформах Петра). «Удобрение» оценивается положительно — это «способ воздействия цивилизации на цивилизацию», действие которого схоже с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм», или «влиянию улучшенного питания на организм животный».

Но главное для нас в этой концепции заключается в том, что во всех случаях воздействие извне осуществляется через один и тот же культурно-исторический тип. Другого в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует.

Это эссенциалистское представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О. Шпенглер. Он дал метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов России с Западом как «модернизации», применив термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии.

Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

Шпенглер пишет: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая древняя культура тяготеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в со-

стоянии задышать полной грудью и не только что не доходит склады-вания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного разви-тия своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустую форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, чьи чувства костенеют, так что где им распрямить-ся во весь рост собственной созидательной мощи? Колоссальных раз-меров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе...

Псевдоморфоз у всех нас сегодня на виду: Петровская Русь... При-митивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальси-фицирован в династическую форму Западной Европы. ... Народ, на-значением которого было — в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконной русской сущности был просто-напросто непонятен. В ли-шенной городов стране с ее старинным крестьянством распростра-нились, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неес-тественными, неправдоподобными до глубины своей сути» [8, 30].

В свое время эта концепция подверглась критике русскими фило-софами, а сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. О любой известной истории цивили-зации можно сказать, что она — псевдоморфоз (античная цивилиза-ция Греции взяла многие формы не только у Египта, но и у черной Африки — и что из этого?).

Эти представления господствуют сегодня в России и у идеологов реформы, и у ее противников. Первые опираются на концепцию «Рос-сии-как-Европы» и объясняют неудачи реформ ненужным стремлени-ем искать какие-то «свои» подходы и формы (*особый путь*) вместо точного копирования западных структур. Вторые прямо исходят из модели Данилевского—Шпенглера. Но в главном эти крайности схо-дятся.

Так, В.Ю. Сурков излагает представления о нации и о культуре, проникнутые эссенциализмом. Он приписывает культуре неизменную идентичность, основанную на национальном характере: «Воля к сво-боде и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера... Культура — это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами... Чтобы понять, как будет разви-ваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свой-ства русской политической культуры» [9].

Таким образом, цивилизационное самосознание «русских, россиян» является в такой концепции именно «архетипическими, неотменяемы-

ми свойствами», это изначально данное «природное свойство национального характера». Поэтому усилия России по *адаптации* достижений Запада к реалиям российского общества вызывают у В.Ю. Суркова резкое неприятие. Он говорит: «Окно в Европу прорубалось способами, которые и азиатскими назвать нельзя, не оскорбив Азию. Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества» [10].

История XX в. заставляет отказаться от концепции Данилевского—Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX в. с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и «представляет» цивилизацию.

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX в. вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о «самобытности» российских либералов начала XX в., писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 г. Но он был сметен гораздо более мощной волной *советской* революции. Ее движущей силой был культурно-исторический тип, который стал складываться задолго до 1917 г., но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Прежде всего, важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» общество, по каким линиям экзистенциальных противоречий? Кто противостоит реформам при внешней апатии и полному

конформизму населения? Тут требуется деидеологизированный, «инженерный» анализ.

Трудный XX в. Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада.

Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, были после Гражданской войны «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень — последовательно одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал снижаться и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с ядом оговорок, *мещанством*.

К 1970-м гг. оно сумело добиться культурной гегемонии над большинством городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул лямку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Видные западные советологи уже в 1950-е гг. разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский, считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано (см.: [11]).

Суть философии мещанства — «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин — это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понизить личности». Это — духовный вектор.

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был оттеснен на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, помещиков, купцов и фабрикантов), оно пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним жизнью. Доведенные до крайности установки мещанства были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, стал на переломе веков едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов — все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство «пересидело»¹. Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами — и стало повышать голос. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы — целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты культурной гегемонии советским типом — важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике *когнитивной активности* рабочих. В 1922 г. продолжительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 г. на 537 часов. Люди их использовали, первым делом, на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 1960-х гг. начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986

¹ Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 1920-е гг. красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.

г. таких осталось 5%, и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997—1998 г. таких осталось 2,3% [12].

В общем, советский культурно-исторический тип сник в 1970—1980-е гг., а потом был загнан в катакомбы. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

В ближайшие 10—15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится важной задачей.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. Он — молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа — стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповаet на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

Литература

1. *Беляева Л.А.* Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // СОЦИС. 2004. № 10.
2. *Данилова Е.Н., Ядов В.А.* Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // СОЦИС. 2004. № 10.
3. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М., 2006.
4. *Михайлов. А.* Владислав Сурков предлагает помочь классу собственников // Российская газета. 2008. 1 дек.
5. *Сурков В.* Спасти гегемона // Взгляд. Деловая газета. 2008. 28 нояб. // http://vmeste.edinros.ru/analytics/analytics_22.html.
6. <http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208>.
7. Динамика социально-экономического положения населения России (по материалам «Российского мониторинга экономического

положения и здоровья населения. 1992—2006 гг.» // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2008. Вып. 2.

8. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.

9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 2 // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.

10. *Сурков В.* Национализация будущего // Эксперт. 2006. №43 (537).

11. *Новиков А.И.* Мещанство и мещане. Л., 1983.

12. *Патрушев В.* Жизнь горожанина (1965—1998). М., 2001.

А.З. НОВАК, К. РЫЧЬ

Каков конец кризиса?*

Аннотация. В статье предпринята попытка по-новому взглянуть на природу современного мирового кризиса. На основе проведенного анализа определяются контуры дальнейшего развития мирового хозяйства и национальных экономик.

Ключевые слова: мировое хозяйство, кризис, сценарии развития кризисных процессов.

Abstract. In article an attempt to view the nature of modern world crisis in a new way is undertaken. On the basis of made analysis the contours of the further development of the world economy and national economies are defined.

Keywords: world economy, crisis, scenarios of development of crisis processes.

Эксперты уклоняются от ответа на вопрос, заканчивается ли нынешний кризис. Одни считают, что широкое вмешательство финальных займодателей (правительств и центральных банков) остановило дальнейшую эскалацию потери финансовой ликвидности основными хозяйственными и финансовыми субъектами (коммерческие банки, инвестиционные и страховые фонды и др.) и вызвало рост оптимизма в реальной экономике, что в ближайшее время повлияет на экономический рост и постепенный выход из кризиса. Другие указывают, что, во-первых, учитывая многообразие и размер финансовых средств, в том числе так называемых токсических активов, находящихся по

* Перевод с польского преподавателя факультета управления Варшавского университета Д. Столярек.

прежнему в обращении, настоящий кризис лишь приостановлен и худшее впереди. Во-вторых, остается проблемой ухудшение потребительского настроения, неуверенность в будущем, отсутствие стратегии развития мировой экономики и ведущих стран, и экономикополитических группировок (альянсов), а также нарушение нравственных и этических принципов в бизнесе.

Кажется, что это основное расхождение во мнениях следует из того, что настоящий кризис не похож на предыдущие случаи обвала конъюнктуры. Тысячи подробных и зачастую противоречивых сообщений, поступающих из разных стран, не только не разъясняют, но прямо затушевывают картину преобразований, происходящих в мировой экономике. Мы имеем дело с перемешиванием положительных и отрицательных сведений, что может привести к ошибочным выводам. Чтобы ответить на вопрос, поставленный в заглавии статьи, а также, чтобы навести некоторый порядок в информации, касающейся представления и анализа кризиса, в настоящей статье предлагаем другой взгляд на кризис — взгляд «через обратный бинокль» — в основном, для того, чтобы увидеть его полный объем — в масштабах всей мировой экономики. Не возвращаясь к причинам кризиса, мы остановимся лишь на его развитии и возможных сценариях выхода мировой экономики из нынешнего провала.

Лопнувший спекулятивный пузырь на рынке недвижимости, приведший к кризису банковской системы, а также бегство на рынке капиталов привели к всеобщему спаду цен на финансовые и вещественные активы. Вследствие этого произошел сильный имущественный эффект агрегированного спада спроса, выражающегося в снижении его ценности. В результате сократились доходы как от сбережений, так и от вложений. В некоторых случаях этот спад составлял от нескольких до нескольких десятков процентов.

В странах, оказавшихся под воздействием кризиса, снизились индивидуальное потребление, объемы инвестиций, и по мере расширения кризиса произошло сокращение экспорта. Тем самым кризис переместился в сферу реальной экономики.

Кризис реальной сферы можно представить при помощи направленных изменения потоков, составляющих внутренний валовой продукт. Итак, произошел спад частного потребления (C), инвестиций (I), а также оборота внешней торговли и тем самым экспорта нетто (X). Зато выросли правительственные расходы (G) в большинстве стран, в том числе в США и в Евросоюзе. В результате, во многих странах был значительно превышен бюджетный дефицит по сравнению с референциальным уровнем (3% ВВП). В странах, особо сильно подверженных

кризису и, как правило, с большой задолженностью, правительственные расходы не только не сократились в соответствии с уровнем спада частного потребления, а, наоборот, выросли. Тенденции этих изменений можно представить следующим образом:

$$PKB + C \downarrow + I \downarrow + G \downarrow + X \downarrow.$$

Опасность, вызванная нынешним кризисом (угроза значительного роста безработицы, снижение объемов производства и инвестиций, спад потребления, рост бюджетного дефицита и публичной задолженности), а также отрицательный опыт предыдущих спадов экономической конъюнктуры, в том числе особый урок проявлений и последствий Великого кризиса 1929—1933 гг., побудили большинство государств к антикризисному вмешательству.

Вмешательство проводилось по двум направлениям: фискальному и монетарному. Цель оставалась той же — прежде всего сохранение на соответствующем уровне финансовой ликвидности основных финансовых институтов, в первую очередь коммерческих банков (депозитно-кредитных и инвестиционных). Вмешательство это технически проводилось или путем приобретения финальным заимодателем оказавшихся под угрозой финансовых активов, или покупались паи финансовых институтов, оказавшихся под угрозой, в основном в виде акций, или их огосударствления. В результате произошла значительная эмиссия публичного долга ради сохранения, с одной стороны, финансовой ликвидности финансовой системы отдельных экономик, а с другой — для финансирования постоянных расходов, а также новых, связанных с попытками поддержания существующего до сих пор агрегированного спроса. Выросли также расходы, связанные с выделением ассигнований и правительственных гарантий для банков и других финансовых институтов. Эти действия имели место в условиях сокращения поступлений в бюджет, вызванного ухудшением экономической конъюнктуры.

Рост расходов заставил правительства многих стран увеличивать публичный долг, в частности, путем эмиссии долговых бумаг. В разных странах эти операции проходили по-разному и принесли разные результаты. Наиболее исправно и с относительно низкими издержками прошла эмиссия облигаций и казначейских бон в США, чуть помедленнее и с высшей процентной ставкой в старых странах Евросоюза (Германия, Франция). Осложнения со сбытом долговых бумаг возникли в новых странах Евросоюза, может, за исключением Польши, которая как единственная из немногочисленных развитых стран в мире отличается положительным темпом экономического развития и хорошими перспективами развития в будущем. Заметно, что инвесторы,

приобретающие государственные ценные бумаги, руководствуются не только оценкой текущего экономического положения, но и исторической репутацией страны, связанной со стратегией развития и перспективами на будущее.

В свою очередь, банки смягчили денежную политику, предлагая относительно дешевый и легко доступный кредит коммерческим банкам. Некоторые из них — например, Банк Англии — эмитировали также дополнительные деньги. Значительно снизились основные процентные ставки (это касается прежде всего США и большинства стран ЕС — в том числе Европейского экономического валютного союза и Европейского центрального банка) и требуемый уровень обязательных резервов.

Экспансивная фискальная и монетарная политика отмечена в уравнении ВВП буквой «G» и означает в нынешнем понимании рост правительственных расходов. Тем самым она не понимается в духе кейнсианского подхода, т. е. как механизм, создающий спрос с использованием множителя. Нам представляется, что это неправильный подход, потому что, если применять кейнсианское понимание расходов «G», то, кроме того, что такой подход создавал бы возможность выхода из кризиса, он позволил бы ускорить этот процесс и тем самым, вероятно, ограничивал бы рост безработицы. Было решено более сложным — косвенным — способом воздействовать на частный спрос. В этой концепции, кажется, основной целью было предотвращение банкротства банков, которое могло бы повлечь за собой банкротство фирм реальной сферы, что привело бы к так называемому эффекту домино. Итак, совместная деятельность правительств и центральных банков была направлена на ограничение банкротства банков и поддержание частного спроса.

В итоге правительственные расходы и монетарные экспансии (особенно ФРС и Банка Англии) привели к тому, что нынешний кризис — по крайней мере, в реальной сфере — не приобрел катастрофические размеры. Если привести не конкретные цифры, а масштаб кризиса, то можно считать, что снижение ВВП составляет 5%, а не порядка 20%, как во время Великой депрессии, и рост безработицы оказался в 2 раза ниже, чем тогда. Конечно, это не убедительные аргументы, что нечего опасаться в ближайшем будущем, а лишь объяснение методов поведения отдельных правительств и центральных банков в борьбе против как причин, так и последствий кризиса.

Незамедлительные вмешательства правительств и центральных банков, во-первых, позволили сохранить финансовую ликвидность во многих коммерческих банках и финансовых институтах, что в резуль-

тате способствовало выживанию многих из них, несмотря на серьезную угрозу банкротства в самом начале; во-вторых, способствовали сохранению спроса, благодаря правительственным расходам на общественное потребление, персональные услуги и инфраструктурные услуги (например, строительство дорог). Тем самым на определенном уровне поддерживали агрегированный спрос, несмотря на значительный спад спроса частного сектора. В-третьих, способствовали поддержанию кредита и тем самым экономического оборота и финансированию реальной сферы экономики без особых пертурбаций. Гарантирование безопасности банковских депозитов, выкуп банковских «токсических» активов, снижение процентных ставок центральных банков и более щедрое кредитование коммерческих банков были направлены на уже упомянутую поддержку экономической активности, агрегированного спроса, производства и занятости. Благодаря этому снижение объемов производства, занятости, потребления и инвестиций, особенно финансируемых из публичных средств, оказалось ниже, чем вероятное, если бы не было столь сильного государственного вмешательства.

В результате решительной интервенции правительств и центральных банков удалось избежать кризиса, сопоставимого с Великой депрессией 1929—1933 гг. Правда, по существу осталась глубокая рецессия. И даже если нынешний провал мы склонны называть кризисом, то следует признать, что все-таки удалось избежать катастрофы. Однако даже несостоявшийся кризис, задержанный крупными затратами — в основном, публичными средствами и массой денег, втиснутых в экономики как правительствами, так и центральными банками, создает большие проблемы, связанные с выходом из такого состояния и восстановлением процесса роста. Многие экономисты и политики с волнением вспоминают кризис в Японии на рубеже 1980-х — 1990-х гг., который был приостановлен сильным монетарным и фискальным вмешательством Центрального банка и правительства Японии и привел к состоянию летаргии на почти десятилетие, одновременно прервав три десятилетия динамичного роста. И хотя вероятность, что такой сценарий может появиться как в США, так и в Европе, небольшая, хотя бы учитывая разную склонность к сбережениям и разные традиции в формировании агрегированного спроса, тем не менее стоит проанализировать разные варианты экономического роста.

Сначала следует посмотреть отдельно на возможность роста валового внутреннего продукта со стороны его основных составных: частного потребления (C), инвестиций (I) и экспорта нетто (X) в ситуации, когда прекратится «искусственный привод» в виде публичных расхо-

дов (G) и денежная политика перестанет быть мягкой или же прямо жесткой.

Начнем с частного потребления (C). Продолжающийся экономический рост в некоторых странах — несмотря на мировой кризис — особенно в Китае и в Индии — стимулируется ростом внутреннего потребительского и инвестиционного спроса. Также в Польше внутренний спрос, особенно потребительский, наряду с экспортом приостановил спад производства и позволил сохранить положительные темпы роста ВВП как в 2008-м, так и в 2009 г. В большинстве стран, переживающих кризис, особенно там, где домашние хозяйства сильно задолжались, спад потребления вызвал глубокую рецессию (Ирландия, Англия, США и др.). Резкое снижение потребительского спроса произошло также в Прибалтийских странах (Эстония, Литва и Латвия).

Сигналы оживления, поступающие от промышленных предприятий, которые во многих странах стали восстанавливать свои запасы, особенно оживление на биржах и вообще на фондовых рынках, могут привести к постепенному восстановлению потребительского спроса. В этом отношении наш оптимизм совсем умеренный. На вопрос, приведут ли миллиарды долларов и евро, вкачиваемые в финансовую систему, к росту потребительского спроса или прямо к потребительскому буму, к сожалению, невозможно ответить однозначно положительно. По всей вероятности, также нет и прямой инфляционной угрозы, о которой кое-где слышится и которая, с одной стороны, должна быть результатом растущего спроса, но, с другой — последствием «вкачивания» в экономику чрезмерного количества денег в виде финансовой помощи, а в отдельных случаях путем эмиссии.

Кажется, что существует несколько причин, указывающих на малую вероятность того, что в ближайшем будущем произойдут потребительский бум и вызванная им инфляция. Во-первых, в богатых странах, особенно в США, в годы, предшествующие нынешнему кризису, зарплата росла очень медленно, и средний рост зарплаты в большой мере был результатом быстрого роста окладов лиц, наиболее высоко оплачиваемых, особенно членов правления банков, инвестиционных фондов, страховых компаний, высокого ранга инвестиционных консультантов, членов правлений и экспертов консультационных фирм и др. Рядовые сотрудники в большинстве случаев получали лишь скромные повышения зарплаты или вовсе не получали прибавок. Это привело к стратификации населения по зарплате и доходам, что в результате вызвало снижение эффективного спроса. Вероятно, ускорение роста зарплаты не произойдет быстро, в частности, из-за высокого и расту-

щего уровня безработицы (в настоящее время, ноябрь 2009 г. — около 10,5%).

Во-вторых, задолженность домашних хозяйств на потребительские нужды не будет расти в таком объеме, как это было до кризиса, так как потребители сначала должны справиться с займами, взятыми в период хорошей конъюнктуры. Короче говоря, сначала надо погасить долги и проценты по ним, а затем уж думать о новых кредитах. Все указывает на то, что именно так и будет. Кроме того, по всей вероятности, банки будут более внимательно проверять кредитоспособность должников, опасаясь отсутствия возможности погашать очередные кредиты. Вероятно, вырастет цена на кредит в результате снижения уровня поддержки банковских активов, а также вследствие того, что банки предпримут многочисленные защитные меры, связанные с обеспечением выдаваемых кредитов.

В-третьих, почти несомненно, что даже новый рост вещественных и финансовых активов (например, в результате существенной хоссы² на бирже) не вызовет сильного имущественного эффекта для потребления — по крайней мере в ближайшей перспективе. Эффект этот, вероятно, окажется также асимметричным — т. е. эффект снижения цен на финансовые и вещественные активы будет сильнее эффекта роста цен на эти активы в результате хоссы. Итак, не стоит ожидать, что сверхдоходы от фондовых инвестиций, которые окажутся в распоряжении домашних хозяйств, вызовут дополнительный рост потребительского спроса. Сначала домашние хозяйства займутся восстановлением своих сбережений, сокращенных вследствие кризиса, и лишь потом, вероятно, заинтересуются увеличением потребительского спроса. Эффект Пигу в таких ситуациях действует безотказно. Эту гипотезу подтверждают наблюдения за поведением потребителей во время предыдущих экономических обвалов. Глубина нынешнего кризиса показывает, что в данном случае положение может оказаться похожим, а период восстановления агрегированного спроса окажется долгосрочным.

Итак, если воздействие увеличенных публичных расходов прекратится и «заглохнет мотор», поддерживающий частное потребление (примером может служить доплата к покупке легковых автомобилей), то потребительский спрос может опять упасть. Это может означать, что путь возвращения к лучшей экономической конъюнктуре приобретет форму буквы «W», а не «V» (хотя бы из-за потребления). Такое положение могло бы означать не только отсутствие заметного улуч-

² Хосса — повышение курса ценных бумаг.

шения темпов экономического роста, роста доходов, роста потребления и в результате роста занятости, но даже экономический застой или еще хуже — стагфляцию, т. е. экономическую стагнацию, сопровождаемую инфляцией, являющейся последствием вкачивания в обращение финальными займодателями чрезмерного количества финансовых средств.

В конъюнктурных циклах, известных нам в прошлом, оживление после фазы депрессии начиналось все-таки с роста инвестиций (*I*). Это происходило по многим причинам, среди которых главными следует считать следующие.

- Многочисленные банкротства фирм и других хозяйственных субъектов, не справляющихся с конкуренцией вследствие нехватки финансовых средств или же хаоса, господствующего на рынке в период кризиса. Как правило, этот процесс очищал рынок. В результате расширялись возможности экспансии здоровых фирм, которые выстояли в кризисе.

- Возникла потребность в восстановлении производственной способности устаревшей в период депрессии. В результате рос спрос, с одной стороны, на инвестиционные блага — машины, оборудование, новые технологии, а с другой — на обновление или изменение запасов.

- Появилась возможность внедрить инновации, появившиеся и проявившиеся в фазе депрессии. Как правило, в период кризиса повышают свою активность вузы и научно-исследовательские институты, дополнительно финансируемые из центральных или местных бюджетов ради привлечения безработной молодежи и повышения квалификации. Опыт показал, что в результате этого процесса, совмещенного с ростом предпринимательства как фирм, так и работников, растет склонность к инновациям, а также к выработке и внедрению современных технологий.

В настоящем, не до конца развернувшемся кризисе, приостановленном в результате интервенции правительств и центральных банков государств, оказавшихся в кризисе такого типа, стимулы для роста инвестиций могут оказаться значительно слабее. Это следует из нескольких причин.

Во-первых, остается еще не использованный в большой мере производственный аппарат. Это неполное использование производственного аппарата связано, в частности, с высокой докризисной динамикой его роста и развития. Хосса на финансовых рынках, сопровождаемая относительно высокими темпами экономического роста и глобализи-

рующейся мировой экономикой, стимулировала многих инвесторов к обновлению производственного оборудования, к введению инноваций и технологических преобразований. Наиболее заметно это было в США и странах Евросоюза, которые одновременно пытались осуществлять требования лиссабонской стратегии, указывающей на необходимость ускорения технологических преобразований ради увеличения новшеств в экономиках европейских стран, охраны окружающей среды и сокращения объемов использования энергетического сырья. Свои экономики модернизировали также азиатские и европейские страны, проходившие государственную трансформацию. Действующий во многих странах производственный аппарат — не такой уж и устаревший, потому что нынешняя депрессия относительно коротка.

Во-вторых, остаются слабыми перспективы сбыта многих финальных благ. Особо это заметно на рынке недвижимости и на рынке потребительских товаров длительного пользования, особенно это видно на автомобильном рынке. Во многих странах продажа домов, квартир и автомобилей снизилась на от нескольких до нескольких десятков процентов. Это заметно как в США и Евросоюзе, так и в азиатских странах. Учитывая неутешительные прогнозы роста потребительского спроса, многие фирмы сокращают производство, а крупные дистрибьюторы организуют крупные распродажи по сниженным ценам. Факты эти не внушают оптимизма относительно планов расширения производства, а затем и инвестиций. Такие действия могут усилиться, тем более что обедневшие в кризисе потребители предпочтут приобретение товаров более дешевых зарубежных производителей, особенно азиатских (Китай, Индия, Малайзия, Индонезия, Вьетнам и др.).

В-третьих, в структуре потребления и косвенно и в структуре ВВП относительно высока доля услуг, а услуги, как известно, не требуют слишком высоких затрат на основные фонды, если это не касается информационных услуг или услуг, требующих как оборудования, так и новейшей технико-технологической и организационной мысли. Однако, хотя их роль в экономике важна, они по-прежнему не являются доминирующими в всей совокупности услуг.

В-четвертых, наконец, кажется, что имеющаяся в последнее время на фондовых рынках хосса на акции не будет чрезмерно стимулировать к инвестированию в новые производственные мощности³, потому что нет уверенности, что она будет продолжаться достаточно долго и она не вытекает из фундаментальных предпосылок отдельных эконо-

³ Согласно коэффициенту «q» Дж. Тобина.

мик — за исключением небольшой группы стран, причем мало значимых на экономической и финансовой карте мира. Зато появляются все чаще указываемые и обсуждаемые опасения, что имеющаяся хосса может оказаться результатом очередных махинаций на финансовых рынках, что может повторно привести к раздуванию следующего спекулятивного пузыря.

Многое указывает на то, что стимул к оживлению в виде вещественных инвестиций (в производственный аппарат) не заменит публичных расходов (G). Разве что опять на финансовых рынках появится вместо финансового спекулятивного пузыря (или же вместе с ним) новый спекулятивный пузырь, похожий на предыдущие, — жилищный или «интернетный». Такое явление могло бы способствовать росту инвестиций. Учитывая, однако, последствия финансового кризиса и отношения регуляторов и правительств отдельных стран, которые сосредоточились на динамичном, но опирающемся на фундаментальные предпосылки развитии, такой сценарий мало вероятен.

Придется, видимо, рассчитывать на дальнейшее стимулирование экономического роста путем воздействия на экономику правительствами отдельных стран или путем увеличения G . Мы знаем, что это не простая и тем более не широко одобряемая задача. Намеченные сценарии, кажется, не позволяют питать иллюзий, что по крайней мере в ближайший срок может быть по-другому.

Очередным фактором, который может сыграть существенную роль в росте валового внутреннего продукта является экспорт нетто (X). Однако, если — и с таким положением дел мы имеем дело сейчас — большинство стран мира удручает кризис, то для роста мировой экономики сальдо экспорта остается нейтральным. Мы хорошо знаем, что внешняя торговля способствует экономическому росту и тем самым росту благосостояния, однако такое происходит всегда в условиях сохраняющегося положительного темпа роста мировой экономики. Но в условиях кризиса, особенно в фазе депрессии, мы имеем дело скорее с так называемым кейнсианским положением. В наиболее общих чертах оно заключается в том, что экспорт является экспортом безработицы, а импорт — импортом безработицы.

Очевидно, что если во время нынешнего кризиса мир избежит протекционизма, столь отрицательно оцениваемого экономистами и по крайней мере на словах хозяйственными политиками, все-таки трудно ожидать, что экспорт будет в состоянии вывести мир из депрессии, тем более, если принять во внимание состояние отсутствия финансового равновесия — как внутреннего (бюджетные дефициты во многих

странах), так и внешнего (сальдо на счетах текущих оборотов и фондовых).

Резюмируя, следует отметить, что каждый отдельно взятый элемент потенциального роста не гарантирует оживления. Таких возможностей не создают ни частное потребление, ни инвестиции, ни даже экспорт. Шанс содержится в комбинации этих элементов. Проблема, однако, в том, возможно ли получить динамичную комбинацию факторов роста в каждой отдельно взятой стране или же более эффективным будет создание такой комбинации в международных масштабах — при использовании своеобразного разделения труда или скорее распределения ролей отдельных стран. Развитие мировой экономики может пойти двумя путями. Возможно вступление в волну очередного протекционизма, как во времена Великой депрессии, хотя, вероятно, протекционизм не был бы идентичным тогдашнему. Имеется в виду протекционизм в рамках крупных стран и их союзников, а также международных группировок — таких формальных, как Евросоюз, и менее формальных, как, например, G—8, G—20, возможно даже G—2. В условиях современной экономики у маленьких экономик немного шансов развития. У них, в основном, нет шансов ни на защиту собственного рынка от разного вида экономических завихрений, ни на защиту собственных валют от предполагаемых спекулятивных атак. Это особенно касается протекционистских ситуаций, в которых учитывается еще и разделение в сфере участия в доступе к ресурсам, а фактически — в распределении ограниченных ресурсов по установленным договоренностям, как правило, в рамках дву- или многосторонних соглашений. Мы предполагаем, что путь выхода из кризиса еще не определен. Одновременно считаем, что применяемый до сих пор способ неограниченной либерализации переливов капитала, товаров и услуг также не может быть продолжен. Он привел к глубокому неравновесию мировой экономики и поэтому стал источником напряжений, вызвавших нынешний кризис. Всемирные организации и международные институты (МВФ, Всемирный банк, ЕБРР и т. д.), а также разные группировки стран, такие как G—20, G—7, G—2 (Китай — США) ищут совместных решений. В разных структурах рассматривается регуляция мировых переливов и приближение к состоянию равновесия. Получение мирового равновесия, к сожалению, — не только вопрос регулирования потоков благ, капитала и технологий. Это также вопрос изменения поведения людей, потребителей и производителей, кредитодателей и должников, правительств и граждан.

К примеру, чтобы добиться состояния равновесия в вещественном понимании, китайцы, индусы, японцы и большинство азиатов с Даль-

него Востока вынуждены больше потреблять. Такое же поведение, вероятно, относится и к немцам. В свою очередь, американцы, ирландцы, англичане и особенно жители прибалтийских стран должны больше производить и больше экономить. Из этого следует, в частности, что американский доллар и британский фунт должны быть слабыми, поощрять к экспорту, а евро — из-за немцев — должен быть сильным, как сильными должны быть японская йена и китайский юань. Относительно евро возникнет проблема, потому что он должно быть одновременно и сильным, и слабым (Ирландия — Германия). А быть может, следовало бы ввести лимиты дефицита в текущих оборотах и излишки этих оборотов в отдельных странах. Об этом также думают некоторые экономисты и политики.

Пока складывается соответствующий международный порядок мировой экономике даже после предполагаемого, повторного конъюнктурного «удара» (соответствующего форме буквы «W») предстоит наконец выходить из кризиса. Учитывая высокий уровень безработицы правительства отдельных стран будут очень осторожно дисциплинировать бюджетные расходы и ужесточать денежную политику. Денежная масса, введенная во время сильной монетарной интервенции, останется на рынке. Возникает опасность инфляции. По причинам, о которых упоминалось выше, когда речь шла о шансах роста потребительского спроса, инфляция кажется менее опасной, чем новый спекулятивный пузырь на рынке финансовых активов. Дешевые деньги, низкие процентные ставки центральных банков, с одной стороны, и уцененные вследствие кризиса акции фирм — с другой, это неповторимо благоприятный случай для крупных биржевых игроков, особенно банков, занимающихся инвестиционной деятельностью. У всех великих, которые не пострадали от кризиса, причем при помощи государства, легкий доступ к кредитам. Сейчас настало их время. Хосса, вызванная потентатами рынка капитала, будет привлекать сильных и мелких инвесторов, пренебрежительно называемых «лещами». В пессимистическом раскладе может случиться так, что разыгрывающие хоссу сумеют вовремя отступить и мелкие игроки заплатят за иллюзии своеобразные взносы в фортуна потентатов. В данном случае выводы не оптимистичны: не всегда каждое проявление оживления в экономике надо встречать с энтузиазмом.

К счастью, нельзя исключить и оптимистичный ход событий. Предположим, что рост производства в третьей четверти 2009 г., отмечаемый во многих странах, свидетельствует о начале выхода из кризиса. Тогда мы могли бы признать, что на самом деле произошел эффект множителя интервенции правительств и центральных банков. Кредиты

центральных банков стабилизировали финансовую ликвидность коммерческих банков, а расходы правительств, генерируя доходы, начали рост частных расходов.

Конъюнктурный цикл вследствие вмешательства финальных заимодателей приобрел форму буквы «V». Это означало бы, что наступил «черный час» для теоретиков макроэкономики мейнстрима, особенно для неоклассиков. «Похороненный» ими 30 лет тому назад Джон Мейнард Кейнс «воскрес», так как государственный интервенционизм принес желанные результаты. Если бы так не случилось, можно было бы перефразировать, что интеллектуальное наследие неоклассической экономики последних нескольких десятилетий напоминало бы работу над картой «виртуальных гор».

В.Г. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

Уроки мирового экономического кризиса и их учет в проектировании направлений развития национального хозяйства

Аннотация. В статье выдвигаются новые исходные предположения для исследования мирового экономического кризиса, а также уроков из этого кризиса для российского хозяйства. Они основаны на результатах анализа общеизвестных тенденций в мировом хозяйстве и рисков, с ними связанных. Синергетическое воздействие этих рисков привело к кризису парадигмы развития современного хозяйства.

Кризис парадигмы развития вызвал глубинные изменения в предпринимательской среде. Если до начала нового тысячелетия надо было вести бизнес в ситуации неуверенности (риска), то теперь в ситуации неопределенности. В ситуации неуверенности предприниматели знали, каким может быть результат. В случае неопределенности возможный результат неизвестен. Проблема в том, что в условиях полной неопределенности бизнес утрачивает возможность планировать. А без плана хозяйственная жизнь невозможна.

Ключевые слова: эволюция хозяйства, неопределенность, риск, система.

Abstract. The article provides new initial assumptions for the research of the world economic crisis; also lessons and consequences of this crisis for the Russian economy are described. These assumptions are based on the results of analysis of world economy tendencies and of risks which are con-

nected with them. Synergetic influence of these risks has led to the development paradigm crisis of modern economy.

The development paradigm crisis caused deep changes in the enterprise environment. Before the beginning of a new millennium it was necessary to run business in an unconfident (risky) environment, but now in an uncertain environment. Businessmen knew a possible result in an unconfident (risky) situation. In case of uncertainty the possible result is unknown. There is a problem that a business loses an opportunity of planning in conditions of full uncertainty. But the economic life is impossible without planning.

Keywords: evolution of economy, uncertainty, risk, system.

Около 10 лет назад вышла в свет нашумевшая монография ученых всемирно известной компании «PricewaterhouseCoopers» о том, какими будут компании и рынки в XXI в. [1]. Они выдвинули ошеломляющую гипотезу: в результате расширения экономической глобализации, усиления роли знаний в хозяйственном процессе и стремительного развития информационных технологий бизнес перешел на новую модель создания доходов:

$$E = m c^2$$

(интеллектуальные активы на их рентабельность в квадрате).

Это ведет к невиданному росту капитализации хозяйства. Специалисты прогнозировали через 8—10 лет капитализацию в 200 трлн дол., а рост индекса Dow Jones с нынешних 10000 до 100000 [1, 21]. Сегодня можно с уверенностью утверждать: прогноз полностью провалился. Индекс Dow Jones остался на том же уровне и если считать его индикатором состояния мирового хозяйства, то надо признать, что все эти годы мировое хозяйство топталось на месте. Вывод: *современный кризис мирового хозяйства — это кризис парадигмы его развития*. Во многом в развертывании этого кризиса повинна экономическая наука.

Ошибочность парадигмы развития, основанной на инновациях, или на знаниях, в том, что индустриальные компании строят для стандартизации, а не для инновации. Главное для них — эффект от масштаба. Переход к развитию на основе инноваций означал переход к зарабатыванию доходов в условиях неопределенности, что радикально меняло конечный результат.

Нельзя сказать, что об этом ученые не говорили. Скорее всего, суждения о тенденциях были недостаточно аргументированы, поэтому они не смогли создать критическую массу в среде научного сообщества экономистов, в итоге остались не замеченными ни властями, ни бизнесом. А не смогли потому, что выделить из объясняющих концептов *актуальное знание* ученым не удалось.

Наиболее очевидными тенденциями, которые были предметом обсуждения последних лет, являются:

- глобализация мирового хозяйства;
- усиление роли знаний в хозяйственной жизни, отсюда переход к экономике знаний;
- стремительное расширение информационного поля, вызванное революцией в информационных технологиях.

Три тенденции, на которых основаны суждения Минса и Шнайдера, взаимосвязаны, каждая обладала внутренним противоречием, а их взаимосвязь формировала синергетическое противоречие всей экономической системы. Но синергетическое противоречие осталось необъясненным. Возможно, это произошло потому, что объяснения требовали переосмысления философского подхода к объяснению экономических явлений и процессов, выхода за рамки традиционной методологии экономического анализа.

Внутренние противоречия этих тенденций выразились в следующих тяжелых последствиях для экономики.

- Глобализация мирового хозяйства привела к утрате всеми странами стационарности национальных рынков, как товарного, так и финансового. Это главное противоречие глобализации. О нем много написано, но пробел в том, что акцент ставился на финансовых рынках. Теперь утрата стационарности касается всех рынков и всех стран, включая США. Утрата стационарности товарными рынками вызвана двумя обстоятельствами: выводом тяжелых активов в развивающиеся страны и их замещением развитием сферы услуг. Но утрата стационарности означает утрату экономического суверенитета. Следовательно, США тоже утрачивают свой экономический суверенитет. Это первый парадокс, требующий научного анализа.

- Усиление роли знаний в хозяйственной жизни привело к утрате управляемости субъектами хозяйства или краху традиционных бизнес-моделей. Утрата управляемости затронула все компании, в том числе и те, которые, как недавно считалось, построены навечно. Виной тому — ловушка неопределенности. Это второй парадокс, требующий научного анализа.

- Расширение информационного поля до планетарных масштабов привело к утрате координат в поиске человеком нужной информации, поэтому человечество «захлебнулось в информации». Массированное наступление информационных технологий значительно ускорило бизнес-процессы. Предложенные наукой процессно-ориентированные подходы к управлению компаниями, на первый взгляд, давали адек-

ватный ответ на вызовы времени, однако методическое обеспечение оказалось слабо проработанным, поэтому методики вызвали непреодолимые затруднения при их внедрении на практике.

В век перегруженности информацией люди начали искать возможности получить ее в свернутом виде. Это проявилось в нарастании количества всевозможных рейтингов. Но за этим скрыт отказ от выделения полезной информации. Это третий парадокс, требующий научного анализа.

Синергетика противоречий трех тенденций нашла выражение в следствиях, успех в преодолении которых будет определять будущее мировой экономики:

- диспропорции и перенапряжение национальных хозяйств;
- перенакопление неактуального знания в мировом хозяйстве;
- перенакопление неактуальной информации в мире.

Триада этих следствий привела к формированию *синергетического противоречия* — *полной неопределенности бизнес-среды*. Именно это фундаментальное противоречие является причиной кризиса парадигмы развития современной экономики. Тупик в том, что в условиях полной неопределенности бизнес утрачивает возможность планировать, но без плана хозяйственная жизнь невозможна по определению. Путь к этому тупику проследить не сложно.

Основной тенденцией промышленного развития последних десятилетий было смещение акцентов в пользу производства услуг, а не товаров. В результате сегодня в промышленности доминируют отрасли по оказанию услуг. Важно то, что успех этих предприятий не зависит от наличия крупного собственного основного капитала. Это позволило стремительно расширить сферу предпринимательства. Одновременно шел процесс вывода тяжелых активов за пределы национальных границ⁴.

Перемены в промышленной политике развитых стран показали, что смещение акцента на услуги ведет к эффекту перенакопления производственных мощностей, которое коснулось всего мира, в том числе и благополучной Европы: «Стоимость рабочей силы у них (Восточная Европа) была значительно ниже, чем у любой британской фирмы. В

⁴ Смещение акцента к легким активам, которые сегодня принято называть актуальными, поскольку приносят более высокие прибыли, произошло не вчера. Это был длительный процесс вывода тяжелых активов в Китай и другие развивающиеся страны. В результате за десять лет, с 1977 по 1987 год, доля нематериальных активов в чистой собственности компаний — участниц фондовой биржи США возросла с 1 до 44% [2,106]. В дальнейшем этот процесс продолжился.

результате возник избыток производственных мощностей, вызвавший лихорадку на рынке Великобритании. Дело дошло до того, что многие начали сомневаться в существовании желающих заниматься производством в Великобритании — таких людей действительно становится все меньше» [2, 151]. Столь глубокие перемены в психологии людей требовали осмысления нового типа противоречий, которые в процессе развертывания экономического кризиса стали очевидны.

Тяжесть переживаемого сегодня экономического кризиса до конца еще не осознана, поэтому многочисленные прогнозы о начавшемся выходе из кризиса, по меньшей мере, преждевременны.

На наш взгляд, аналитики не оценили ряд важных обстоятельств, которые предшествовали кризису и, прежде всего, радикальное изменение структуры производственных активов в пользу легких (финансовых и интеллектуальных), преобладающих в сфере услуг, что и стало причиной перенакопления всех активов. Такая структура активов потребовала новых знаний. И они начали стремительно развиваться. Так мир вступил в эпоху экономики знаний.

Широкомасштабные усилия в этом направлении достигли поставленной цели. По существу, граждане развитых стран живут в экономической среде, основанной на знаниях. Конкурентное преимущество теперь нередко достигается за счет получения данных, дизайна, креативности и инновационного использования информации, а не в результате строительства крупных заводов или накопления капитала» [3, 33]. Но кризис показал, что за этим стоят не только выгоды, но и потери.

Парадокс в том, что услуги, в том числе и интеллектуальные, в большей своей части — это фиктивное благо. К примеру, переизбыток информации открыл дорогу новому бизнесу, зарабатывающему на поиске и обработке актуальной информации. Ясно, что это фиктивное благо. То же касается дизайна, консалтинга и многих других услуг. В результате к фиктивному капиталу добавились фиктивные блага, которые финансировались фиктивным же капиталом. В то же время реальных благ почти не добавлялось, поэтому индекс Dow Jones и не вырос за последние 10 лет.

Нарастание фиктивной составляющей в мировом хозяйстве усиливало неопределенности в нем. Знания, создаваемые для развития фиктивных благ по определению не актуальные, по крайней мере — это несовершенное знание. По Найту, неопределенность принципиально разделяется на две части: измеримую на основе эмпирической оценки вероятности (статистические методы), представляющую понятие «риск», и неизмеримую, которую риском считать нельзя. Это неопределенности, привнесенные суждениями людей о будущих результатах

деятельности, которые невозможно количественно измерить по причине уникальности суждений, ошибок в суждениях предпринимателей и аналитиков, в том числе и по причине несовершенства знания. Именно неизмеряемые неопределенности сегодня определяют облик бизнес-среды во всем мире. И несовершенное знание — главный источник неопределенностей.

Цепь этих событий, в конечном счете, привела к кризису развития. Кризис развития выразился в сбоях в системе управления компаниями. Сбои стали следствием чрезмерного внимания к услугам, что привело к перенапряжению компаний, образованию в них внутренних диспропорций.

Гуру современного консалтинга Джим Коллинз утверждает: «Чаще всего великие компании разрушаются из-за перенапряжения, они стремятся к слишком многому, выходят за пределы возможностей людей, капитала, роста. Великая компания скорее умирает из-за неспособности переварить слишком много возможностей, чем из-за их недостатка» [4, 45]. К этому необходимо добавить: не смогли переварить потому, что столкнулись с неизмеряемой неопределенностью.

Это утверждение пошатнуло многие, ранее считавшиеся общепризнанными управленческие теории и концепции, они не выдержали испытания кризисом, не выдержала кризиса часть компаний, «построенных навечно» (по Коллинзу).

Из наиболее известных концепций XX в. полное фиаско получили [2, 263]:

1) Деминга, пытавшегося убедить, что *TQM* (общее управление качеством) формирует качество бесплатно;

2) Прахалада и Хамела, полагавших, что определение и использование «ключевых полномочий» создают конкурентные преимущества;

3) Чампи и Хаммера⁵, придумавшие «реинжиниринг», ставший возмутительным предлогом для реорганизации деловых процессов, обычно связанной с существенным сокращением всех операций.

Сюда следовало бы добавить концепцию управления стоимостью *VBM*, которая исходит из следующей логической цепи: «превосходная цель → превосходный анализ → превосходная стратегия → превосходный финансовый результат → превосходная стоимость для акционеров» [2, 234]. Когда все превосходно, правда, не мешало бы понять

⁵ Реинжиниринг бизнес-процессов был объявлен панацеей от всех проблем еще в конце 1980-х гг. Но сейчас даже признанный гуру Майкл Хаммер, сделавший на этом состояние, признает: доля полностью или частично потерпевших неудачу программ составляет около 70% [5].

что это за состояние на самом деле, то не имеет значения, какая именно концепция лежит в основе такого результата, подойдет для объяснения любая. По сути — это была очередная приманка консультантов, оказывавших на базе этих теорий фиктивные услуги.

Перенапряжение, вызванное неспособностью освоить много возможностей, есть также следствие кризиса экономики знаний. Стремительно нарастающий недостаток актуальных знаний в отдельно взятой компании проявился в том, что в условиях сжимающегося времени и быстро меняющейся внешней среды для принятия эффективных решений требовались новые управленческие концепции. Становилось очевидным, чтобы снять перенапряжение в компании, надо «открыть шлюзы» или принципиально изменить бизнес-модель. В сущности, это был предел развития закрытых бизнес-моделей.

Как это не раз бывало в человеческой истории, кризис закрытых бизнес-моделей, вызванный недостатком знаний, был связан с философскими проблемами. Акцент в развитии институтов и, прежде всего, основного хозяйственного института — предприятия, последние десятилетия ставился на методологическом индивидуализме. Однако наступление эпохи быстрых перемен и нарастание неопределенности внешней среды привели к тому, что разъединенное знание между индивидами оказалось ограниченным по причине отставания человеческих возможностей от скорости изменений внешней среды. Попытки разрешить эту проблему с помощью внешних консультантов не принесли желаемых результатов. Зачастую рекомендации консультантов внедрить не удавалось из-за недостатка квалификации служащих, да и сами рекомендации консультантов нередко содержали ошибки.

Мир уверовал в то, что человек как существо разумное не имеет предела собственного совершенства, поэтому всегда устремлен на преобразования несовершенного мира. Однако в начале третьего тысячелетия обнаружилось, что прогресс в науке, технике, экономике привел к несовершенным преобразованиям мира. Ряд исследователей эту проблему поставили более остро — как наступление кризиса самой рыночной модели капитализма⁶. Человек обнаружил, что его возможности по преобразованию мира оказались ограниченными. Вихрь практических перемен по времени обогнал процесс осмысления парадигмы этих перемен, поэтому все большая часть знания о закономерностях развития хозяйства становилась неактуальной.

⁶ Даже недавние сторонники рыночного фундаментализма сегодня публично говорят об этом (см., напр.: [6]).

Предпосылка ограниченной рациональности, трактуемая сегодня как ограниченные интеллектуальные возможности человека (ограниченный ресурс), к сожалению, не была принята во внимание. А ведь именно она сегодня выступает источником неопределенностей во всех сферах человеческой жизни, и в экономике особенно. Ограниченная рациональность проявляется как несовершенство человеческого знания отдельно взятого индивида, что и привносит новый класс неопределенностей. К этому добавляется оппортунизм, также источник неопределенностей, в результате была построена бизнес-среда с полной неопределенностью. Кризис выровнял время, поэтому сегодня наступила пора осмысления сути происходящего.

Как ни странно, о глубинных изменениях в предпринимательской среде сегодня пишут, прежде всего, российские ученые. Так, О.С. Виханский справедливо отмечает: «Если до начала нового тысячелетия надо было вести бизнес в ситуации неуверенности, то теперь необходимо добиваться конкурентоспособности в ситуации неопределенности» [7, 21]. В данном случае не трудно догадаться, что под ситуацией неуверенности понимается в «условиях риска», когда предприниматели знали, каким может быть результат. В случае неопределенности возможный результат неизвестен. Для бизнеса это означает утрату возможности планирования. Не случайно в последние годы появилась концепция скользящего прогнозирования, краткосрочного по определению (1—1,5 года и скольжение по кварталам).

Результат неизвестен потому, что «неясно, правильно или не правильно мы что-то делаем, так как знаем очень мало» [7, 22]. Именно несовершенство человеческого знания и, прежде всего, экономического, да и обществоведческого вообще, является сегодня основным генератором неизмеримых неопределенностей.

Ограниченная рациональность нуждается в более глубокой проработке и по другой причине — она является основой выбора стратегии защиты знания (интеллектуальной собственности). К патентованию изобретений в мире всегда было неоднозначное отношение, но сегодня даже на Западе становится все больше сторонников открытых инноваций. Для России, которая до сих пор не определила стратегию защиты интеллектуальной собственности, эти проблемы имеют особую значимость.

Из этих суждений вытекает ряд уроков.

Урок 1. Любая компания — это открытая система, следствием чего является нечеткая структурированность бизнес-системы, что неизбежно приводит к внутренним диспропорциям на длительных интервалах времени. В последние годы диспропорции были усилены размытым

информационным полем и рассеянным знанием. В результате в компаниях все чаще утверждают: неясно, правильно или не правильно мы что-то делаем, так как знаем очень мало.

Сегодня как в США, так и в России компании столкнулись с ограничениями не по количеству, а по уровню квалификации людей. Обнаружилась острая нехватка людей с нужными компетенциями. В таких условиях любые попытки внедрить в компании новые подходы к развитию бизнеса упираются в неспособность служащих их осуществить. Попытки в России разрешить эту проблему за счет количества в предкризисный период лишь усложнили проблему, теперь надо проводить болезненные сокращения. Итак, первый урок — экономика знаний сформировала неадекватные компетенции у многих служащих.

Урок 2. Всякая компания постоянно находится в поиске приемлемых вариантов согласования возможностей компании с возможностями рынка. Компании были убеждены в том, что решить эту задачу можно, наращивая конкурентоспособность посредством инноваций. В результате в мощных закрытых компаниях, нацеленных на создание инновационного задела как резерва повышения конкурентоспособности в экономике знаний стало обнаруживаться перенакопление инноваций. Американские исследователи показывают, что «примерно от 75 до 95% запатентованных технологий остаются нереализованными» [8, 27]. Низкий коэффициент использования инноваций характерен не только для компаний США. В Германии та же ситуация: более 90% инноваций там никогда не используется.

Это, пожалуй, самое тяжелое проявление кризиса развития. Внедрять инновации в условиях полной неопределенности стало бессмысленным. Это и привело к кризису закрытых бизнес-моделей. Наиболее характерными признаками проявления кризиса являются:

- стремительно растут портфели патентов в экономике знаний, большую часть которых их владельцы не используют, т. е. снижается коэффициент использования инноваций;
- повышающиеся затраты на разработку технологий при сокращающемся сроке жизни продуктов приводят к тому, что в компаниях с закрытыми моделями поддерживать затраты на НИОКР на прежнем уровне стало невозможно (вывод на рынок эффективного лекарства сегодня обходится около 1 млрд дол., а десять лет назад на порядок меньше);
- в США и ряде других стран кривые темпов роста продаж и темпов роста расходов на НИОКР пересеклись — известно, что закрытая

бизнес-модель эффективна до тех пор, пока кривые меняются примерно одинаково.

Совокупность этих противоречий вызвала волну негативных явлений даже в благополучных компаниях, их осознание привело к следующим выводам:

- неиспользованные идеи — это бессмысленное расходование ресурсов;
- неиспользованные идеи деморализуют специалистов, которые ими занимались;
- неиспользованные идеи загромождают каналы инновационной системы компании и препятствуют прохождению идей, принятых к внедрению;
- закупоренные идеи затормаживают появление нового знания о рынке;
- закупоренные идеи стимулируют утечку инноваций.

Передовые компании осознали: чтобы заниматься инновациями открыто, необходимо инновационно подходить к собственной бизнес-модели и не ограничиваться поиском новых идей на стороне или лицензировать больше собственных.

Урок 3. В экономически развитых странах уже созрели объективные предпосылки для внедрения открытых (адаптивных) бизнес-моделей. Такие бизнес-модели требуют совершенно других взаимосвязей в бизнес-среде — партнерских связей. В эпоху экономики знаний фундаментальную роль начали играть неопределенности, вызванные несовершенством человеческого знания. Эти неопределенности принципиально неизмеряемы, поэтому управлять ими невозможно. Выход из этой ловушки некоторые исследователи видят в переходе к бизнес-моделям на базе новой формы партнерства в бизнес-среде, основанной на кооперации. Только такие связи позволяют согласовать возможности предприятия с возможностями рынка.

Формирование бизнес-процессов на основе кооперации с внешними партнерами позволяет:

- суммировать рассеянное знание нескольких фирм и нейтрализовать таким образом недостаток знаний в отдельно взятой компании;
- рассредоточить внутренние риски отдельно взятой компании между партнерами внешней среды и снять внутренние напряжения;
- снизить неопределенности за счет повышения доверия.

Проницательные ученые сегодня обращают внимание на то, что современное общество «на смену экономии от масштаба выдвинуло новый источник достижения высокой эффективности в ведении бизнеса

— экономии от устойчивых деловых связей» [7, 13]. Причину смены критерия эффективности бизнеса надо усматривать в перенакоплении производственных мощностей в мировом хозяйстве, когда рост эффекта масштаба прекратился. Эффект от связей, а точнее от кооперации, предприятия получали и раньше, но именно сегодня такой эффект приобрел фундаментальную значимость.

Чтобы воспользоваться плодами такой кооперации, лидерам рынка надо сформировать новое видение. Видение — это фундаментальные устремления в развитии компании, основанные на предвидении будущих ценностей бизнеса (отложенных преимуществ), перенесенных в настоящее. Видение родом из неопределенности, причем той ее части, которая не поддается измерению. Идентификация видения дает возможность (помимо ясного определения стратегии) структурировать качества топ-менеджмента, необходимые для принятия обоснованных решений в условиях той или иной неизмеримой неопределенности. Главным качеством становится интуиция [7, 12]. Но интуиция, или дар предчувствия, — это сакральное качество человека, поскольку постижение истины человеком происходит без научного инструментария. Выход за пределы науки есть следствие кризиса самой науки, когда посредством логических рассуждений не удается обосновать парадигму управления касательно данного случая.

Новое видение должно выстраиваться на предположении о том, что всякое хозяйство представляет открытую систему с размытыми границами, развивающуюся под воздействием объективных, субъективных и трансцендентных факторов.

Урок 4. В условиях перепроизводства товаров и перенакопления производственных мощностей человечество достигло вершины развития экономического человека и экономизации жизни как таковой. Дальнейшее выживание человечества поставлено в зависимость от выживания самого бизнеса. Так стратегия выживания бизнеса стала единственной рациональной стратегией предпринимательства. Стратегия выживания как единственная эффективная стратегия современного бизнеса требует реформирования всей системы экономических отношений. Когда вопрос ставится не о выживании отдельной компании, а о массовом поведении всех компаний, в этом надо усматривать объективную причину радикального изменения сущности экономических отношений. Вектор изменений формируется новой и единственной целью бизнеса уже не в кризисных, а в нормальных условиях — *выживанием*.

Урок 5. Ощувив необычные проявления современного кризиса, мир обнаружил отсутствие объясняющих теорий форм и границ вмеша-

тельства государства в экономику. По традиции решение этой проблемы связывают с именем Кейнса. Именно этими обстоятельствами было продиктовано создание антикризисного совета 20-ти государств, включая Россию. Однако ему никаких эффективных мер до сих пор разработать не удалось. А не удалось потому, что в век высоких технологий от кейнсианских методов больше вреда, нежели пользы. Сегодня расширение фронта общественных работ за счет средств бюджета или других государственных инвестиций не может привести к пропорциональной занятости. Интеллектуально насыщенный труд требует адекватных его содержанию моделей общественного воспроизводства, в которых и государству отводится новая роль — роль глобального дирижера, а не глобального предпринимателя, способного тонкими инструментами обеспечить процесс расширенного воспроизводства в национальном хозяйстве. Такие инструменты формируются в широком спектре мер поддержки национального предпринимателя — политических, налоговых, кредитных и других мер.

Особенно остро кризис государственного участия в экономике проявился в инвестиционной сфере. В последние годы обнаружилось рассогласование продолжительности инвестиционного периода отдельно взятой компании и бизнес-системы в целом. Усиление конкуренции во времени привело к тому, что компании все чаще начали сталкиваться с дефицитом времени на коммерциализацию инвестиционных решений, поскольку рынок предъявлял все более жесткие рамки по фактору времени. В конечном счете, это привело к кризису традиционных методов управления.

Россия сегодня находится в более предпочтительном положении, нежели экономически развитые страны. Медленное развитие рыночных реформ привело к запаздыванию проявления общемировых тенденций в российской экономике, и прежде всего в сфере экономики знаний. Тем самым страна получила возможность извлечь необходимые выводы из уроков кризиса.

1. Кризис дал точку отсчета российскому бизнесу для осознания структуры экономики, способной к выживанию. Результатом такого анализа должна быть разработка долгосрочной стратегии выживания для каждого предприятия, основанной на открытых бизнес-моделях. Такая стратегия позволит компаниям войти в общемировое экономическое пространство на адекватной современным условиям организационной основе.

2. Вторая задача заключается в поиске возможности для того, чтобы не сокращать расходы на научно-исследовательские работы и инвестиции в производственные мощности. Это важно потому, что

к концу кризиса выжившие компании не должны утратить своих технологических преимуществ и долю рынка.

3. Критически важно сохранить людей, которые нужны для роста и развития компании, людей, с которыми компания будет строить свое будущее. Это не только ключевой персонал, но и ключевые клиенты, поставщики и контрагенты компаний. Для этого потребуются построить новые альянсы на основе стратегической кооперации, включая зарубежные компании.

4. Внедрение открытых бизнес-моделей требует вывода из тени всех бизнес-структур. Для этого государству надо взять под контроль всех потребителей электроэнергии и сопоставить их с реестром госрегистрации предприятий.

5. Основная задача, стоящая перед государством — разработать новую модель управления национальным хозяйством, адекватную открытым формам экономического сотрудничества между контрагентами. В ее основе используются гибкие инструменты настройки бизнес-среды на прозрачное, социально ориентированное поведение рыночных агентов. Дирижер должен настроить оркестр на партнерские отношения. В этой связи *надо отменить НДС* — главную преграду кооперации и заменить налогом с продаж.

6. От властей требуется точное обозначение приоритетов экономического развития. Акцент должен быть поставлен на сферах жизнеобеспечения людей: агропромышленный комплекс, электроэнергетика, нефтегазовый комплекс, оборонно-промышленный комплекс и стройиндустрия. Все остальные сферы бизнеса должны восприниматься как обеспечивающие. Это вытекает из тенденции перенакопления производственных мощностей в мировом хозяйстве. Эта тенденция относительно России дает возможность понять, какие сферы бизнеса развивать бессмысленно.

7. Построение жизнеспособных альянсов должно быть главной задачей государства. Основой жизнеспособности является доверие. Повышать же доверие можно только на основе роста социального капитала.

7.1. Необходимо восстановить доверие к национальному капиталу. Для этого государственный капитал надо вывести из промышленности за исключением приоритетных направлений и решительно усилить систему государственных банков. Только таким образом можно внедрить мягкие инструменты финансирования. Кредитное финансирование из госбанков более контролируемо, нежели бюджетное финансирование. В совокупности с *RAB*-регулированием оно более эффективно.

но, к тому же компенсацию инвестиционной составляющей можно осуществлять за счет снижения доли долга (кредита).

7.2. Надо вернуть доверие к госкорпорациям. В госкорпорациях, где используются принципиально закрытые бизнес-модели, проявление кризиса бизнес-моделей уже наступило в форме закрытого доступа к внешним инвестициям. К примеру, кризис современной бизнес-модели в корпорации «Росатом» отчетливо проявился, когда в сентябре 2008 г. провалился поиск частного инвестора для покупки законченного на 80% пятого энергоблока Курской АЭС. Частный инвестор и не мог вложить деньги в закрытую бизнес-систему.

Выходом из этой сложной ситуации может быть изменение формата бизнес-модели на более ориентированный на взаимодействие с внешней средой. Она (бизнес-модель) должна быть открытой, позволяющей выстраивать мягкие альянсы как с государством, так и с частным бизнесом. Только после этих преобразований можно будет судить об эффективности госкорпораций.

Вот и получается, в будущей экономике решающую роль будет играть доверие. Другими словами, наступает эпоха *этической экономики*.

Литература

1. *Минс Г., Шнайдер Д.* Метакапитализм и революция в электронном бизнесе: какими будут компании и рынки в XXI веке. М., 2001.
2. Вопросы стоимости. Овладейте новейшими приемами управления, инвестирования и регулирования, основанными на стоимости компании / Под ред. Э. Блэка. М., 2009.
3. *Хеслон Э.* Как оценить и продать свой бизнес. М., 2009.
4. *Коллинз Дж.* От хорошего к великому // Свой бизнес. 2009. Июнь.
5. www.mfinley.com/experts/hammer/hammer.htm.
6. *Виханский О.* Homo economicus должен умереть // Эксперт. 2009. № 17—18.
7. *Виханский О.С.* К вопросу о смене парадигмы управления бизнесом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 24. Менеджмент. 2009. № 1.
8. *Чесбро Г.* Открытые бизнес-модели. IP-менеджмент. М., 2008.

А.С. ФИЛИПЕНКО

Структура мирового финансового кризиса

Аннотация. В статье рассматриваются принципиальные моменты современного мирового финансового кризиса: ограниченность индустриальной модели развития, реструктуризация и противоречивость мирового хозяйства, роль США и т. д.

Ключевые слова: кризис, мировая экономика, США, Китай.

Abstract. In article the basic moments of modern world financial crisis are considered: limitation of industrial model of development, re-structuring and discrepancy of the world economy, a role of the USA etc.

Keywords: crisis, world economy, the USA, China.

Финансовая глобализация с последней четверти XX в. стала доминирующей в системе мирохозяйственных связей. Начиная с 1970-х гг., глобальные финансовые рынки развивались невиданными доселе темпами. Этому способствовала всеобщая либерализация экономических процессов, в особенности движения капитала и валютного регулирования. Мировая экономика в связи с этим получила дополнительные стимулы для развития и, как и в предыдущие послевоенные годы, продолжала движение по восходящей. Однако на фоне всеобщего подъема реального сектора экономики ее финансовая составляющая стала приобретать гипертрофированные формы, образовался так называемый *финансовый пузырь*, который лопнул от чрезмерного накачивания на рубеже 2007—2008 гг. Разразился мировой финансовый кризис, который коснулся, хотя и в разной степени, практически всех государств мира.

Всесторонняя оценка таких сложных планетарных экономических явлений и процессов, как современный мировой финансовый кризис, станет возможной, очевидно, лишь спустя определенное время. Информация о полном цикле позволит проанализировать все его составляющие, выяснить глубинные причины, социально-экономические последствия и усовершенствовать превентивные антициклические механизмы и инструменты «быстрого реагирования»⁷.

Вместе с тем экономическая и финансовая статистика свидетельствует о том, что на протяжении последних 30 лет экономики 17 ведущих государств мира ощутили на себе негативное влияние 113 финан-

⁷ Однако следует заметить, что основные причины и факторы мирового экономического кризиса и Великой депрессии 1929—1933 гг. еще и до сих пор остаются предметом острых дискуссий среди специалистов [1, 306—307].

совых кризисов: 37 — в 1980-е гг., 42 — в 1990-е, и 34 финансовых потрясений, включая нынешнее — в начале 2000-х гг. Кризисы на фондовых рынках составляли 45% от общего количества, кризисные явления в банковских системах — 38%, валютные кризисы — 17% [2, 24]⁸.

В широком смысле можно назвать три группы факторов, которые в совокупности повлияли на характер, определили масштабы, траекторию протекания и разрушительную силу первого мирового финансового кризиса XXI столетия⁹. Первая группа обусловлена глубокими и всеобъемлющими цивилизационными, геоэкономическими изменениями, глобальными трансформационными процессами. Вторая группа факторов связана с макроэкономическими и микроэкономическими диспропорциями и турбуленциями, с институциональными ловушками, которые проявились прежде всего у главных акторов мировой экономики. Третий компонент мирового финансового кризиса коррелирует с непосредственным пусковым механизмом, с главным очагом (сердцевиной), откуда началось его волнообразное, экономически трудно предсказуемое шествие.

В свою очередь, к первой группе геоэкономических факторов можно отнести пять основных составляющих, среди которых:

- исчерпанность традиционной индустриальной модели экономического развития в контексте ресурсного обеспечения, деградации окружающей среды, угрожающего углубления неравномерности экономического и социального развития стран мира;
- объективная потребность реструктуризации мировой экономики, ее региональных и национальных подразделений в соответствии с требованиями современной научно-технологической революции;
- углубление структурных диспропорций и глобальных дисбалансов между основными мирохозяйственными субъектами, синхронизация экономических циклов под влиянием глобализации;
- неспособность международной финансовой системы в ее нынешнем виде, ее регулирующих и надзорных функций адекватно реагировать на глобализационные вызовы;

⁸ Швейцарский экономист В. Виттманн в своей книге делает краткий обзор торгового кризиса 1825 г., спекулятивного кризиса 1847—1848 гг., первого мирового финансового кризиса 1857—1859 гг., депрессии 1873 г., Великой депрессии 1930-х гг. [3, 18—25].

⁹ Многие специалисты сходятся на том, что теоретическое обоснование и объяснение современного финансового кризиса наиболее полно отражены в работах Г. Мински [4].

- отсутствие надлежащих теоретических, методологических и прикладных концепций и моделей оптимального функционирования и антициклического регулирования глобальных экономических систем.

Определяющим макроэкономическим фактором стал излишек ликвидности в экономике США, обусловленный, во-первых, общим снижением доверия к странам с новыми рынками после кризиса 1997—1998 гг.; во-вторых, инвестированием в американские ценные бумаги странами, которые накапливают валютные резервы (Китай) и нефтяные фонды (страны Персидского залива); в-третьих, политикой низких процентных ставок, которую осуществляла Федеральная резервная система, особенно в период 2001—2003 гг., стараясь избежать циклического спада. Основными возбудителями финансового кризиса микроэкономического уровня считаются новые финансовые инструменты — кредитно-дефолтные свопы, использование которых привело к маскировке рисков, связанных с низким качеством субстандартных ипотечных кредитов, с одной стороны, и их непрозрачным распределением среди широкого круга инвесторов — с другой. Институциональные измерения мирового финансового кризиса проявились в недостаточном уровне оценки рисков как регуляторами, так и рейтинговыми агентствами, а также в асимметрии информации [5, 9—10].

Рассуждения о мировом финансовом кризисе в узком смысле, как правило, сводятся к анализу его пускового механизма, а следовательно, и выявлению его главного очага, первоисточника. Среди специалистов практически нет расхождений в определении страны происхождения глобального финансового кризиса. Более того, наблюдается полное единодушие в оценках, а именно, что первопричиной современных кризисных явлений стали проблемы на ипотечном рынке США.

Среди основных причин кризисных процессов в экономике Украины можно назвать такие: большая интегрированность финансового сектора в мировые структуры по сравнению с 1998 г., устаревшая структура экономики, ее гипертрофированная нацеленность на внешние рынки (ТЭК, химическая промышленность и др.); уязвимый, неинтегрированный, разбалансированный, фрагментарный внутренний рынок; недореформированность экономики (институциональная сфера, аграрный сектор, коммунальное хозяйство, здравоохранение, пенсионная реформа и т. п.); неадекватная мировой и внутренней ситуациям экономическая политика правительства и Национального банка.

Рассмотрим подробнее систему факторов первой группы, один из главных компонентов которой указывает на историческую ограниченность индустриальной модели развития, на необходимость ее транс-

формации в постиндустриальную, информационную, ноосферно-космическую модель развития человечества. Индустриальный тип производства обеспечил невиданные ранее темпы экономического роста на основе широкомасштабного привлечения природных и человеческих ресурсов. Так, с 1715 г. по 1971 г. объем мирового промышленного производства увеличился в 1730 раз, а больше половины этого прироста пришлось на период после 1948 г. Такое «агрессивное» развитие ведет к разрушению окружающей среды, истощению биосферы, резкому ухудшению экологических параметров жизнедеятельности. Дальнейшее наращивание и расширение индустриального типа производства на основе несовершенных финансовых механизмов и инструментов имели бы катастрофические последствия. Вместе с тем модернизированный экономический инструментарий, включая его финансовую составляющую, прошедший точку сингулярности, в посткризисный период должен быть направлен на осуществление тотальной реструктуризации как мировой экономики в целом, так и ее региональных и национальных подразделений, утверждение новой модели развития — экономики знаний, высоких технологий, креативного хозяйства. Последнее касается второй геоэкономической составляющей, указывающей на то, что промедление с решением структурных проблем, консервация в мировом хозяйстве архаических доиндустриальных и раннеиндустриальных экономик создают предпосылки для повторения подобных кризисов в еще более острых формах. О перспективах структурных сдвигов в главных эшелонах мировой экономики свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Удельный вес отраслей в валовом выпуске продукции

	ОЭСР		БРИК*		Остальной мир	
	2001 г.	2030 г.	2001 г.	2030 г.	2001 г.	2030 г.
Сельское хозяйство	2	1	9	6	8	6
Лесничество и рыболовство	0	0	1	1	1	2
Энергетика и горнорудная промышленность	3	2	6	4	9	7
Производство товаров краткосрочного пользования	10	7	12	8	14	10

Продолжение табл. 1

Сектор товаров длительного пользования	23	17	32	29	24	21
Торговля и транспорт	18	18	15	16	16	16
Услуги	44	54	25	37	28	38

*БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай.

Источник: [6, 85].

Агрегированные данные, приведенные в таблице, показывают, что в данное время имеются существенные различия в структурах экономик развитых стран и развивающихся государств. Главным критерием является соотношение в производстве товаров и услуг. В перспективе до 2030 г. прослеживается тенденция к сокращению имеющегося разрыва, хотя между отдельными странами будут оставаться разительные структурные контрасты.

Третью геоэкономическую составляющую мирового финансового кризиса связывают с глобальными диспропорциями и дисбалансами, с синхронизацией экономических циклов под влиянием глобализации¹⁰. С одной стороны, углубляется несоответствие между глобальным спросом и глобальным предложением, которое ведет к формированию неравновесного состояния мировой экономики. С другой стороны, обостряются отношения между основными игроками мировой экономики в сфере торговли и инвестиций. Ключевым звеном здесь являются взаимоотношения между США и Китаем. На одном полюсе (США) наблюдается огромный дефицит платежного баланса, на другом (Китай) — почти адекватный профицит. Кроме того, глобализация вовлекает в водоворот мирового бизнес-цикла основных мирохозяйственных акторов. В связи с этим еще в докризисный период во время весеннего (апрель 2007 г.) собрания МВФ и Всемирного банка был принят план сокращения глобального неравновесия в ближайшие четыре года с 6% мирового ВВП до 1—1,75%. В частности, определены экономические средства и инструменты для пяти основных субъектов, оказывающих решающее влияние на формирование глобальных дисбалансов. В Китае намечены сокращение внешних дисбалансов, увеличение внутреннего потребления, в особенности личного, изменение

¹⁰ Руководитель «Афинского семинара» М.А. Зомбанакис в выступлении перед депутатами Госдумы, аспирантами и студентами МГУ отмечал, что основной проблемой мирового финансового кризиса «явились колоссальные дисбалансы в мировой экономике, которые позволили богатым странам, и в первую очередь США, жить за счет сбережений бедных стран» [7, 18—19].

соотношения между накоплением и потреблением, ускорение финансовой реформы, усовершенствование режима обменного курса. В зоне евро запланированы дальнейшие реформы товарного, финансового рынков и рынка рабочей силы. В Японии предусмотрены реформа рынка рабочей силы, создание условий для привлечения прямых иностранных инвестиций, развитие конкуренции в ключевых секторах экономики, обеспечение прогресса в финансовой консолидации. Саудовской Аравии предложено повысить инвестирование в социальную сферу и развитие инфраструктуры и увеличить мощности нефтедобывающей отрасли. Наконец, США — стране с наибольшими внешними и внутренними дисбалансами — рекомендации МВФ предписывают осуществление дальнейшей фискальной консолидации в среднесрочной перспективе, реформирование бюджетного процесса, предусматривающее возрастание расходов, реформирование системы выплат пособий с целью усиления долгосрочной фискальной стабильности, усовершенствование налогового законодательства, стимулирующего личные сбережения, повышение энергоэффективности, стимулирование экономического роста, открытой инвестиционной политики, усовершенствование конкуренции на рынке капитала [8, 103].

Основная причина глобального неравновесия состоит в превышении глобального предложения над глобальным спросом. Данная проблема заострилась в последнее время в связи со сверхкредитованием производства. Таким образом, необходимо искать пути и механизмы повышения совокупного спроса. Специалистами предлагается радикальный и с экономической точки зрения довольно противоречивый вариант, а именно — повышение уровня заработной платы в развивающихся странах, на территории которых проживает подавляющее большинство населения мира [9, 261—263]. Противоречивость данной концепции в том, что уровень заработной платы определяется не международными соглашениями, как это предлагается, а ее интенсивностью, производительностью и другими важными детерминантами. Тем не менее как идея она может рассматриваться наряду с другими в общем контексте формирования новой экономической архитектуры мира.

Решение проблемы внешних дисбалансов лежит в плоскости их выравнивания путем переоценки национальных валют (девальвация или ревальвация). Кроме того, должны быть задействованы другие макроэкономические регуляторы на основе фискальной консолидации, повышения нормы сбережений и инвестиций. Для стран с внешним профицитом неотложной задачей является необходимость повышения внутреннего спроса (абсорбции) на основе активной монетарной и фискальной политики, в то время как страны с внешним дефицитом должны сдерживать внутренний спрос, поощряя экспорт. Например,

согласно стандартной эконометрической модели, в США для того, чтобы снизить отношение текущего счета к ВВП на 1% в долгосрочном периоде, необходимо девальвировать доллар на 10—20% [10, 105].

В системе мер по активизации внутреннего спроса предлагается, с одной стороны, изменить соотношение между государственными и частными расходами в пользу последних с учетом того, что во время обострения кризиса во многих странах, прежде твердо стоящих на неолиберальных, рыночных позициях, государство приняло на себя издержки по оздоровлению банковской и финансовой системы, нейтрализации последствий кризисных процессов. С другой стороны, речь идет о стимулировании совокупного спроса (потребительского и инвестиционного), используя инструменты кредитно-денежной политики, в частности, путем изменения учетной ставки Центрального банка¹¹.

Важной составляющей в перечне геоэкономических факторов является синхронизация экономических циклов, которая, как показывают расчеты, не одинаково влияет на ход экономических событий в разных странах. Выделяют четыре детерминанты, которые содействуют синхронизации экономических циклов: глобальные, региональные, национальные и специфические. Глобальные факторы в наибольшей мере синхронизируют экономические циклы развитых индустриальных государств, охватывая более 15% их ВВП, а в самых крупных странах — до 20%. Страны с новыми рынками и развивающиеся государства в меньшей мере ощущают глобальное влияние — менее 10% колебаний ВВП. Региональные факторы сильнее проявляются в Северной Америке, Европе и Азии, вызывая до 20% колебаний объемов производства. Национальные и специфические факторы доминируют на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и южнее Сахары, детерминируя изменения более чем 80% валового выпуска [10, 139—140].

Следующая геоэкономическая составляющая оказывает непосредственное влияние как на истоки, так и на ход мирового финансового кризиса. Речь идет о характере функционирования Бреттон-Вудско-Ямайской валютно-финансовой системы и ее главного подразделения — Международного валютного фонда. Данная система в ее нынешнем виде имеет три основных недостатка. Во-первых, она позволяет ряду стран продолжительное время сохранять профицит текущего счета или финансового счета и счета движения капитала (Япония, Китай и др.), что приводит к гипертрофированному накоплению международных

¹¹ В сентябре 2009 г. учетная ставка Федеральной резервной системы США находилась на нулевой отметке, а прогнозируемая годовая инфляция на уровне 2% [11, 11].

резервов. Так, международные резервы Японии (общие запасы минус золото) с 1968 г. по 1978 г. возросли на 1146%, а денежное предложение — на 356%. В данное время крупные золотовалютные резервы сосредоточены в Китае (2033,00 млрд дол., а на душу населения — 1557 дол.), в России — соответственно 435, 40 и 3055, в Индии — 274,20 и 235, в Бразилии — 197,40 и 1029 [12, 170]. Во-вторых, данная система ставит в зависимость экономический рост многих ведущих стран от США — самого большого в мире импортера и должника. В-третьих, сверхкредитование, инвестиционный бум последних лет за счет рециркуляции долларов США через государственные ценные бумаги привели к нарушению глобальной пропорции между производством и потреблением, которое может вызвать необратимые дефляционные процессы с острыми социально-экономическими последствиями.

Литература

1. Фридман М., Шварц А.Я. Монетарная история Соединенных Штатов, 1867—1960. К., 2007.
2. Васильев В.С., Роговский Е.А. Мировой финансовый кризис. Фаза 2 (Рецессия) // США—Канада. Экономика, политика, культура. 2009. № 3.
3. Wittmann W. *Finanzkrisen. Woher sie kommen, wohin sie fuehren, wie sie zu vermeiden sind.* Zuerich, 2009.
4. Minsky H.P. The financial — instability hypothesis: capitalist processes and the behavior of the economy // *Financial Crises. Theory, History, and Policy.* L., 2008.
5. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // *Вопросы экономики.* 2009. № 1.
6. OECD *Environmental Outlook to 2030.* P., 2008.
7. Зомбанакис М.А. Причины и последствия мирового финансового кризиса. М., 2009.
8. IMFC Welcomes Plans to Curb Global Imbalances // *IMF SURVEY.* 2007. April 23.
9. Дункан Р. Кризис доллара. Причины, последствия и пути выхода. М., 2008.
10. *World Economic Outlook.* 2007. April.
11. *Finance and Development.* 2009. September.
12. Folgen der Finanzkrise fuer die globalen Wirtschaftsbeziehungen // *Wirtschaftsdienst.* 2009. Nr. 3.

II

**РОССИЙСКОЕ
ПЕРЕСТРОЕНИЕ**

Р.С. ГРИНБЕРГ

Российская модернизация: среди шансов и рисков

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции современной мировой экономики. Россия рассматривается в контексте мировой геополитической обстановки. Модернизация в нашей стране исследуется в историческом и современном контексте.

Ключевые слова: мировая экономика, геополитика, Россия, модернизация.

Abstract. In the article the basic tendencies of modern world economy are analyzed. Russia is considered in a context of world geopolitical conditions. Modernization in our country is investigated in a historical and modern context.

Keywords: world economy, geopolitics, Russia, modernization.

В современном мире, мире абсолютной растерянности и неопределенности, многие авторитетные люди испытывают серьезную тревогу по поводу его будущего, угроз, стоящих перед мировым сообществом, а также способности мировых политических лидеров найти адекватные ответы на стоящие перед ним проблемы.

Какие же тенденции характерны для современной мировой экономики?

Во-первых, мы живем в действительно глобальном мире, и если еще 5 — 10 лет назад это представлялось некой метафорой, то сейчас приходится квалифицировать глобальность как действительную реальность. Мировая экономика состоялась, и она требует, условно выражаясь, мирового правительства. Последнее же невозможно в принципе, хотя бы в обозримой перспективе. Это — серьезное, трагическое противоречие. Если в ближайшее время не удастся наладить координацию национальных экономических политик, то трудно будет себе представить сколь-нибудь серьезный отпор напастям и проблемам, возникающим в современном мире. По одному меткому выражению, мы живем в одной большой деревне, где дома находятся в разных веках. Так, по-человечески живет на Земле 1,5 млрд человек, а остальные 5 млрд непонятно как. И если раньше с этим фактом можно было мириться, то теперь, в эпоху технолого-информационной революции, факт замалчивания сложившейся ситуации становится невозможным. СМИ, пропагандирующие, главным образом, изящный, передовой об-

раз жизни, создают и наращивают постепенно серьезный конфликтный потенциал, который требует настоятельного и скорейшего разрешения. Периодическая помощь «третьим странам» носит по существу формальный характер, национальный эгоизм неистребим, и лидеры, избираемые народом, заботятся, в основном, о постоянной занятости населения в трудовом процессе.

Современный мир XXI в., существенно пронизанный серьезным глобальным кризисом, отличается от мира века XX-го. Так, существенной проблемой считается безработица на уровне 10% (Германия), в то время как приход к власти Гитлера был обусловлен уровнем безработицы в 4—5 раз выше. Современное социальное положение безработных в Европе и в частности в Германии, значительно прочнее, чем было раньше. Идут представительные дискуссии, к примеру, о продолжительности отпуска на Канарах людей, потерявших работу, государственном субсидировании культурной жизни этого слоя работников (посещение театров и т. д.). Иными словами, перед нами «другой» капитализм — капитализм в другом социальном облике, но это капитализм с присущими ему внутренними чертами и проблемами.

В области скоординированного решения общемировых проблем слабая надежда остается на G20, которая представляется зародышем мирового правительства, где будет происходить переоценка геополитической обстановки в мире, где США будут вести себя более аккуратно, учитывая перемещение глобальной экономической мощи в Азию.

Вторая общемировая тенденция заключается в олигополизации мировой экономики, другими словами, в ускорении процессов слияния и поглощения. Процесс централизации и концентрации капитала, отмеченный еще К. Марксом, существенно и сложно ускоряется, что приводит к монополизации 5—6 крупными фирмами ключевых отраслей мировой экономики (включая автомобилестроение).

Третьей характерной мировой тенденцией является своего рода «бумеранг глобализации», заключающийся в приобщении стран «третьего мира» в условиях широкой диффузии технологий к общечивилизационному, передовому технологическому движению. Развивающиеся страны в результате быстро учатся производить качественную, технолого- и наукоемкую продукцию, а не только поставлять сырье и людские ресурсы на мировые рынки. При этом стоимость рабочей силы в этих странах в 10—15 раз меньше, чем в передовых государствах.

Перед развитым миром в этом случае стоит серьезная проблема выбора между снижением национальных социальных стандартов насе-

ления и возрождением протекционизма, что в свою очередь противоречит логике современной глобализации. Раньше считалось, что скорость перехода передовых стран на высокие технологии будет выше, чем желания последних в развивающихся государствах. Последние данные опровергают первоначальные постулаты, поскольку для высоких технологий не требуется большого количества людей и их социального обустройства.

И, наконец, четвертый момент, характеризующий современную глобальную экономику, заключается в растущей миграции населения. Так, Европа, согласно последним данным Швейцарского референдума, уже не в состоянии выдержать более чем 10%-ный порог ежегодной миграции. А она представляет собой самый благоденствующий регион мира, регион, куда хотят ехать люди со всего мира, и останавливать их не представляется сколь-нибудь разумной возможности. Четыре принципа глобализации — свободное передвижение товаров, денег, людей и услуг — входят в серьезное противоречие с современными миграционными процессами и представляют непосредственную угрозу самому передовому, развитому миру.

Дальнейшая регионализация и олигополизация могут привести к существенным изменениям в валютной сфере мировой экономики. Будут исчезать, скорее всего, национальные валюты. И появятся новые типы так называемых региональных коллективных валют. Разговоры о «смерти доллара» не имеют под собой серьезной и прочной почвы, поскольку мир является по-прежнему заложником доллара. Трудно себе представить образование коллективных валют между такими странами, как Япония и Китай.

Россия на мировой геополитической арене представляется чрезвычайно свободной страной с точки зрения степени и быстроты своей открытости. В XX в. она сделала три основных «подарка» миру. Западному капитализму она дала социальную жизнь и справедливость, Китаю — основу промышленности и Центральной Азии — цивилизованную жизнь — т. е. все основные преимущества, которыми обладала сама Россия в составе СССР.

В настоящее время страна обладает двумя мощными потенциалами: интеллектуальным и природным. Последний используется на 100%, несмотря на неэффективное использование получаемых финансовых средств. Национальная власть в стране прекрасно понимает состав и объем российского потенциала и достаточно прагматично его использует.

Применительно к модернизации экономики следует заметить, что наиболее интенсивно она происходила при «царях-вурдалаках»: Иване

IV, Петре I и Иосифе Сталине, во время правления которых люди никакого принципиального значения не имели. Но именно в эти периоды происходило качественное «догоняние» передовых государств, независимо от цены этого процесса.

Главный вопрос сегодня — возможно ли осуществить модернизацию в условиях современной, во многом ущербной, демократии? Правда, вполне обоснованной представляется невозможность насильственной, принудительной модернизации. В настоящее время в правительственных кругах прорабатываются вопросы принудительного стимулирования к модернизации частных предприятий, что в контексте сравнительной эффективности рыночной и плановой экономик, выглядит достаточно абсурдно. Ведь начало реформ М.С. Горбачева было продиктовано не голодом, как в Китае, а системным отставанием национальной экономики, плановой в своей основе. Впоследствии оказалось, что капитализм, построенный в России, — капитализм первозданный, более дикий, чем в западных странах. В начале XXI в. образовалось царство денег, где все предприятия (частные, государственные, корпоративные) и организации (от яслей до высших учебных заведений) требуют с заказчика деньги за работу, а само дело — уж как получится.

В то же время, в некоем мистическом плане сохранился творческий потенциал, созданный еще в 1950 — 1960-е гг., именно в сталинские времена, когда государство было заинтересовано в развитых сферах образования, здравоохранения и обслуживания. Чрезвычайно мощная инерция этого периода накладывается на весьма скромные усилия настоящих управляющих структур. Представляется, что существуют необходимые ресурсы для оживления советского творческого потенциала и осуществления современной модернизации. Но нет твердой уверенности в самостоятельном, автономном решении этой комплексной проблемы. Правда, сейчас складывается весьма удачная ситуация, схожая с моментом начала перестройки в СССР, — третья удачная попытка для модернизации национальной экономики, совпавшая с депрессией в западном мире, когда передовые державы готовы по нашему плану с нашим творческим заделом создавать совместные высокоэффективные проекты.

В XXI в. существуют три основные правящие и управляющие силы: США, Китай и Европейский союз. Наша задача заключается в сохранении дружественных и тесных отношений с Евросоюзом, Китаем. Модернизация российской экономики может быть осуществлена при условии объединения национального интеллектуального потенциала, накопленного в США, и с учетом опыта модернизации в Китае.

Д.Е. СОРОКИН

**Сценарии посткризисного развития:
возможности инновационного перестроения**

Аннотация. В статье анализируются ключевые вопросы перестроения экономической системы России, своеобразие модернизации хозяйственной системы страны на различных этапах ее исторического развития.

Ключевые слова: экономическая система, субъекты модернизации, Россия, предпринимательство.

Abstract. In the article key questions of reconstruction of economic system of Russia, an originality of modernization of economic system of the country at various stages of its historical development are being analyzed.

Keywords: economic system, subjects of modernization, Russia, enterprise.

Вопрос о перестройке нашей экономической системы далеко не нов. Только в новейшей истории России можно выделить несколько этапов перестроения экономики страны, призванного способствовать ее модернизации, инновации и повышению конкурентоспособности.

Четко прослеживаются два важных момента в интенсификации этих процессов. Первый датируется 1991 г., положившим начало радикальному переустройству национальной экономической системы. Второй берет свое начало в конце 1999 г., когда в декабре распоряжением Правительства Российской Федерации № 2021 были определены важнейшие задачи, стоящие перед ним, среди которых ведущей была подготовка проекта долгосрочной программы развития РФ до 2010 г. В указанном материале обращает на себя внимание два момента: наличие всего новейшего терминологического арсенала (курс на модернизацию и обновление, инновации и повышение конкурентоспособности и т. д.) и определение конкретного срока окончания перестроения и модернизации национальной экономической системы — 2007-й. Однако в силу ряда причин и разработка данного проекта, и срок завершения мероприятий по модернизации экономической системы России остались невыполненными.

Следующая попытка активизации модернизационных процессов, пришедшая на докризисный период развития страны, также отличалась излишней декларативностью и грешила общими выводами и положениями. Анализ итогов перестроения национальной экономической системы в России позволяет сделать один важный вывод.

Несмотря на все заклинания по поводу инновационного развития страны, несмотря на многочисленные программные, сценарно-концептуальные и другие разработки, наиболее вероятным и уже облеченным в законодательную форму остается все же энерго-сырьевой сценарий развития нашей страны. Об этом убедительно свидетельствует Федеральный бюджет РФ на 2010 г., где постатейно прослеживается энерго-сырьевая направленность развития нашего хозяйственного комплекса на ближайшие три года. В отраслевом разрезе складывается следующая картина: сырьевой сектор выглядит относительно благополучно (по сравнению с 1991 г.), а машиностроение, которое как раз и обеспечивает технологическую модернизацию экономики, проваливается, что обесценивает мероприятия по модернизации всей экономической системы.

В сложившихся условиях правомерно возникает традиционный вопрос о вине и виноватых. Наиболее простое решение вопроса заключается в сваливании вины на плечи правительства, при этом аргументом являются недостаточные и несвоевременные финансовые вливания. Вместе с тем государственное финансирование прорывных направлений (нанотехнологии и т. д.) было осуществлено, и деньги поступили на корпоративный уровень. Но ожидаемого эффекта достигнуто не было, что свидетельствует о том, что государственное финансирование является отнюдь не определяющим фактором в модернизации экономической системы.

Причина столь своеобразной реакции на модернизационное реформирование национальной экономики кроется, очевидно, значительно глубже, в своеобразии исторического развития нашей страны. Подобные вопросы, естественно, появились не впервые и имеют свою историю и в XX в. (1950 — 1960-е; 1920 — 1930-е гг.), и еще раньше.

Модернизационные импульсы 1960-х гг. закончились стагнацией 1970-х и 1980-х гг. И это происходило в условиях существования зрелой советской экономической системы, когда и финансовое обеспечение, и наличие действенной политической воли присутствовали в избытке. Это констатировал, в частности, представительный научно-экономический форум, посвященный 20-летию радикальных экономических реформ в нашей стране (1989).

Правда, еще ранее сформировалось устойчивое и глубокое понимание того факта, что существенная причина неэффективного реформирования национальной экономической системы кроется не в деньгах, не в политической воле, а в объекте управления. Иными словами, сформированы такие система и структура субъектов управления и хозяйствования, которые отторгают любое радикальное нововведение и

новшество. Решить подобные корневые, системные проблемы не в состоянии государственная воля и власть, так что даже сильная в конечном счете экономическая система остается по сути неизменяемой. Фактически модернизация осуществляется не правительственными чиновниками и управленцами, а хозяйственными директорами корпораций, предприятий и акционерных обществ. Они организуют и несут ответственность за деятельность своих организаций, принимают решения и дают выбор в направлении оптимального решения своих проблем.

В этой связи весьма полезно и поучительно обратиться к национальному, богатейшему историческому наследию, к личностям, которые оставили заметный след в решении проблем модернизации российской экономики. Начать этот исторический экскурс хотелось бы с Юрия Крижанича — писателя, философа, политэконома-мыслителя, который еще в 1663 г. поставил вопрос об обновлении и реформировании экономики страны. 60 лет спустя уже Иван Тихонович Посошков передает свои рукописи Петру I — документы, содержавшие системный и концептуальный взгляд по переустройству российской экономики. Судьба этих рукописей оказалась чрезвычайно сложной и таинственной, так что увидели они свет лишь 118 лет спустя.

Общий вывод — на протяжении всей отечественной истории явно прослеживается тенденция, сдержавшая и сдерживающая поступательное технологическое развитие страны, тенденция, проявляющаяся в ее неравномерном, скачкообразном технологическом продвижении (рывок — стагнация — отставание — рывок...).

В порядке постановки предлагаются два следующих фактора, определяющие характеристики этого процесса.

Первое. Относительно более высокая эффективность (дешевизна) применения машины по сравнению с живым трудом в процессе производства. Это — общеизвестный и признанный постулат не только мировой экономической теории (А. Смит), но и отечественной обществоведческой мысли XVII, XVIII вв. (Ю. Крижанич, Ф. Кокрин, П.Г. Киселев и др.). Не случайно поэтому промышленная деятельность называли тогда «добрым искусством».

Второе. В реальности в России живая рабочая сила оценивалась дешевле, чем в более передовых странах, лидирующих в высокотехнологичном производстве. Это и предопределило своеобразие в отношении в нашей стране к модернизации и инновациям. Трудно, да и практически невозможно объяснить американцам, почему 2/3 бедных, низкооплачиваемых жителей России являются трудящимися, а не безработными, потому что в США все наоборот: высокооплачиваемыми

являются именно работающие в высокотехнологичных, сложных производствах и отраслях. Этот вывод подтверждается показателем заработной платы этих категорий работников в ВВП США.

Третье. Чрезвычайно важную роль играет система распределительных отношений, сложившаяся в России. Просчеты по увеличению ВВП г. Москвы показали, эта система не позволяет и не позволит добиться намеченного результата как по росту ВВП, так и по уменьшению доли низкооплачиваемых (бедных) слоев населения города.

Четвертое. Низкая мотивация к внедрению высокотехнологичных новшеств, господствующая в среде российских хозяйствующих субъектов и предпринимателей, которые предпочитают более простое, дешевое, но надежное сложному, дорогому и рискованному. Принцип «дешевле — проще» проходит через всю историю нашей страны, как, впрочем, и принцип «государствления экономического», выражающийся в предпочтении государственной опеки и поддержки рискованной новаторской и самостоятельной предпринимательской деятельности. Главным для отечественного предпринимателя было и остается соблюдение принципа «быть при государевой власти, а не рисковать, трудиться и пробиваться». И пока эти ключевые установки и принципы предпринимательской деятельности не будут изменены, ни о какой технологической, инновационной, модернизационной реформе экономической системы в России не может быть и речь.

А.И. ФУРСОВ

Россия на выходе из тупика, или Тьма в конце туннеля?

Аннотация. В статье анализируются особенности общественного и экономического реформирования современной России с позиции историко-цивилизационного подхода.

Ключевые слова: перестроение, общественный строй, Россия, международное разделение труда, историческое развитие.

Abstract. In the article the peculiarities of social and economic reforming of modern Russia from the historical-civilizational approach's point of view are being analyzed.

Keywords: reconstruction, social system, Russia, international division of labour, historical development.

Прежде чем говорить о перестроении России, необходимо понять суть и причины нестроения — невозможно лечить болезнь, не зная ни ее названия, ни ее причин. Нынешнее состояние России, а точнее — РФ, обусловлено тремя факторами: изменением социально-экономического строя; изменением (по сравнению с СССР) положения в международном разделении труда; изменением в цивилизационном коде.

Все эти факторы связаны друг с другом, а также с изменениями в мировой системе, элементом которой является РФ.

Наиболее разительным является изменение социально-экономического строя. Разумеется, советский коммунизм, особенно на поздней стадии своего развития, не был эгалитарным строем, в нем присутствовала социальная несправедливость, однако то, что продемонстрировала РФ, не идет ни в какое сравнение не только с поздним коммунизмом, но, возможно, и с поздним самодержавием. Побиты рекорды неравенства, социально-экономической поляризации, социальной несправедливости, цинизма господствующих групп. Причем, если в позднесоветском обществе неравенство и социальная несправедливость осуждались, а в качестве ценностей провозглашались справедливость и равенство советских граждан, то в РФ насаждаются совершенно иные, противоположные ценности. Последние должны представить нормой, легализовать эксплуататорский строй и растущую социально-экономическую поляризацию.

Если говорить об эксплуатации, то по таким показателям, как доля зарплаты работников в получаемой прибыли и оплата труда за единицу времени, то РФ оказывается среди brutальных капиталистических социумов. Что касается таких показателей, как децильный коэффициент и индекс Джинни, то здесь налицо крайнее неблагополучие: так, если в позднем СССР децильный коэффициент составлял 3:1, то в РФ начала XXI в. официальные цифры 15:1, 17:1; независимые исследователи дают 30—35:1, а для крупнейших городов — 50—60:1. На вопрос, как в таких условиях общество существует без социальных потрясений, ответов два: проедание советского наследия и зомбирующая пропаганда, главным образом по ТВ. Однако советское наследие в середине 2010-х будет проедено, а пропаганда станет контрпродуктивной — всему есть предел, даже телелжи, особенно на фоне ухудшения положения, не говоря уже о кризисе.

Помимо экономического аспекта у изменения строя есть демографический и социальный. В социальном плане это до сих пор господство процессов социальной дезинтеграции (дезорганизации, распада) над процессами социальной организации. В основе этого явления ле-

жит тот факт, что в РФ, как и во многих частях периферийной и полупериферийной зон капиталистической системы, процесс первоначального накопления, т. е. вне- и предкапиталистического перераспределения собственности, предшествующий собственно капиталистическому, не только не предшествует последнему и протекает одновременно с ним, но постоянно деформирует, блокирует и подавляет его. В результате не возникает не только буржуазный социум, но и организованный социум вообще, и мы получаем самовоспроизводящийся процесс разложения, социум, в котором формой социальной жизни становится криминализация. О том, что осью, образующим элементом такого социума является коррупция, я уже не говорю.

Демографическим результатом смены строя стала демографическая же катастрофа — даже высокопоставленные чиновники говорят о людских потерях, сравнимых с таковыми военного времени. Речь идет о сокращении населения, в основном русского, на 700 — 900 тыс. в год, начиная с 1992 г. Причины вымирания носят целостно-системный характер и не являются узко-экономическими.

Однако основа демографической катастрофы носит «политэкономический» характер. Дело в том, что в России всегда создавался незначительный объем совокупного общественного (а следовательно, и прибавочного) продукта. Это характерно для русского как доиндустриального, аграрно-крестьянского хозяйства (это блестяще показали Л.В. Милов и ученые его школы), так и индустриального (высокий уровень издержек на отопление, транспорт и «преодоление природы»). В отличие от этого на Западе, и феодальном, и капиталистическом, создавался намного больший объем совокупного общественного продукта, обусловившего определенные формы и нормы эксплуатации, институты, типы поведения и т. п., адекватные западной системе работ и совершенно не адекватные системе работ, характерной для русского культурно-исторического типа развития.

В связи с этим перенесение на русскую почву западopodobных форм, особенно капиталистических, т. е. западнизация России на капиталистический лад, ее обуржуазивание требует отчуждения у населения не только прибавочного продукта, но и части необходимого, отсюда — социальный распад, социальная поляризация, высокий уровень смертности и т.п. Иными словами, то, что принято считать прогрессом для Запада, в русских природно-хозяйственных и исторических условиях, будь то доиндустриальная или индустриальная эпоха, является регрессом и показателем упадка. Новые западopodobные господствующие группы растут в буквальном смысле слова на костях

населения («питерская» версия русской истории — город был построен на костях его строителей).

Смена строя была невозможна без изменения места России (точнее, СССР) в системе международного разделения труда. Вообще за всю историю функционирования с середины XIX в. как элемента мировой индустриально-капиталистической системы у России было два варианта развития. Первый я называю «моделью Александра II» (при нем был заложен ее фундамент), или «белой империей». Второй — «моделью Сталина», или «красной империей».

«Модель Александра II» — это функционирование России в качестве элемента мировой капиталистической системы. Модель характеризуется тем, что Россия является финансово зависимым сырьевым придатком Запада; власть принадлежит сырьевой олигархии компрадорского типа, которая из кожи вон лезет, чтобы ее записали в буржуинство и ради этого готова продать с потрохами страну и народ, по отношению к которому ведет себя как этнос — чужак-завоеватель; отсюда — рост социально-экономической напряженности и поляризации, восстания (вплоть до Гражданской войны), угроза распада страны и/или раздела ее западным капиталом.

В «модели Сталина» Россия — не часть мировой системы, а альтернативная мировая система, воплощение системного антикапитализма. Основа — не сырьевая экономика, а военно-промышленный комплекс. Власть обеспечивает учет и контроль над совокупным общественным продуктом, ограничивает потребление верхов таким образом, чтобы оно соответствовало местной, а не западной (буржуазной) системе работ, потребления и ценностей. Отсюда — великодержавный (с 1950-х гг. сверхдержавный) статус.

Эрозия «красной империи» со всей очевидностью проявилась в 1970-е гг., когда СССР все больше включался в мировой рынок как поставщик нефти. Противоречие между системно-антикапиталистическим и сверхдержавным качествами, с одной стороны, и сырьевой (т.е. по сути периферийно-капиталистической) экономической ориентацией, с другой, было снято «антантой», представленной частью номенклатуры, верхушкой мирового капиталистического класса (при участии советского и международного криминала) посредством геоисторической операции «горби-перестройка». В результате Запад убрал мощного экономического конкурента, а к власти в РФ пришла сырьевая олигархия, только в отличие от таковой конца XIX — начала XX в. фарсово-криминальная по своей сути, пытающаяся косить — безуспешно — под западных менеджеров.

Изменение роли и места РФ в системе международного разделения труда автоматически влечет изменение и в системе мировой власти. Сырьевой придаток не может быть по-настоящему великой державой. «Великая энергетическая держава» — неудачная метафора, с помощью которой безуспешно пытаются прикрыть субъектную наготу РФ в современном мире, ее зависимость от «властелинов колец» капсистемы, от закрытых наднациональных структур (конспироструктур) управления последней.

И, наконец, последнее по счету, а не по значению: цивилизационный надлом. Будучи отрицанием самодержавной России, самодержавия в его «питерской» версии, СССР во многих отношениях воспроизвел многие черты русского культурно-исторического типа развития. В СССР были сохранены базовые архетипы русских и других коренных народов России. Отсюда акцент на народную и классическую культуру и т. п. Высокое советское искусство было логическим продолжением русской культуры — как народной, так и элитарной.

Социокультурная (цивилизационная) ситуация в РФ характеризуется подрывом как высокой культуры, так и национальных архетипов — психологических, поведенческих и т. п. Это усиливается продолжением психоисторической войны Запада и его агентуры влияния против России после формального окончания «холодной войны». Только теперь сопротивление психоисторическому наступлению значительно слабее, агентура влияния действует значительно более нагло, нередко — при потворстве со стороны новых господствующих групп, чьи классовые интересы совпадают с интересами тех, кто стремится к разрушению русского психоисторического типа, к замене его культуры тупым глобальным маскультом. В этом плане РФ есть не что иное, как явление цивилизационного кризиса России.

Цивилизационный кризис вообще есть одна из черт русских смут. В то же время русские смуты всегда были частью больших европейских и мировых смут. Так, русская смута 1584/1606 — 1613/1619 гг. была элементом кризиса «длинного XVI в.» (1453 — 1648) и предварила большую войну — европейскую Тридцатилетнюю (1618—1648). Русская смута начала XX в. была элементом мировой пересдачи Карт Истории, начавшейся в 1870-е гг., и стала прелюдией к другой большой войне — мировой тридцатилетней 1914 — 1945 гг.

В 1970-е гг. стартовала новая пересдача, на этот раз глобальная. Не является ли новая русская смута, латентная фаза которой началась смертью Брежнева, прелюдией новой большой войны — глобальной, всемирной, целью которой будет уже не просто гегемония в капиталистической системе, а борьба за ресурсы, т. е. за жизнь? В любом слу-

чае, как сказал бы Дж.Р.Р. Толкиен, «Завеса Мрака встает над миром». РФ не просто не готова к этой схватке, способной превратиться в гибель не только русских, но и вообще белых богов, но может стать главным ресурсно-пространственным призом, раздел которого либо разрядит обстановку, либо отодвинет конфликт и даст возможность его основным участникам лучше подготовиться к решающему сражению.

В этом плане положение РФ хуже, чем таковое России в начале 1910-х гг. и чем в СССР в 1931 г., когда Сталин сказал, что либо мы за десять лет пробежим тот путь, который наиболее развитые страны прошли за сто лет, либо нас сомнут. Пожалуй, нынешняя ситуация РФ отчасти напоминает положение «федерации» русских княжеств владимирской эпохи накануне монгольского нашествия. Но тогда все процессы протекали намного медленнее — не было глобализации/деглобализации и счетов князей в константинопольских и багдадских «банках».

Как Русь/Россия/СССР выскакивала из исторических ловушек, из ситуаций, когда, казалось, волны Прогресса (западного, разумеется, катящиеся в западных интересах) вот-вот сомкнутся над русскими? Кто был субъектом прорывов?

Русская история дает не очень приятный ответ на этот вопрос: чрезвычайные комиссии, первой из которых была опричнина обогнанного либералами и марксистами Ивана Грозного, второй — гвардия Петра I, третьей — «чрезвычайки» большевиков.

Субъект русского прорыва — «чрезвычайка» со всеми их издержками, поднимающая страну на дыбы и на дыбу одновременно, то, о чем М. Волошин писал: «Бред разведок, ужас “чрезвычайек”». Надо, однако, помнить, что к «ужасу “чрезвычайек”», которые часто заполнялись «биологическими подонками человечества» (И. Солоневич), приводил системный тупик предшествующего развития, неумение и нежелание правящих слоев реально менять страну и умерять свои экономические аппетиты. «Чрезвычайки» — это та мзда, которую верхушкам (и народу) приходится платить за историческую несостоятельность. Наказание (а как говаривал Блаженный Августин, наказания без вины не бывает) в качестве фундамента для исторического рывка, как необходимое условие последнего.

Как правило, «чрезвычайки» в России появляются при сочетании кризисов — внутреннего (когда проедена вещественная субстанция предыдущей системы и эпохи) и внешнего (пересдача Карт Истории). Таких сверхострых моментов в русской истории до сих пор было два — первая половина 1560-х гг., завершившаяся введением опричнины в

1565 г. и погромом боярской олигархии, и вторая половина 1920-х гг., завершившаяся отменой нэпа и погромом «ленинской гвардии» (тоже олигархии), связанной с фининтерном, с мировой финансовой олигархией.

В середине 2010-х гг., эдак к столетию Октябрьской революции, будет окончательно проедено советское наследие. В то же время, по мнению наиболее серьезных экономистов, именно в середине 2010-х гг. начнется реальный кризис глобальной экономики (2008—2009 — это пролог, «проба пера»). Этот волновой резонанс станет, по-видимому, *моментом стины* не только для РФ и ее руководства, но для всего русского культурно-исторического типа развития. Времени, чтобы подготовиться, очень мало. Лучшее оружие в таких ситуациях это *воля, знание и организация*. Воля народа и власти, их организация. Ну а знание — дело интеллектуалов. Нам нужно беспощадное знание о самих себе, ну и, разумеется, о мире, о его реальных хозяевах, их планах и стратегии, о том знании, которое в течение столетий создавалось в качестве информоружия мировых элит. Только так можно обеспечить то, что К. Поланьи назвал «зловещим интеллектуальным превосходством» над противником. Это недостаточное, но абсолютно необходимое условие для того, чтобы начать перестроение России, перегрузку ее нынешней вульгарно-западной *матрицы*, не говоря уже о победе — нашей победе.

С.А. МАРКОВ

Консервативная модернизация: попытка новой модели развития России

Аннотация. Статья посвящена определению концептуальных основ новой, российской модели модернизации, модернизации консервативной.

Ключевые слова: модернизация, консерватизм, современное общество в России.

Abstract. The article is devoted to defining of conceptual bases of new Russian model of modernisation, modernizing of the conservative one.

Keywords: modernisation, conservatism, modern society in Russia.

Наше сообщество вносит большой вклад в становление того направления современной политической мысли, которое можно обозна-

читать как *консервативное*. Российский консерватизм отличает особый парадокс: революционность российской истории — каждый период отменяет предыдущий. Нынешняя Россия отрицала Россию социалистическую, та отрицала империю, империя отрицала Московию, которая в свою очередь отрицала византийскую Киевскую Русь. Поэтому не очень понятно, что именно консерваторы призваны сохранять. К тому же, они распределены по разным идеологическим лагерям. В этом заключается интеллектуальный вызов, на решение этой задачи может быть направлена деятельность нашего сообщества. Нарботанный идейный капитал должен быть востребован с точки зрения формирования новой идеологии, которую условно можно обозначить как *консервативная модернизация*.

На первый взгляд, это сочетание несочетаемого. Однако суть здесь совершенно очевидна. Модернизация понимается как необходимый процесс, а консерватизм — как стиль этого процесса. Россия знает несколько примеров успешного осуществления идеи модернизации: реформы Александра III, Николая II. Из других стран можно назвать пример Германии, модернизация которой в течение 25 — 30 лет осуществлялась под руководством Христианско-демократического союза. То же касается Италии и Японии. Указанный способ модернизации допустимо сравнить с консервативным стилем лечения или консервативным стилем размещения банками средств. Консервативная модернизация — не просто пожелание, ее необходимость вытекает из того, что российское общество страшно устало от рывков и скачков, за которые страна в XX в. заплатила огромную цену, десятками миллионов жизней и распадом исторического ядра государства. Больше такую цену никто у нас платить не хочет и не может, поэтому никакой другой модернизации быть у нас не может, кроме консервативной.

Еще один вопрос часто звучит в нашем обществе: не настроена ли страна против модернизации вообще? Сегодня этот вопрос активно дебатруется. Никто не заинтересован что-то серьезно менять, власть стремится к стабильности, бизнесмены хотят от государства лишь финансирования, большинство же социальных групп пассивно. Мне кажется, такой подход является принципиально неверным. Он упрощает общество и тем самым дает искаженную картину. Яркое тому доказательство — отношение наших людей к телевизионным программам, которое носит амбивалентный характер. В ответ на требования сократить криминальные программы обычно звучит ответ, что население предпочитает эти программы, у них самый высокий рейтинг.

Но каждый человек существует и как субъект, машинально переключающий каналы и останавливающийся на «экшн», и как гражда-

нин. И в этом последнем качестве он требует ликвидировать господство рейтингового криминала на наших экранах. Почему же мы должны рассматривать его только как потребителя? Декриминализация медийного пространства — на мой взгляд, четкий социальный заказ. Вот такое же амбивалентное отношение существует и к модернизации. С одной стороны, человеку сегодня не хочется шевелиться и рисковать, когда кто-то другой спокойно получает дивиденды от сложившейся ситуации. Но, с другой стороны, он дает ясный социальный заказ власти: возглавьте путь модернизации и сделайте так, чтобы по этому пути пошел не я один, но и все остальные тоже! Тогда мои риски снизятся, а выигрыш увеличится.

Мне кажется, политическое руководство должно увидеть эту амбивалентность и услышать этот социальный заказ. Здесь возникает еще один вопрос: модернизация сверху, или снизу? Эта дилемма представляется искусственной. Невозможна модернизация только сверху — слишком большая масса людей должна быть в нее вовлечена — но и снизу сама по себе она не начнется. Необходимо сочетание импульса сверху, предложение программы, с поддержкой ее большинством людей.

Первое, что надо обществу осознать, — тот глубочайший провал, который произошел с нами за прошедшие годы. Итог так называемых реформ 1990-х гг. сравним с крупномасштабной войной против нашей страны. Падение экономического потенциала, производительности труда, разрушение инфраструктуры, сокращение населения, снижение среднего возраста жизни и т. д. — как будто по всей стране прошлись бомбардировки. Нам надо не искать виноватых, а определить глубинные причины такого провала, без этого трудно будет идти дальше. Например, оценка «рыночного фундаментализма», как назвал эту политику Джордж Сорос. По-моему, нельзя называть ее либеральной, ведь либерализм увеличивает свободу, а когда власть переходит к откровенным бандитам, это нечто другое.

Необходимо изменить атмосферу в обществе. Средства массовой информации, а также политические партии и их лидеры должны играть не асоциализирующую, а социализирующую роль. Жизненные принципы легального грабежа, которые по сути дела провозглашаются («Обогащайся любым способом!»), должны быть заменены идеологией трудовой морали, лежащей в основе модернизации. «Нация непойманных жуликов» не способна совершить модернизацию страны. Это может сделать только нация тружеников, где ценятся образование и честь. Мы должны формировать «сложного человека», способного участвовать в современном постиндустриальном обществе. Необходим

тренд в сторону трудящегося человека как героя средств массовой информации.

Отрадно, что сейчас возрождается понятие «экономическая политика». Надо выделить несколько ведущих отраслей, которые реально способны захватить мировые рынки. Это авиакосмическая промышленность, атомное машиностроение и отчасти судостроение. Представьте себе возможную прибыль, например, от продажи атомных станций. Очевидная большая проблема — это инфраструктура, положение с которой катастрофическое. Имеются в виду не только дороги и ЖКХ, но и такие сети, как скорая помощь, сельскохозяйственные закупочные компании, Интернет и пр. В нежелании вкладывать средства в развитие инфраструктуры я вижу не просто ошибку, а выполнение прямого иностранного заказа с целью не допустить возрождения России.

Актуальной задачей остается опережающее вложение средств в образование и науку. По этому показателю мы находимся на уровне слаборазвитых стран. Надо выходить на догоняющую модель развития в этой области. С этим связана и задача переводить средства из сырьевых отраслей хозяйства в наукоемкие.

Принципиальный вопрос — выработка своей, российской, модели модернизации. Каковы механизмы получения технологий? Каковы механизмы формирования спроса на свою продукцию? Эти и другие вопросы требуют самостоятельного, незаимствованного ответа.

А.П. ПОЧИНОК

Россия: время прорывного развития

Аннотация. В статье обозначены ключевые моменты современного развития России: инновационный фактор, кризис, новые мировые технологии, необходимость прорывного движения, общественная потребность в новых научных идеях.

Ключевые слова: инновации, кризис в России, новые технологии, прорывы в экономике.

Abstract. In article the key moments of modern development of Russia are designated: the innovative factor, the crisis, new world technologies, necessity of breakthrough movement, social requirement for new scientific ideas.

Keywords: innovations, crisis in Russia, new technologies, breakthroughs in economy.

Современная ситуация в России заставляет ученых и все звенья управления действовать быстро, четко, искать новые пути развития и новые решения. Президент РФ в своей известной статье «Россия, вперед!» говорит об инновационных факторах развития России — в экономике, политике, социальной сфере. Чем это обусловлено?

Все базовые экономики мира отреагировали на кризис. В США пик кризиса уже пройден. Страны стремятся как можно быстрее преодолеть стадию рецессии и перейти к подъему. Но! К подъему на принципах новой социально-экономической парадигмы. Почему?

Мы видим, что выполняется то, о чем говорил Махатма Ганди. Он писал 60 лет назад, что когда 400-миллионное население Индии будет потреблять столько же, сколько Америка, мир не выдержит. Теперь мы точно знаем — население Индии в ближайшее время достигнет 1 млрд 200 млн человек, Китая — 1 млрд 400 млн человек и т. д. Это население переходит к европейской модели потребления. И если сохранять старые технологии, то на Земле просто не хватит ресурсов.

И технологии действительно меняются. Интернет меняет нашу жизнь — сегодня можно работать в любой точке мира. Раньше мы гордились трудовыми династиями: пять, семь поколений сталеваров, кузнецов... причем внук, как правило, приходил к тому же молоту и наковальне, на которых работали его дед и прадед. Это было совсем недавно. А сейчас за пятилетку технологии меняются коренным образом. Идет гонка экономик — даже в условиях кризиса экономика Китая дает 8% годового прироста, экономика Бразилии по уровню ВВП уже догоняет Россию... Именно в этих условиях речь идет не о постепенном развитии, а о *быстром прорывном развитии*. Но без революций!

Профессор Преображенский был прав — «кризис прежде всего в головах». Объемы производства и объемы продаж зависят от психологических ожиданий покупателей. Как действовать здесь? Мы многого ожидаем от Форума, прежде всего ответов на сложнейшие вопросы: как должно быть устроено российское общество? как создать в нем стимулы к быстрому неконфликтному развитию, к прорыву новых технологий, к созданию новых рабочих мест и технологий, к изменению высшего учебного образования? как создать в России общество социального мира? как сделать общество стабильным и настроенным на прорыв?

Можно поставить множество задач. Это легко. Трудно решить их. Но делать это надо. И Совет Федерации ждет от ученых прорывных предложений.

А.А. НАГОРНЫЙ

Модернизация: США, Китай, Россия

Аннотация. В статье намечены три подхода к модернизации у ведущих субъектов современной геополитики (США, Китая и России). Обозначены ключевые проблемы модернизации в нашей стране, связанные с сохранением кризисных тенденций в базовых сферах российского общества.

Ключевые слова: геополитика, субъекты, модернизация в России, мобилизационная модель, русская цивилизация.

Abstract. In the article three approaches to modernisation of leading subjects of modern geopolitics (the USA, China and Russia) are outlined. Key problems of modernisation in our country, connected with preservation of crisis tendencies in base spheres of the Russian society are designated.

Keywords: geopolitics, subjects, modernisation in Russia, mobilisation model, Russian civilisation.

В современном мире существуют три подхода к модернизации у трех ведущих субъектов геополитики. Начнем с геополитического лидера — США. С финансово-экономической точки зрения США балансируют сейчас на краю пропасти, но тем не менее пока еще как-то держатся. Как долго они будут держаться — никто сказать не может. Некоторые утверждают, что упасть они должны были еще позавчера, другие считают, что это отложено на 2 — 3 года.

США не скрывают тот факт, что собираются решить свои проблемы при помощи мощного качественного рывка в научно-технической сфере. Линия эта четко обозначена, и мы видим, что ведущие американские университетские центры и технологические корпорации сосредоточили усилия на формировании нового сознания нового человека. Американцы в этом отношении на три корпуса впереди всех. Мы можем ожидать от них технологического прорыва в любой момент. Я вспоминаю конференцию, которая проводилась в Белом доме еще при Клинтоне, на ней были определены 50 технических открытий, которые укладывались в предстоящие 50 лет. Но основные планировались в

первые 15 — 20 лет XXI в. И если пока этого увидеть нельзя, тем не менее они к этому идут. Думается, что пальму первенства Штаты никому не уступят — ни Европе, ни Китаю. А владея контролем над мировым финансовым механизмом, американцы не будут иметь проблем с тем, чтобы возложить все издержки своей экономической деятельности на своих партнеров.

Китай является прародителем слова «модернизация» как обозначения перехода на новый качественный уровень. Модернизация задумана и осуществляется китайской компартией. Конечно, на фоне того, что происходило в Советском Союзе и затем в Российской Федерации, мы видим убедительные свидетельства преимуществ централизованного контроля. Китайцев отличает способность быстро адаптировать технические достижения, что в сочетании с возможностью организовать население создало уникальную ситуацию рывка. В 1978 г., когда речь впервые зашла о четырех модернизациях, я присутствовал на слушаниях по поводу Китая в Вашингтоне. Большинство привлеченных американских экономистов говорили, что это практически неосуществимо, приводя различные технологические обоснования — в частности, неспособность китайской энергетики вводить новые мощности. Единственным специалистом, который считал, что все параметры будут китайцами перекрыты, был Николас Ларди из Университета Джорджии. Он дал оптимистическую картину, и она полностью реализовалась. К 1990 г. Китаю удалось перейти на качественно иной уровень развития, и он продолжает свое движение. Конечно, это *догонающая модель модернизации*, опирающаяся на адаптацию научно-технических достижений американцев, европейцев и японцев. Но тем не менее Китаю удалось соединить советский опыт с опытом так называемых четырех азиатских «молодых тигров» (а фактически такая модель была опробована в Сингапуре), и успех дальнейшего продвижения Китая не вызывает сомнений. Другое дело, что возможность догнать и перегнать Америку в ближайшие 15 — 20 лет не просматривается.

Теперь, что касается Российской Федерации. Наконец, мы услышали от нашего руководства обращение, где было использовано слово «модернизация». Замечательно, что по сравнению с периодом 1991 — 1998 гг., когда полностью отрицалась возможность государственного вмешательства в финансово-экономическую деятельность, это внешне совершенно другая концепция. Однако реально наши руководители, в отличие от китайцев, не показали, за счет каких ресурсов возможна модернизация — за счет каких идеологических постулатов, с опорой на какие слои населения. Возникает вопрос: возможен ли для России

модернизационный бросок в будущее? Мне представляется, что последнее выступление премьера В.В. Путина (ноябрь 2008 г.) по форме с точки зрения пропаганды и привлечения населения было блестящим. Но если вдуматься, что стоит за этими лозунгами, то возникает удручающее впечатление. Ни один из российских руководителей не дает реальной оценки состояния экономики и общества на сегодняшний день. Параметры здесь ужасающие. Это и вопрос о распространении наркомании — оно идет по экспоненте, через 10 лет из взрослого населения России 25 — 30% будут тяжелыми наркоманами. Это и состояние социальной сферы. Это и свертывание нашего присутствия в различных регионах мира.

Если взять за исходную точку мегаполисы — Москву и Санкт-Петербург, — то может создаться благостное ощущение, что движение все-таки есть. Но если посмотреть на ситуацию в стране в целом, начиная с Дальнего Востока, то мы увидим поэтапное сворачивание промышленного и сельскохозяйственного присутствия в огромных областях. Огромное значение имеет демографический фактор, особенно если учесть соотношение разных этносов. Сворачивание базового русского этноса идет опережающими темпами. Динамика такова, что без радикального отказа от либеральных идей вырваться России из ситуации «сваливания» в пропасть вряд ли получится. Поэтому перед обществом и руководством стоит вопрос создания новой системы взглядов и нового способа управления экономикой.

Необходимо создать базовые элементы нового централизма. Но политическое руководство России продолжает исповедовать прежние идеи, свойственные элите 1990-х гг. Мне представляется, что если в течение ближайших двух лет не произойдет базовый перелом, то существование Российской Федерации не только будет поставлено под вопрос, но де-факто распад территории на 7 — 8 или 12 — 15 государств станет неизбежным. Тем более что региональные элиты областей и национальных образований видят на примере бывших союзных республик, насколько заманчиво функционирование в ранге независимых международных субъектов. После осуществления сепаратизации новые государства будут тяготеть к той или иной крупной геополитической структуре — либо к Европе, либо к Китаю, либо к США. Вот такая перспектива российской модернизации видится с нашей точки зрения.

Кроме всего прочего, эта перспектива наслаивается на политико-идеологический хаос, который царит у нас в стране, прежде всего в средствах массовой информации. Сейчас, когда есть острейшая необходимость сплочения всех элементов идеологического спектра вокруг

идеи сохранения территории и сохранения централизованного Русского государства, мы на самом деле видим усиливающиеся противоречия. Сегменты «красный», «белый» и «демократический» приходят в столкновение, что парализует общество. Это еще один аргумент в пользу того, что никакой модернизации в России не может быть при нынешнем руководстве, всего лишь эксплуатирующем оставшиеся элементы советского наследия. Нет никакого намека на настоящее планирование будущего. «Программа 2020», если проанализировать ее подробно, представляет собой дискретный набор слоганов, предназначенный для того, чтобы успокоить общество и продержаться еще пару лет, не обращая внимания на проблемы. Невозможно изменить ситуацию без смены общей социально-экономической платформы руководства. Оно должно встать на рельсы *мобилизационной модели*.

Мы стоим перед необходимостью нецентрализма, ибо очевидна цель — *сохранение русской цивилизации в конкурентных условиях современного мира*. И если кто-то отрицает жесточайшую конкуренцию между основными геополитическими центрами, то он смотрит на мир сквозь розовые очки.

Р.И. ХАСБУЛАТОВ

Почему России не «грозит» модернизация?

Аннотация. Предмет статьи — развитие капитализма в современной экономике России и ее модернизация, а так же решающая роль государства в этом процессе.

Ключевые слова: экономическая система, Россия, капиталистическая экономика, государство.

Abstract. The article's subject includes capitalism development in modern economy of Russia and its modernization, and also the main role of the state in this process.

Keywords: economic system, Russia, capitalist economy, the state.

Я ранее неоднократно представлял генезис второго пришествия русского капитализма — со всеми его органическими пороками. В частности, был сделан вывод о том, что он отторгает новые технологии и инновации — в силу специфики становления и генетических свойств. Суть этой специфики заключается в том, что, как и социализм, новый российский капитализм возник как грандиозный социальный эксперимент, вследствие революционного передела накопленного богатства,

т. е. искусственно, через действия государства, не эволюционно — как это происходило с развитием (генезисом) классического капитализма в Западной Европе, а через контрреволюционный «прыжок» в капитализм. Вот здесь, в этом моменте, — корневая причина органической неэффективности российского капитализма, его врожденной порочности.

Вся история развития современной капиталистической экономики с древнейших времен базировалась на абсолютном признании принципа частной собственности, как некоем естественном начале общества, органически ему свойственном. Это не требовало пояснений, выступая своего рода аксиомой. Хотя разного рода ограничения были еще в Древнем Египте, Персии, Китае, Греции, Риме. Кстати, в них использовались в качестве обычной политической и экономической практики и национализации, и денационализации, и конфискация имущества — ничего необычного в этом не было. Советской власти тогда не было — фанатические сторонники паразитарного капитализма связывают обобществление исключительно с советской властью, а это вовсе не так.

Многовековое эволюционное развитие привело цивилизацию к тем отношениям, которые существуют в современном экономическом мире с его крупными корпорациями как доминантной экономической силой.

Однако никогда и нигде *крупный корпоративный капитал* не формировался (и не мог формироваться) таким способом, как в России в 1990-х гг. Это — нечто иррациональное, когда вдруг, неведь откуда на новых собственников «свалились» сотни и тысячи огромных промышленных объектов — заводов, фабрик, объединений во всех отраслях народного хозяйства. В том числе в нефтедобыче и ее переработке, рудники, шахты, трубопроводы, стоимостью во многие сотни миллиардов долларов. Над созданием этих материальных богатств трудились целые поколения людей — и вдруг, и так легко, непринужденно, они оказались в руках дилетантов, жуликов и авантюристов, не умеющих и не желающих приумножать полученные богатства. Это ли не мошенничество, причем с обеих сторон — и получателей-наторишей, и тех, кто отдал незаконно эти факторы производства, т. е. тогдашнего правительства?

Чтобы создать и построить аналогичные объекты, их собственникам на Западе пришлось пройти в течение пяти столетий через многие стадии экономического развития — ремесленник и кустарь, уличный меняла денег и т. д. — т. е. весь длительный цикл первоначального накопления капитала. Речь, таким образом, идет о неизбежной много-

вековой эволюции от мелких предприятий (остающихся и ныне в самых развитых национальных системах экономики) к современным крупным предприятиям и банкам.

Соответственно на протяжении столетий «шлифовались» через законодательство отношения между Государством, Предпринимательством и Наемным классом. Поэтому «управляемость» экономики в развитых странах — в самых разных формах — высока, она сдерживает агрессию крупного капитала, а сама государственная бюрократия находится под властным контролем общества.

Российский капитализм сформировался искусственно (как и социализм в ходе Революции 1917 г.), через декреты высшей исполнительной власти. Если в 1917-м вчерашние пролетарии, часто безграмотные, получили огромную власть и право распоряжаться миллионами сограждан, то «революционное становление» нового российского капитализма точно таким же образом сделало вчерашних заурядных личностей собственниками указанных выше громадных заводов, фабрик, нефтяных и иных ресурсов (факторов производства). Цели и методы обеих «революций» были удивительно однотипны: революционеры 1917-го исходили из необходимости *уничтожения принципа частной собственности* как панацеи от всех социальных бед. Революционеры (точнее, контрреволюционеры) 1990-х исходили из противоположного — утверждения *принципа частной собственности* как возможности решения всех социальных проблем.

Но суть проблемы в том, что сам по себе принцип частной собственности не решает (и не может решить) ни личные проблемы всех членов общества, ни общественные задачи. Частная собственность в тех интерпретациях, которые утвердились в правящих кругах России, может решить лишь частные проблемы отдельных частных лиц, да и то по преимуществу в их неумном, паразитарном потреблении. При этом, как показывает недолгая отечественная практика, их жадность не имеет границ. Она опровергает бытовавшее мнение, что во власть должны допускаться имущие, и ограничивать эту власть от проникновения в нее неимущих. Российская действительность показала, что самыми чудовищными склонностями к коррупции и накопительству обладают хорошо обеспеченные слои с их неистребимым хватательным инстинктом.

Принцип частной собственности — это всего лишь предпосылка формирования общих условий для развития, когда используются эгоистические начала человека в целях получения материальных благ. Но если не создаются, к примеру, реальные условия для самой широкой конкуренции — что может дать частная собственность? — Обогащать

предельно узкий круг лиц — и только. Это воспроизводит ту же реальность, которая была при социализме — но в худших, более неприглядных формах, поскольку при социализме не разрешалось богатеть, обманывать, действовали жесткие контрольные механизмы. А все накопленное трудом общества богатство поступало в пользу государства, которым распоряжалось правящее элитарное чиновничество.

Частная собственность без конкуренции — это самый страшный враг общества, поскольку она не обладает созидательной энергией, высасывая все жизненные силы из большинства народа. На деле не столько государственная собственность выступает всеобщим злом, сколько неконтролируемая частная собственность, которая действует не по законам современной рыночной экономики, а исходя из своих хищнических инстинктов обогащения.

Всего этого не понимали ельцинисты 1990-х, нет понимания этого и ныне. В правящей политической элите, во-первых, довлеет самый жуткий догматизм в вопросах экономической теории; во-вторых, похоже, ее устраивает сложившийся *status quo* — она владеет и распоряжается всем и вся.

Что же произошло вследствие такого развития событий? Получив от правительства абсолютно все крупные экономические объекты в свою собственность, новые капиталисты-маргиналы взяли их грабить, а не управлять, умножая собственность в общественных целях. Они оказались не в состоянии эффективно организовать дело — не было знаний, опыта, технической и интеллектуальной подготовки, понимания своей ответственности перед обществом. Но было одно — желание обогатиться любой ценой и сейчас, чтобы купить поскорее ту же яхту размером с авианосец. Они мало интересовались развитием, ничего не строили (кроме объектов спекуляции), не интересовались положением своих наемных рабочих, производственной и социальной инфраструктурой. Отсюда — и трагедии: падающие самолеты, выходы из строя ГЭС и тому подобное.

Поэтому нувориши оказались фактически в режиме банкротства при первых же ударах мирового кризиса 2008 г. Еще одна особенность русского корпоративного капитала заключается в том, что его представители «вывели» свои личные состояния за пределы финансов корпораций, которые им же принадлежат и которыми они управляют. Это, конечно же, тоже форма мошенничества, которая не могла не возникнуть без молчаливого согласия правящей бюрократии.

В результате никчемной организации управления (подчиненной «высасыванию» финансовых ресурсов) весь крупный частный сектор экономики стал деградировать. Он уже был на стадии «зрелой» фор-

мы деградации задолго до мирового кризиса. Единственным выходом из создавшегося отчаянного положения, в котором оказались эти мошенники-миллиардеры — это новое обращение к власти за «помощью». Власть немедленно откликнулась, но потребовала взамен значительную часть дивидендов (точнее — львиной доли переданных от имени государства финансовых ресурсов — «помощи»).

Так образовался и действует российский крупный частный капитализм, не способный органически существовать без опоры на государство. Точнее, на правящую государственную бюрократию. Эта «опора» не позволила сформировать современного Предпринимателя — он органически развращен, в решении производственных задач он не склонен рассчитывать на себя, на свой коллектив, на науку, на современные технологии. Зачем ему какой-то «рынок», конкуренция, какие-то «инновации», «модернизация»? Единственным ресурсом он считает *отношения с Властью*. Конечно, есть и приятные исключения, но в целом я обрисовал ту «схему» отечественного капитализма, которая является реальностью.

Поэтому у нас все дорого — медикаменты, продовольствие, одежда, обувь, бытовые электротовары. Условное равновесие на потребительских рынках поддерживается не за счет насыщения их товарами и услугами, а в результате монопольно высоких цен на все и вся. Машиностроение, в том числе приборостроение, загублено, химические и фармацевтические заводы разрушены. Зато ускоренно строятся стратегические трубопроводы по всем азимутам, облегчая привязку богатых сырьем территорий к главным центрам глобальных экономических центров мира — Западной Европе, США, Японии и Китаю. В результате страна отчетливо приобретает черты анклавной, неокOLONиальной экономики, участвующей в международном разделении труда как сырьевая база мирового промышленного производства.

Одно из последствий таких уникальных по своей предельно развращенной порочности и паразитарности российской крупной буржуазии — это ее полное игнорирование вопросов — даже не подготовки — а сохранения подготовленного, в целом высококвалифицированного инженерного корпуса в промышленности (включая систему ВПК). В стране острый дефицит инженеров-разработчиков, технологов-разработчиков, способных перевести идеи в режим экспериментального производства как направление инновационного роста и развития.

Одна из самых кричащих проблем народного хозяйства — отсутствие в стране самой производительной части рабочей силы — квалифицированных рабочих. А без них ни модернизация экономики, ни осу-

ществование новых технологических прорывов, инновационное развитие невозможны.

Сложившийся российский капитализм не просто индифферентен к ним, он отторгает их. *Современные крупные российские капиталистические корпорации — это маргинальная, реакционная структура, по существу — антимодернистский производственно-экономический комплекс, высасывающий из общества все его жизненные силы. И в альянсе с государственной бюрократией он превратил общество в некую одномерную бессловесную общность разрозненных (атомизированных) групп людей.*

Резюме. В создавшихся условиях единственной реальной силой, способной осуществить экономический прорыв в модернизационном типе развития, является государство. Но это — всего лишь возможность. Чтобы эта его возможность стала производительной функцией, необходимо, во-первых, разъединить альянс правящей бюрократии и крупного капитала, во-вторых, разработать и предложить обществу фундаментальную стратегию в области новой экономической политики. Поскольку это все — задача сложнейшая, с нашей точки зрения, России модернизация «не грозит».

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

И не сообразуйтесь с веком сим,
но преобразуйтесь обновлением ума
вашего...

(Рим. 12, 2)

Знание и судьба России

Аннотация. Исследуется системный интеллект, который рассматривается и как «перводвигатель», и как смысловой проект, и как метаинститут, и как целевая причина, и как софийная творческая сила, создающая нации и народы. Утверждается, что системный интеллект России-СССР, созданный для превращения страны в индустриальное общество, выполнил свою задачу. На повестке дня — архисрочное и безотлагательное создание нового системного интеллекта, который должен преобразить наше отечество в «Россию Знания», живущую знанием, ради знания и в знании. Знание и школа стали метафизической судьбой и стратегическим фактором безопасности современной

России, а «Россия Знания» — интеллектуальной и социальной судьбой знания вообще.

Ключевые слова: системный интеллект, знание, Россия.

Abstract. The system intelligence is analyzed which is considered and as how is investigated first motor and as the semantic project, both as maintainstitute, and as the target reason, and as sofiан the creative force creating the nations and the people. It affirms that the system intelligence of Russia-USSR created for transformation of the country in an industrial society, has carried out the problem. On the agenda necessary and urgent creation of new system intelligence which should change our fatherland in «Russia Knowledge», living knowledge, for the sake of knowledge and in knowledge. The knowledge and school became metaphysical destiny and the strategic factor of safety of modern Russia, and «Russia Knowledge» intellectual and social destiny of knowledge in general.

Keywords: system intelligence, knowledge, Russia.

XX век стал для Россия сплошной геополитической катастрофой, сравнимой разве что с Небесным огнем, поразившим прогрессивное человечество, достигшее уровня необратимой и неисправимой развращенности. Неизбывная масса страданий, мучений, лишений, выпавших на долю России XX в.; эти и поныне не понятые муки русские, вопиющие к смыслу небесному, по закону сакральной антитезы говорят и о том, что Россия забыла о какой-то своей высшей святине. И об этой святине Провидение постоянно напоминает ей страданиями, превышающими меру ее земных грехов.

Но, уцелев в самых чудовищных бойнях истории, Россия с натужной радостью вновь заковыляла по тропам материально прогрессирующего Запада, надеясь чисто материальными средствами восстановить свой попорченный национальный суверенитет. И вновь Россия наступила на те же inferнальные грабли. Шествуя путями материи, следуя ее гедонистическим и гламурным заветам, Россия, как и все человечество, попала в старый и давным-давно известный тупик прогрессирующего кризиса материи. Тупик всесторонний, дикий, злобный, не имеющий выхода и заваливший вход, оставив лишь прогрессирующий рост самой тупиковости и тупости его жертв. Тупик этот состоит из *трех* неразрешимых антагонизмов, влекущих людей в никуда, в царствие *никудаизма*.

Во-первых, материальный тупик прогресса постоянно воспроизводит ситуацию, в которой потребности людей превышают жизненный потенциал биосферы. Выход из этого тупика алхимики глобализма видят в радикальном сокращении человеческого поголовья, как-то не

замечая, что сокращаемые люди тоже ведь материя, и что такое сокращение материи не имеет ни малейшего смысла. Даже при малом числе людей, материальные ресурсы все равно будут сокращаться еще быстрее, ибо *регресс материи без духа и прогресс материальных потребностей людей без духа* взаимообусловлены. Сегодня каждый обыватель желает иметь авто, ну, а каждый пока еще не сокращенный и не укрощенный обыватель возжелает уже занять космический корабль, чего биосфера уж точно не потерпит. Можно умалить прожорливые чрева; но кто знает, какую муть придумают мозги таких гастролютантов? А сакральный закон гласит: ежели сколько материи в одном месте отсовокупится, столько же антиматерии и духов злобы инфернальной в другом месте к ней же присовокупится. Нет, радикальная прополка человеческого рода не ослабит клешни материального тупика, а сомкнет их еще более жестко, требуя от либерастов именно прогрессивных решений. Количество людей на планете ведь не случайно, как и вообще случайность — штука лукавого, соблазняющего людей верить не Богу, а лотереям, игральным автоматам, казино.

Во-вторых, материальный тупик питает своей безвыходной энергией растущую неуправляемость общества. Чем больше управленческих институтов, тем больше хаоса и энтропии в социуме, полностью уходящего во властный беспредел произвола. В материальных тупиках эти институты не решают проблем, а умножают их, не сознавая того, что именно данные институты служат основными генераторами тупиков. Похоже, что властные институты сами создают искусственные аварии и катастрофы, чтобы оправдывать ими же свою необходимость.

В-третьих, материальный тупик создает «машины смерти», посредством которых человечество выносит приговор самому себе, в меру сил своих занимаясь самоистреблением уже не столько путем войн, сколько путем совершенствования своих грехов и пороков. Пока эти машины работают локально, но вскоре они сольются в один глобальный механизм, которым человечество сможет целиком истребить себя.

И поскольку все иные пути выхода из материального тупика алхимии глобализма дискредитировали и отринули, то они наивно уповают на то, что тупик милостиво сам как-то рас-с-туп-ится и прогресс вновь будет бодро прогрессировать, поставляя уцелевшим землянам еще неведомые блага. Но материальные тупики не рассасываются, а засасывают в свою тупиковость попавшие в них существа. Даже Господу, видимо, не ведомы позитивные выходы из материальных тупиков, поскольку он устраняет их Всемирными потопами, Небесным огнем.

Но для России даже такой предельно суровый и карательный выход из материальных тупиков и материальных кризисов принципиально и реально невозможен в силу того, что метафизическую основу ее национального организма составляет матрица-код, в котором *знания, правда — самоцель ее бытия, материя и власть — средства, богатство и бессознательное укрывательство в тайной вере, в неведомой благодати — условия* ее адекватного существования. Поэтому материальные тупики России коренятся не в дефиците материи, которой у нее всегда было в избытке, а в тайниках ее духа, ее идеи. И так решила не Россия, а Провидение, которое посредством России сознает и осуществляет свои планы устройства и перестроения мира в чисто материальной среде, противящейся софийным смыслам. И эта уникальная связь *целей, средств и условий* в жизни России объективно отличает ее от Запада и Востока.

Перводвигателем Запада служит матрица-код, в которой материя — самоцель, знания и власть — средства, бессознательный аморализм, гедонизм, демонизм, неверие, — условие его бытия.

Хотя матрица-код Востока и весьма близка России, но в своей реальности Восток ведет себя аналогично Западу, стремясь получить максимум именно материи. Хотя и о знаниях Восток не забывает, и бессознательному он находит место в своих коллективных медитациях, выжидая час своего тайного Дела. В материальных тупиках Восток чувствует себя неплохо, ибо для него сам человек есть тупик, выход из которого возможен в просветлении и полном растворении личности в Абсолюте. Поэтому западные кризисы не достигают Востока, не затрагивают метафизических оснований его бытия.

Именно противостояния этих метафизических проектов бытия, проявляемые внешне как открытое материальное противоборство России и Запада и как скрыто-выжидательное противоборство Востока Западу и отчасти России, питали творческими импульсами духовную и материальную жизнь всего мира, вдохновляли своими энергиями самосознание, мысли, пробуждали неведомые силы героизма, любви и верности в отношениях людей.

С крушением СССР начали быстро иссякать родники художественного, интеллектуального, морального и религиозного творчества во всем мире. Идеальный мир современного человечества напоминает собой великолепный и чудесный музей, переполненный всякими диковинными устройствами и творениями. Но все они мертвы, не работают, ибо отключены от энергосетей духа и тайком подключены к энергосетям смерти в обликах гламура, гедонизма, финансизма, виртуализма, антихозяйства. Ибо только дух является тем волшебником, ко-

торый может, глядя в пустоту смерти и ничто, преобразать их в формы самой жизни¹. Материя же, освобожденная от деспотической власти духа, неизбежно покатится путем энтропии, самораспада и регресса в никуда, теряя в этой антиэволюции свой последний смысл. Поразительно, но XXI в. не имеет своего религиозного, морального, интеллектуального, художественного, вообще — духовного лица, если не считать таковыми призрачность, финансизм и виртуализм.

Природа и Бог могут обойтись без всех материальных чудес, сотворенных человеком. Тогда ради чего они терпят человека, разрушающего мир, позволяя ему безнаказанно нарушать их законы?

Только ради знания и познания! В познавательном служении миру и состоит вселенская миссия человека, который в естествознании стал антропным принципом-законом даже чисто физического мира². Только человек способен познавать, накапливать знания, общаться через знания с миром и с Богом, изменять посредством знаний мир, приумножать многообразие его качеств, форм, законов, причин, материи. Но человек — и единственное существо, которое может разрушать мир и самого себя именно посредством знаний и науки, вернее — посредством непонимания своих знаний и своих наук.

¹ Гегель в этой связи писал: «Смерть есть самое ужасное... Но не та жизнь, которая страшится смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь духа. Он достигает своей истины, только обретая себя самого в абсолютной разорванности. Дух есть эта сила не в качестве того положительного, которое отвращает взоры от негативного... но он является этой силой только тогда, когда он смотрит в лицо негативному, пребывает в нем. Это пребывание и есть та волшебная сила, которая обращает негативное в бытие» [1, 17]. Поразительно, но это описание сути духа весьма напоминает скрытую суть самой России, которая ведь тоже таинственно волшебным способом сохраняет себя, даже глядя в лицо своей смерти и негативности, пребывая в них!

² Физика и космология выдвинули *антропный* принцип, который признает человека познающего началом, которое неведомым способом участвовало в образовании ранней Вселенной; и в настоящее время многомиллиардные наблюдения делают эту Вселенную видимой, постигаемой и воспринимаемой. Известный физик XX в., Дж. Уиллер размышляет: «Порождая на некотором ограниченном этапе своего существования наблюдателей-участников, не приобретает ли в свою очередь Вселенная посредством их наблюдений ту осязаемость, которую мы называем реальностью? Не есть ли это механизм существования? ...Наблюдатель здесь и сейчас участвует в образовании ранней Вселенной, хотя это представляет собой обращение обычного хода времени» [2, 555—556]. Таким образом, даже свою реальность мир не мог бы обрести без человеческого познания, которое является необходимым соавтором мира и всех его чудес.

Но что есть знание вообще и знание в понимании современного мира?

Мудрость веданты видит в знании совершенную, самодостаточную первосущность богов, миров, людей, вещей. Знание выражает сакральность бытия, идеальные измерения мира, смысл и энергию истины, ее пути в вечность.

Для христианства знание есть проявление и деяние высшей божественности самого Бога. Библия вовсе не случайно тайну кризисов и катастроф человека, причину дефицита материи (!) и первоисток ее же опасных отходов (!) видит именно в невежественном и даже преступном отношении человека к древу познания добра и зла.

Библия императивно и ясно запрещает человеку познание добра и зла, предупреждая, что такое знание несет в себе смерть. Есть множество истолкований этого вроде невинного, но рокового события, о котором лаконично сообщает Библия. Однако проблема так и остается даже непонятой. Ведь не зная добра и зла, человек не может быть полноценным образом и подобием Творца, а, узнав о них, он почему-то порывает сакральную связь с Богом. Поэтому даже простое любопытство, даже простое участие в постижении конспирологических загадок знания и грехопадения, соединенных узами ключевой и беспредельно ужасающей тайны людского бытия — это самое величественное и светлоторжественное событие в жизни человека. Ради этого стоит выходить из мрака. Ради этого стоит жить. Ради этого человеку даны мысль и сознание. И забвение этого «Ради...» карается катастрофами и тупиками бытия.

В грехопадении³ заключена тайна великая самого знания, и тайна, кажется, человеку непосильная. Знание открывает секреты познаваемых предметов, но ценой... ценой сокрытия своего сакрально-предметного смысла, своего добра и зла. В знании таится и величайшая мощь, и величайшие соблазны для человека подчинить себе эту мощь, и смертельная опасность для человека, не ведающего о скорбной софийности знания. Знание — это как бы неизвестное взрывное устройство; малейшая неточность в обращении с ним чревата необратимой катастрофой человека и мира. В любом знании содержится преображенное, усмиренное и закрытое софийным и священным кодом ничто; и вольный или невольный взлом этого кода выпускает на

³ Почему прародители ЭТО сделали? «Это маленькое словечко “почему” разлито по всей вселенной с самого первого дня мироздания, и вся природа ежeminутно кричит своему творцу: “Почему?” — и вот уже семь тысяч лет не получает ответа» (Ф.М. Достоевский).

свободу ничто и смерть, способных превратить мир в добытийную стихию самовозрастающего зла. Огонь — благо в допустимых пределах; но огонь — зло, если он действует свободно, как царствующая стихия. Прародители как раз и взломали софийный код, удерживающий зло в качестве покоренного и преображенного элемента знания, предоставив тем самым злу (ничто) свободу творить смерть внутри добра и за счет добра.

Именно в этот миг греха преображенное и покоренное Творцом ничто освободилось от оков духа, создало диалектику, посредством которой стало разрушать миры, вещи, людей, культуры, питаясь их гибелью. Бытие рождает живое, сражаясь с диалектикой ничто посредством софийной триалектики, претворяющей все *противоречия* в *единоречия* сакральных, природных и человеческих сил. Поэтому Библия и предупреждает людей: «Без софийных и священных прививок не прикасайтесь к вещам, зараженным вирусами диалектики и противоречий. Вы заразитесь смертельными болезнями, которые вы сами не умеете исцелять. Вы обретете самую страшную болезнь, которая называется материализмом и атеизмом и которая именно себя считает подлинным здоровьем, тотально отвергая благодетельную помощь и защиту знаний Неба!».

Но и поныне пагубные воздействия диалектики ничто и греха на человека и на знания не только не учитываются прогрессирующим в безумие человечеством, но даже становятся целью и критерием этого прогресса. Отсюда особая слепота людей, пораженных вирусом незнания опасностей, коренящихся в их знаниях. Люди не сознают того, что смерть и зло пришли не из жизни в знания, а из знаний в жизнь. Непонимание угроз, опасностей, порождаемых ростом «незнания о знаниях», приближается сегодня уже к той критической черте, где человек сам опрокинет себя из бытия в ничто.

Но человек заменяет знания своими непросветленными желаниями, страстями, в которых бьется и страдает, мучится, рыдает материя, *еще* не достигшая своего самопознания, еще не ставшая софийной реальностью знания; и не только заменяет, но и признает самоценность непросветленной знаниями материи, не знающих самих себя страстей и желаний, противопоставляет их в качестве особой реалии знанию. Тогда возникает противоестественная химера диалектики, сочетающая в себе знание и антизнание; руководясь этой химерой, человек не может не совершать зла, даже если бы и желал сохранить свою добротность. Но диалектика возлагает свои грехи на знания, якобы не достигшие нужного градуса точности, разделяет знания на знание-добро и знание-зло.

Знание есть добро, ибо несет и хранит в себе глаголы жизни и вечности; незнание есть зло, за которым скрываются мрак, отсутствие жизни, людская смерть. И это зло Творец преобразил в знание, сохранив понимание зла как знания о незнании, но уже преодоленном незнании, ставшим элементом знания. Добро знает самого себя и зло, превращая его своим пониманием в свой материал; зло же есть неведение самого себя как незнания, которое равно ничто; но зло есть и незнание своей судьбы в добре.

Поэтому зло всегда *создает разделения*, питается ими, не зная единоречивой правды добра, не ведая знания, в котором знание о знании и знание о незнании образуют единое благознание⁴, преодолевающее само разделение бытия на добро и зло. Но зло всегда и *приравнивает* зло к добру, губительно *отождествляя* их. Единое благознание преодолевает и это ложное слияние, утверждая как неслиянность знания (добра) и незнания (зла), так и их единение в качестве знания и в составе знания. Рука человека нормально работает лишь в том случае, если она и неотделима от организма, но и полностью не сливается с ним.

А запрет людям познавать, решать проблемы добра и зла дан только потому, что самостоятельно решить их люди не смогут. Преобразовать незнание-ничто-зло в знание-бытие-добро может лишь Дух-знание Творца, но не вторичные умы сотворенных существ, которые сами-то выведены этим духом из ничто в бытие. Поэтому стремление человека вне и без Бога познать зло есть фактически отречение от знания-добра, отказ от самой жизни в пользу ничто и смерти. Реально-то прародители должны были вместе с познанием зла в сей же миг стигнуть в нем. Но Бог ослабил разрушительные последствия поступка прародителей, разделив их бытие на жизнь и смерть, предоставив человеку свободу сделать окончательный выбор или в пользу призрачного знания, разделяющего добро и зло, или же знания, преобразующего это разделение в единую истину благознания. Прародители получили жизнь в качестве высшего, софийного знания, в котором зло как незнание уже преодолено его познанием в качестве незнания-ничто. Незнание, ложь есть разделение софийной мудрости на знание и незна-

⁴ Вот как Платон описывал благознание. «То, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно то и другое — познание и истина, но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. ...Правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать какое-либо из них самим благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше» [3, 316].

ние. Поэтому прародители не просто нарушили запрет Творца о познании добра и зла, а они, не ведая того, попытались заменить чисто человеческим, ограниченным знанием добра и зла сакральное знание, в котором противостояние зла-незнания-ничто добру-знанию-бытию уже преодолено в пользу единого знания истины. В чисто человеческом знании различение добра и зла всегда условно, смешиваясь во всевозможных пропорциях, обесмысливая практику, которая создает, чтобы разрушать. На деле человек так и не познал добра и зла, а потерял знание добра и снова возвратил зло, ничто и незнание в мир, как будто повернув творение в обратную сторону⁵. В отличие от добра зло не обладает бытием, а потому оно всегда агрессивно, стремясь обрести реальность, подобную добру. Так, сказав «гнилое яблоко», человек тем самым привносит в среду здоровых яблок гниль, и они начинают портиться. Слово в устах человека — не просто страшная, но и убийственная, смертоносная сила. И убивают люди, неосознанно заменяя единым убийством утерянное единое софийное благознание.

В знании самого знания таится как исток всех проблем и противоречий бытия, так и их разрешенность; само знание воплощает в себе все цветотени бытия, лишённого тупиков и преисполненного путями к вечности. Малейший отход людей от путей знания-самоцели неизбежно заводит их в тупики материи, в патологические объёты неразрешимых противоречий лукавой диалектики. Поэтому судьбы мира в целом определяются именно противоречиями между знаниями о материи и знаниями о знании, насколько они будут преображаться в единоречивое знание-диалог вечности и мира.

Современная Россия напоминает времена первого грехопадения, первого нарушения закона знания и изгнания из советского рая.

И если в «те» времена отсутствие знания о незнании породило лукавую диалектику, уверяющую, что здоровое и светлое никак не могут обойтись без больного и мрачного, то сегодня отсутствие знания о незнании породило кровосмесительный постмодернизм, заменяющий информацией и виртуальностью знание, незнание, самосознание и самопознание вообще. Но ведь знание вполне обходится без своей противоположности — незнания, а вот незнание никак не может обойтись без знания, ну, хотя бы для того, чтобы узнать себя именно в качестве незнания. Сегодня Россия и человечество переполнены массой всевоз-

⁵ Джон Мильтон выразил этот извращенный самообман человека в краткой поэтической формуле: «Пускай гордится веденьем добра Утраченного / и разуменьем зла Приобретенного / но был бы он Счастливей, если б знал Добро одно / А зла не ведал вовсе».

можных знаний, но нет понимания растущего незнания, которое постепенно гасит в своем мраке знания и в котором таится основное зло современности. Нужно сегодня уже не грехо-, а благопадение человечества, дабы обрести и сохранить знание в наступающем мире виртуальности, стирающей всякие различия между знанием и незнанием. Но где и кто способен сегодня на такой подвиг ради знания, которое выведет человечество вновь на тропу искупления старого греха?

Но в России геополитические катастрофы не проходят без последствий для всего мира. Вместе с крушением СССР человечество неосознанно разрушило даже свои вероятностные знания, сломало даже свои относительные методы исследования (систему, анализ, синтез, эволюцию, диалектику и др.). Даже в летоисчислении произошел разрыв, ибо между 1999 и 2000 гг. нет ни одной общей цифры, кроме абстрактно числовой связи. Эксперты, интеллектуалы, ученые, философы даже не замечают этой гносеологической катастрофы, незаметно подменившей логические диоптрии в уме и в глазах человечества, которое стало видеть ненужное и не замечать необходимое и опасное. И люди творят, не ведая того, что творят они именно катастрофы. Современное образование, науки, искусства, философия, не ведая того, стали источниками незнания (зла), непонимания, неумений, которые насаждаются людям в качестве высших знаний и компетенций. Они не могут давать знания просто потому, что сломано само понятие «знание» и они не ведают того, что есть «знание». Нельзя дать людям то, не зная что, как и нельзя отнять у них то, не зная что. Но в этом «нельзя» произрастает росток спасительного знания о самом знании.

Современный «апокалиптический мир» (Ю.М. Осипов) прямо-таки смел все классические органы познания вместе с формой самого знания. А без знания у человека остаются лишь тупики материи, для выхода из которых нужно восстановить софийный смысл знания, само понятие «знание». А что признает современное общество знанием? Какое именно знание ему нужно? Массы экспертов, аналитиков добывают антизнания, в которых каждый тезис отвергается своим антитезисом, а вместе они отвергаются несостоявшимися и невозможными синтезами.

Поскольку знание, ум суть силы софийные и объективные, то сегодня они сами берут судьбу своего самопознания в свои руки. Но эту задачу они могут решать лишь в составе и посредством страны, которую Провидение избрало и посвятило служению знанию даже неведомо для нее. Эта страна неотделима от знания, являясь его судьбой, как и знания являются ее судьбой. А такова Россия. Умом Россию не понять просто потому, что сам ум понимает, открывает себя для себя

посредством России, которая служит смысловым истоком и целевой причиной ума. Умом Россию не понять, ибо сам ум понимает себя, свою умность через Россию безумную, глупую, дурашливую, абсурдную, парадоксальную, бытийно-небытийную. Умом Россию можно постичь лишь тогда, когда сам ум постигнет себя посредством России. То же самое можно сказать и о знании, которое сможет восстановить свою софийную целостность лишь посредством России, которая, лишившись всей своей материи, сможет восстановить свою жизненную целостность вначале лишь посредством софийной целостности знания. Сегодня одна судьба и у знания, и у мысли, и у России — найти для себя новую, еще не изведенную и еще не испытанную, форму своей софийной целостности. Сегодня знание ищет себя посредством неведомой России, а Россия ищет себя в неведомом знании.

Поэтому сегодня миссия знания как Благой Вести в России, и миссия России как бытийной матрицы знания-самоцели совпадают. И знанию, и России, и человечеству угрожает одна и та же опасность — виртуальность, стирающая сакральную идентичность сущего и сущих, заменяя их некоей призрачной сплошностью. Провидение сохраняет Россию только ради сохранения Россией знания о знании. *Именно под решение этой задачи должны сознательно затачиваться все социально-политические и социокультурные институты России, которая, повторяем еще раз, решает сегодня не столько материальную, сколько вселенскую познавательную задачу, чтобы доказать оправданность и необходимость дальнейшего бытия человека.*

Но эти метафизическое самосознание и понимание еще не дошли до ума, рук, органов, институтов постсоветской и постлиберальной России. Поэтому современная Россия как единый социальный макро-человек застыла в геополитическом и метафизическом раздумье; ее власть не решается сделать решающий выбор, да и не знает, что именно сегодня нужно выбирать, что делать, чтобы страна одолела летаргический сон, демоническое оцепенение, гипнотическую инфернальность, засасывающие соблазны виртуальности, одним словом, преодолела самые утонченные оккультные и финансовые сети, которыми Интернационал черных магов и ростовщиков пленил ее ум и сознание.

А какой может и должна быть эта новая, уже не только постсоветская, но и постлиберальная, постреформенная, а может быть — и постмосковская Россия? Что является тем перводвигателем России, который сможет вернуть ее к самой себе? Где, в чем, в ком сокрылась та Россия-вера, о которой грезили великие русские прозорливцы?

Подобные ситуации абсолютной неопределенности выбора пути и действий, когда неизвестно, куда идти и что делать, хотя точно известно, что бездействие губительно, уже встречалась в России не первый раз.

Возьмем ближайшее время постимперской, постдемократической России 1917—1927 гг. Великий мыслитель и правитель, Ленин, соглашался почти со всеми своими оппонентами в оценке тогдашнего положения России. Да, капитализм в России еще не смолот муки, из которой можно печь пироги социализма, отвечал он Г.В. Плеханову. Согласен он был и с народниками в том, что развитие капитализма в России было невозможно до мировой войны, ибо капитализм-то ее и породил в борьбе за передел мира. Капитализм в России возможен лишь в качестве перманентной войны власти против населения. Развитие капитализма в России невозможно и после революции, ибо разрушены даже докапиталистические формы хозяйства. Итак, социализм невозможен, капитализм невозможен, возврат к монархизму исключен, мировая революция не спешит, стоять на месте опасно, ибо незаметно потеряешь место, и стояние перейдет в лежание. Милуков и К^о видели выход в плане Запада, предлагавшего расчленить Россию на мелкие государства, в которых затем вводить европейскую цивилизованность.

Выход из подобных тупиков находит сочетание величайших бедствий и величайшей гениальности; такое сочетание в религии именуется чудом, посредством которого к людям прорываются посланники вечности, а в грешном мире оно клеймится как величайшее зло и злодейство. Но такое сочетание беды и гения произошло в России начала XX в.; и называется это сочетание-чудо — Ленин. Ведь Ленин был не только социалист и западник; он был еще и радикал-патриот пугачевского типа. Да, он мог в целях сохранения власти жертвовать на время частями русской территории, ее богатствами, признать суверенность Финляндии, Польши, Прибалтики. Но Ленин чувствовал, что Россия как целое есть геополитический абсолют, который не приемлет никаких разделений на части; поэтому его политика территориальных уступок имела свои пределы. Поэтому именно Ленин нашел выход России из тотально замкнутого всестороннего геополитического тупика-лабиринта начала XX в.

Ленин свершил величайший, не замеченный его врагами и друзьями метафизический подвиг, решившись взять заём у вечности⁶. А веч-

⁶ Согласно Аристотелю, есть в человеке *пассивный* и *активный ум*. *Пассивный* ум присущ каждому человеку; обслуживая нужды его организма, его суетные дела, этот ум способен лишь воспринимать мысли, но не порождать их, а по-

ность дает свои займы лишь в формах ведения и откровения. И ведение это гласило: «Мой Аватар! Забудь хотя бы на миг о марксизме, или взгляни на него глазами вечности. И тогда ты увидишь, что твой социализм возможен в любое время и в любом месте независимо от уровня развития производительных сил, если только власть служит народу. Тот же Маркс видел коммунизм в устройстве древнейших общин. Сама власть есть социализм, а социализм есть власть народа и для народа. Да, Маркс прав: производительные силы определяют социально-экономическую, культурную, политическую анатомию, физиологию и эволюцию общества. Прав он и в том, что с XIX в. именно наука становится ведущей производительной силой. Но эти мысли нужно возвести в ранг метафизического императива. Главной и вечной производительной силой является саморазвивающийся софийный, целостный ум, законам которого должны соответствовать мирострой и домострой бытия, системный интеллект наций и народов. Именно ум преобразует все тупики в единый путь Туда... Вот к нему и обратись за советом! И проценты не забудь мне возратить в форме новых знаний-деяний».

Известно, что Ленин распорядился полученным займом вечности весьма и весьма толково, потратив его на молодежь. Ленин неустанно внушал молодежи, привлекал ее, даже принуждал ее к исполнению главного закона этого системного интеллекта: «Учиться! Учиться! Учиться!». Учиться, овладевая естественно-техническими знаниями! Учиться, овладевая социально-гуманитарными, идеологическими знаниями! Учиться, овладевая управленческими знаниями, искусством властвовать!

Ленинская партия занялась прямо-таки фанатическим созиданием нового системного интеллекта, состоящего из органического сплава рабфаков, политехнической школы, вузов, университетов, Академии, образования, науки, НИИ и экспериментальной техники. Именно этот системный интеллект сотворил СССР, советскую цивилизацию, которая, одолев всех врагов СССР-России, сохранила многообразие наро-

тому он дряхлеет вместе с организмом и погибает вместе с ним. Но есть у немногих избранников и *активный ум*, который определяется не нуждами смертного организма, а вечностью. Поэтому если пассивный ум дряхлеет вместе с организмом, то активный ум, наоборот, усиливается и мудреет, возвращаясь после кончины человека в свой космический дом. Именно этот активный ум и предоставляет займы вечности своим избранникам и посланникам, направляя их в горячие — безумием горячие и безумием полные — точки планеты для оказания помощи пассивным умам, попавшим в капканы ростовщиков.

дов России в холодных и горячих войнах. В то же время она и выплатила проценты вечности, совершив прорыв в космос, открыв эпоху космочеловечества.

Идеология системного интеллекта опиралась на лучшие традиции мировой философии, религий, которые сами по себе являются видами целостного интеллекта. Мыслит ведь не просто мозг отдельных индивидов, а мыслят культурно-национальные организмы, своего рода коллективные личности. И лишь работая в этих структурах коллективного ума, усваивая их функции и качества, отдельные индивиды реализуют свои личные способности мыслить и понимать.

Мы бы добавили, что эти духовные организмы сами работают и мыслят лишь в софийной, метафизической среде дерзновенного, повторяем, интеллектуально дерзновенного, а не смиренного религиозного духа⁷. Будучи оторванными от интеллектуальных систем коллективного духа, индивиды застывают в своей неразвернутой природной одаренности, их мысль заменяется инстинктами, обыденным опытом, обычаями. Ведь даже вес, масса — это не свойства индивидов, а системные качества Земли, в зоне притяжения которой их тела реализуют свой вес, теряя его в космосе за пределами земного тяготения. Поэтому есть знания индивидов, а есть коллективная мудрость наций, Церкви, коллективное знание научных сообществ, научных школ, культурных институтов, архитектурных ансамблей, биосферной целостности природы. Да что говорить: есть высшая Премудрость Божья, София, которая тоже соучаствует в создании и в деяниях системных интеллектов людей.

Поэтому не сами войны и революции сокрушили самодержавную Россию — они лишь ускорили ее падение. Русская монархия рухнула бы и сама по себе, о чем косвенно говорит ее поражение в Русско-японской войне 1905 г. А рухнула бы она по причине исчерпанности своего системного интеллекта, который главным образом был создан под нужды аграрного хозяйства; а новый системный интеллект грядущей индустриальной России создавался медленно, отставая даже от требований промышленной безопасности страны. Поэтому если бы даже вовсе не было войн и революций, то растущий новый системный

⁷ Немалую роль в разрушении СССР сыграл атеизм, исключивший православие и Церковь из духовной жизни советского общества. Отсутствие религиозных импульсов ослабляло системный интеллект СССР, лишало его дерзномыслия, обрекало его на прогрессирующую слепоту маразма, что в итоге привело к умному и умелому (!) разрушению самой справедливой цивилизации, адекватной законам биосферы и ноосферы. Ведь в СССР производилось на душу населения знаний больше, чем в какой-либо иной исторической стране.

интеллект индустриальной России все равно бы преобразовал монархию в иную форму общественного строя, в иной тип государственности. Но только Ленин сумел после сокрушительного поражения России в мировой войне, после провалов «военного коммунизма» осознать основную проблему-болячку России — крайнюю слабость ее нового системного интеллекта, который должен устроить страну на началах индустриализма. Осознал — и этим осознанием обеспечил победу системно-промышленного интеллекта сталинского строя⁸.

В эволюции хозяйства можно выделить определенную последовательность доминирующих факторов труда, которые определяли специфику тех или иных системных интеллектов общества. В собирательном хозяйстве доминировала продуктивность природы; системный интеллект таких общин воплощался в организации обучения людей искусству быть людьми, что достигалось посредством экзаменов и посвящений во все социальные роли. Руководили им советы старейшин. В аграрном хозяйстве доминировала продуктивность земли, телесная сила животных и человека; системный интеллект таких обществ воплощался уже в организациях жрецов, волхвов, которые обеспечивали общество необходимым знанием окружающей среды и самого человека, осуществляли отбор, учебу интеллектуальных кадров, обеспечивали их адекватной работой. Высшей и поныне непревзойденной формой системно-целостного интеллекта аграрной истории являются религия и церковь. В индустриальном обществе ядром системного интеллекта становится наука, которая постепенно перестраивает под свои нужды школы, университеты, академии, книгопечатание; наука создает новые формы мысли, действующие вне человеческого тела и головы в качестве техники.

⁸ В этом плане СССР был самым совершенным обществом истории, ибо это было «Общество Знания», которое фактически служило знанию, жило знанием, видело в знании естественное средство одоления пороков и преступлений, ценило его как высший смысл бытия, ориентируя на этот смысл пассионарность молодежи. Поэтому его нужно было не разрушать, а модернизировать путем обновления его системного интеллекта; поэтому его разрушение — самое великое преступление против человечества в истории. И не исключено, что именно в сей миг лучшие умы человечества трудятся — неведомо для себя — над самыми даже фантастически немислимыми изобретениями для Провидения, которое сделает их орудиями своего возмездия за поруганную, обесчещенную святость Знания, кощунственно извращенного разрушением СССР. Но СССР смел именно новый тип системно-технологического интеллекта Запада; и этот интеллект уже реальнейшим образом угрожает и современной России, ибо противостоять системному интеллекту может только другой системный интеллект того же порядка или превосходящий его.

Но в западном мире с середины XX в. формируется новый вид системного интеллекта, который стал использовать в качестве основных средств мышления виртуальность, информационные и телекоммуникационные технологии; человек теперь мыслит ими, в них и посредством них. В метафизическом плане системный интеллект Запада стал использовать в качестве своих средств новые тонкие мыслеподобные виды материи (информацию) и хитрые свойства лукавого в виде виртуальности, ничто, призрачности. Сегодня мы имеем дело с особыми фантастическими и неведомыми прежним временам формами актуальной мысли, формами нового и актуального знания. Мышление движется в человеке и вне человека посредством этих особых предметных внешних органов. Сегодня вне этой системы предметного знания индивиды не могут реализовать свой интеллектуальный потенциал, использовать свои знания, а вскоре и вообще не смогут мыслить и знать, потеряют эти дары, как теряется вес в космосе.

Системно-технологический интеллект нового поколения открывает беспредельные возможности обретения знаний, их использования во благо мира и человека. Становится возможной личность, реально овладевающая всеми духовными богатствами человечества и устремляющаяся в иные миры священного мироздания. Но этот же системный интеллект создает беспредельные опасности для роста незнания, ничто и зла. Виртуальные, информационные, телекоммуникационные технологии могут стать (и становятся) орудиями незнания, которое пытается (удачно!) посредством них обескровить знания, превратить их в виртуальную призрачность, а на худой конец — сделать знания, их субъектов рабами и донорами незнания, призраков ничто. Новый системный интеллект посредством виртуальности может превратить идеальность знаний в призрачность, а субъектов знания — в двухмерных экраномонстров, живущих вне экранов и правящих трехмерными существами. Фантазия не может даже приблизительно представить этот новый, бравый уродливый мир в качестве реальности.

Даже обыденным знаниям, окруженным со всех сторон виртуальностью, грозит гибель в омуты информации. И это поработенное виртуальностью знание молча взывает к Провидению и к России: «Спасите нас! Иначе не спасется и Россия! Ведь мы духи того же Великого Целостного Знания, которым живет национальный организм России!».

Поэтому сегодня Россия вновь оказалась в абсолютной геополитической неопределенности, в чем-то сходной с революционным лихолетием начала XX в. Путь материального процветания Запада для России невозможен, во-первых, по причине ее технологической разрухи и

отсталости, а, во-вторых, системный интеллект современного Запада ведет нас все же не «туда». Возврат в СССР невозможен, ибо нет несущей его опоры — советского системного интеллекта. Идти на Восток тоже нельзя в силу абсолютно неприемлемого понимания Востоком сути человека. Стоять на месте, значит добровольно демонтировать страну, незаметно становясь сидением для других. Остается опять западный проект разделения страны на сумму малых суверенитетов. Но этот вариант не приемлет Провидение и власть, которым нужна Россия как целостная страна.

Поэтому, следуя ленинским заветам, нужно вновь брать заём у вечности, которая советует: «Забудьте на миг о выборах, либерализме, рынке, финансизме, глобализме и кризисе, а обратитесь вновь за советом к его Превосходительству Уму! И он от вас потребует срочно создать новый системно-технологический интеллект, который замкнет в единый духовный организм школу, университеты, образование, науку, СМИ, информационные и телекоммуникационные технологии. Только такой интеллект сможет найти выход из всестороннего тупика материи, и сотворит новый национальный и социокультурный организм России, возвратит людям осмысленную жизнь. Ну, и помнить о возврате процентов в виде сверхзнания об островах вечности в космических даялах».

Задача эта сложная, но нельзя сказать, что она неразрешимая, ибо системный интеллект общества формируется, определяется, развивается не только человеком, но и объективными нуждами биосферы. Суть системного интеллекта состоит в постоянном самовозрастании знания и разумения; и этот интеллект реализует себя в совместном проекте с человеком. Не только человек использует ум в своих целях, но и ум использует людей для выработки своей адекватной системно-целостной формы. Это значит, что создание нового типа системного интеллекта есть объективная необходимость, охватывающая своим законом интеллект и человека, вынуждая интеллект при непонимании его задач человеком самостоятельно решать эти задачи, используя человека не как субъекта, а всего лишь как средство.

Системно-технологический интеллект нового поколения должен быть создан, и он непременно будет создан вопреки противодействию всего мира, в России, которую он столь же непременно преобразит по своему образу и подобию, создав новую национальную форму России-оригинала. И в то же время такой интеллект может быть создан только при условии осознания критической массой социума этого величайшего вызова ноосферы! Поэтому вновь сверхактуальным становится ленинский императив: «Учиться! Учиться! Учиться!». «Учиться вир-

туальным искусствам!» — эта задача, пожалуй, уже близка к выполнению, учитывая масштабы внедрения в России электроники. «Учиться создавать отечественные информационные сети и электронные машинки!» — эта задача осознана, но ее решение находится лишь в начале пути. «Учиться превращать информацию, виртуальность, телекоммуникации в новый тип системного интеллекта, способного создать новую национальную форму России!» — эта задача пока не осознана даже в качестве основной проблемы нового национального устройства России! Стоики давно заметили, что судьба содействует исполнителям ее воли и принуждает тащить свою колесницу тех, кто противится ей.

Национальное нужно не только человеку, но и самому интеллекту в его личных и системных обликах. Ибо любой интеллект может произрастать лишь на почве национальных культур, питаясь волшебными эликсирами национализма столь же, сколь нации питаются волшебными эликсирами интеллектуализма. И в этом плане у России есть и некие преимущества, ибо миссия ума и знания в мире человека и судьба самой России с ее высшим законом «знание-самоцели» отчасти совпадают. Чего желают ум и знания, того же желают сами желания людей России, хотя они и не осознают этот свой перводвигатель. Не только люди России ищут выход из тупиков материальной цивилизации, но и само бытие, его дух и свет тоже ищут и для себя выход из тех же тупиков материи. Не только Россия и ее люди ищут свой путь, но и объективный путь ищет своих людей для своей России! Крайне важно постоянно напоминать людям об этом совпадении целей, судьбы знания с целями и судьбой России, ибо их деятельность и жизнь имеют смысл лишь в перспективе этого сакрального совпадения.

Нужно совсем немного: нужно лишь осознать суть, творческие органы системного интеллекта, и действовать, ибо материалов и средств для создания такого интеллекта новой России достаточно. Да и самоцель, смысловой императив России, состоит именно в служении этому целостному интеллекту. А просто рыться на виртуальных свалках виртуальных интеллектуалов и экспертов всех мастей, искать там проекты новой России или же брать их напрокат у Запада бессмысленно, ибо все усилия подобного рода ведут ищущих на единую inferнальную свалку всех времен и народов.

Дело в том, что современная Россия не может просто копировать системно-технологический интеллект Запада. И не только потому, что Запад никогда не позволит России взять у него даже для подражания источник его силы и мощи. Причина здесь сокрыта поглубже, в онтологической матрице западного мира, для которого знания всегда слу-

жат средством умножения материи, власти, силы, гедонизма, но не ума и знания-самоцели. Но искажение связей целей и средств в матрице Запада оказалось опаснейшим ядом для нового системно-технологического интеллекта. И впервые Запад не то что ошибся, а сам угодил в безвыходную и роковую ловушку, возникшую вследствие использования нового системного интеллекта в качестве средств материи богатства. Дело в том, что системный интеллект, используя в качестве своих средств информацию, виртуальность, сетевые структуры, телекоммуникации, само ничто, чудовищно усилил свои мощь и производительность, сделав Запад бесспорным лидером прогресса и владыкой мира. И здесь произошло нечто невообразимое: Запад и его новейший системный интеллект попали в плен к inferнальным призракам и оборотням, идеологией которых стала философия постмодернизма, проповедующая культ идолов-симулякров.

О чем идет речь? Речь идет о том, что идеальное, которое Запад сделал средством материи богатства, стало в то же время средством порабощения человека материей капитала, превратившего его в товар, в живую вещь особого рода. И системный интеллект индустриального Запада, охвативший стоимостными сетями школы, университеты, академии, науку, технологии, образовательные институты, настроил их на служение капиталу, самовозрастающей стоимости, которая и определяла меру, объем их бытия, функций и развития⁹. Мы не касаемся со-

⁹ Вообще, все трудности и проблемы в понимании стоимости и денег коренятся в ноумене ничто, из которого они произрастают. Посредством стоимости, человека и денег ничто (то, чего нет, отрицание, отсутствие бытия) определяет меру и объем бытия, меру присутствия в нем созидующих сил. В этом плане экономика со своими перманентными кризисами есть чисто inferнальный, апокалипсический феномен, посредством которого падшее человечество выносит себе окончательный приговор. Поэтому нет и не может быть здоровой, нормальной экономики (здоровым и нормальным может быть лишь хозяйство!), ибо экономика есть орудие экспансии ничто, смерти и отрицания в бытие.

Христос открыл закон, согласно которому люди должны быть мудрыми как змии и простыми как голуби; впоследствии Гегель преобразил его в диалектический закон отрицания отрицания. Но в любом случае, применительно к экономике эти законы требуют одного и того же, а именно: экономика должна быть экономной, т. е. она должна следовать своему глубинному закону ничто, измерять посредством сокрытых в деньгах и стоимости ничто само же ничто, проверять его меру и объем его бытия, которого у него вовсе нет; проверить стоимость самой стоимости и денежность самих денег. Все это уже делается в современной экономике, создавшей рынок денег и капиталов, которые объединенными усилиями на всех черных парах устремляются к своему последнему великому ничто, отрицая самих себя посредством своего же роста и возрастания; а высшим плодом и позитивом такого самоотрицания экономики было, есть и останется все то же хозяйство, которому суждено спасти малый пози-

циально-моральной стороны парадигмы, возводящей материальное богатство в ранг высшей ценности, ибо такая парадигма знает лишь один путь — превращение людей в призрачных монстров виртуального мира.

Ситуация качественно изменилась в отрицательную сторону с появлением системного интеллекта нового поколения, использующего в качестве своих органов и средств информацию, виртуальность, телекоммуникации, демонические силы ничто, хаоса и энтропии. И вот эти новые органы нового системного интеллекта Запада постепенно и незаметно стали подчинять себе (вернее, своему хозяину — ничто) индустриальный интеллект, а вместе с ним и естественную жизнь, интеллект, сознание и фантазию человека, материальное богатство и материю вообще.

И теперь онтологической матрицей, метафизической парадигмой Запада стала реальная структура, в которой виртуальность (призрачность) — самоцель, а человек, его ум, даже само материальное богатство — средства неведомых проектов виртуального и призрачного мира. И процесс пошел... Пошел фантастически быстрый рост вторичной реальности, копий и копий копий, копий в «энной» степени, названных Ж. Бодрийяром симулякрами. Оригиналы вещей, людей, идей, теней, призраков отступают на задний план, теряются в inferнальном мраке периферии бытия; исчезает сам гносеологический принцип, требующий различать оригинал и копию, заменяясь inferнальными антиподами и уродами оригиналов. Началась быстрая inferнализация всей жизни, отражением чего стала философия постмодернизма, провокационно утверждающая, что именно копии, тени, экранные образы, призраки, симулякры, знаки заменяют мир-оригинал, становятся высшей реальностью, гиперреальностью.

Все люди должны в России осознать, что не только в видимом земном мире идут конкуренция и смертельная война антилюдей ничто за бытие и ресурсы России. И в невидимом метафизическом мире идет битва умов всех стран за престол наивысшего ума, за Ум всех умов, ибо Запад надеется, что именно этот целостный ум поставит точку в войне материального богатства с духом России, увековечит материальное рабство людей России через порабощение их ума и сознания волей чуждого им системного интеллекта. И в этой inferнальной

тив, сокрытый в экономике ничто. Экономика не может быть экономной, стоимость не имеет стоимости, деньги не имеют цены, как ничто не имеет в самом себе, в ничто, бытия. Экономика ничто может выжить, только став зависимым средством хозяйства.

войне применяются сверхъестественные средства, которые позволяют незаметно содрать с людей их интеллект, их сознание, их фантазию, заменив эти идеальные жизнетворные органы человека искусственными, виртуальными, призрачными органами, даже более многофункциональными и более оперативными, чем человеческие мысли. Системный интеллект нового поколения незаметно превратил сам Запад со всеми его материальными богатствами в орган агрессии inferнального мира, стремящегося превратить весь мир в своего метафизического и онтологического донора.

Вот почему России нужно быть крайне бдительной в заимствованиях электронных и виртуальных ценностей системного интеллекта современного Запада. Или системный интеллект современного Запада заменит ум и сознания людей России бессмысленными механическими и призрачными органами, посредством которых превратит их в смысловых доноров inferнального мира. Или же Россия создаст свой тип нового системного интеллекта, который сделает виртуальность, информацию, телекоммуникации новыми средствами ума, сознания и фантазии именно человека, усилив ими свою мощь в познании сакральной истины, справедливости, софийных смыслов жизни, отведя от нее угрозу факиров, паразитов и мошенников inferнальных и призрачных миров, приблизив к ней исцеляющее благознание вечности.

Правда, Запад еще не завершил свои перестроение и приспособление к новому виду системно-технологического интеллекта. И для решения этой уже практической задачи он выдвинул даже в качестве глобального проекта-идеала созидание «Европы Знания». Видимо Европа осознала, что прогресс знания-средств уже исчерпал не только свои творческие силы, но и разрушительный потенциал своих кризисов. Видимо, Европа осознала и неразрешимость противоречий между капиталом и своей цивилизацией, и начала осторожный демонтаж капитала-материи, переходя к цивилизации знания. Но все же это идеал Европы не как знания-самоцели, а прагматический проект Европы знания как средства мирового господства и власти.

Есть в этом проекте «Европы знания» крайне важные геополитические и национальные измерения. Проект «Европа знания» предполагает не просто интеграцию национальных системных интеллектов, а этот проект нацелен на создание единого европейского системного интеллекта, который фактически упразднит системные интеллекты отдельных европейских наций; они вынуждены будут под угрозой выживания отказаться от своих национальных идентичностей, ибо мыслить, обладать интеллектом и существовать они смогут, лишь будучи зависимыми органами единого европейского системного интеллекта.

И первые шаги в этом направлении сделал уже болонский проект единого образовательного пространства для всей Европы (и даже для России) с едиными учебными программами, едиными количественными и качественными критериями знания и образования. Последними шагами в этом направлении должно стать формирование европейского системного интеллекта, который сможет обеспечить тотальный контроль над евронаселением и тотальное господство над всем миром. В этом плане идея «Европы знания» близка к проекту инквизиции, которой для реализации своих глобальных интеллектуальных и властных планов не хватало лишь электронных технологий¹⁰.

¹⁰ Видимо, США недооценили интеллектуальную инициативу Европы и упустили из виду необходимость создания панамериканского системного интеллекта, функцию которого в США длительное время выполняла «американская мечта», институционально реализуемая Голливудом (очень точно этот мировой киноцентр назвали «фабрикой грез»). Мечта о мировой власти хорошее дело, но она не может заменить системный интеллект, «Америку знания», без чего такая власть не состоится. А тут «Европа знания» ловко и умело подхватила эстафету претендентов на мировую власть! Видимо, этой геополитической конкуренцией и объясняется финансовый кризис в США, которые решили таким методом прервать инерцию гедонизма и потребительства в стране, чтобы иметь возможность переориентировать ее на создание панамериканского системного интеллекта, который только и сможет в какой-то мере оправдать стремление США к мировому господству.

Вообще, тема современного кризиса с экономической и финансовой точек зрения кажется искусственной и надуманной, ибо все экономика и все финансы мира находятся под жестким контролем их владык, которые допускают кризис лишь сознательно, преследуя свои цели. Да и не кризисы это, а езда по бездорожью. Настоящий кризис выступает как необратимый крах, как катастрофа, не допускающая никакого восстановления. Скорее, кризис выступает в качестве дымовой завесы, скрывающей более серьезные вещи другого порядка, связанного с тайной работой по созданию новых системных интеллектов.

Дж. Свифт предложил правителям циничный совет. Как известно, всем властителям доставляют головную боль всякие «умники», подвергающие тотальной критике любую власть. Позволять им свободно вести свою критику нельзя, ибо начнется цепная реакция, которая приведет к революции. Но и сажать их в темницы тоже невыгодно, ибо откуда тогда власть будет черпать умные мысли и решения. В те времена (XVII в.) китобойный промысел был весьма опасным делом, ибо раненные животные разбивали парусники в щепы. В целях самообороны китобой брали на борт большие пустые бочки, которые они в случае опасности бросали раненым китам. Гиганты гоняли эти бочки, а моряки успевали послать в них еще пару гарпунов. Свифт предлагает государям специально вбрасывать в общество искусственные темы, которые всякого рода умники будут гонять как бочки, а государи будут наблюдать за ними, выбирая для себя нужные мысли. Ну, а если умники зарвутся, тогда можно и среди них делать санитарные отстрелы. Вот тема кризиса очень напоминает

Поэтому Россия не может просто взять современный идеал Европы, провозгласив некую неопределенную «Россию Знания», ибо этому противится ее живой дух, действующий по императиву знания-самоцели. И кажется, что никакой самостоятельный путь для России невозможен, а ждет ее лишь растянутая во времени агония. Но это всего лишь кажимость!

Нет, есть в России учение, идеология, — философия хозяйства, которая не участвовала в революциях, в строительстве социализма, в реставрации капитализма в России, которая вообще ни с кем не вела борьбы и не ведает никаких диалектических противоречий и антагонизмов, ибо не видит в них никакого смысла, а лишь одно бессмысленное разрушение и расточение сил. Поэтому и познавательные свои инструменты она сохранила в целостности и в сохранности, приумножив их новациями противоборствующих идеологий.

Наглое торжество бессознательного незнания в обликах виртуальности порождает массовое невежество, массовые неумения среди людей, массовые антиспособности в делах и в профессиях, массовый антигуманизм в социальных отношениях. И этот неуклонный рост абсолютного непонимания человеком мира, общества, самого себя, своего духа, техногенные и ноосферные катастрофы не могли не вызвать вновь к жизни философию хозяйства, которая в качестве интеллектуального монастыря сумела сохранить в себе образцы всех сломанных познавательных, интеллектуальных, аксиологических, социально-

бочку Свифта, запущенную для экспертов и аналитиков экономической и политической мудрости.

Вообще-то, этимологически кризис означает как бы объективную самокритику, самосуд действительности над собой. Р. Генон проводит смысловую аналогию кризиса с религиозной эсхатологией «Страшного Суда», «Судного Дня», когда произойдет полное разделение «зерен» и «плевел», «избранных» и «проклятых» на две части, которым суждено отныне оставаться таковыми и впредь [4, 13]. Но кризис — это перманентное состояние мира и человека, обусловленное катастрофой или грехом человека. В этом плане кризис есть сам человек, который совершает преступления, разыскивает их причины, сам судит себя и сам выносит себе приговор. Поэтому кризис ничего не объясняет в экономике, ибо она сплошь состоит из предкризисов; ничего он не объясняет вообще, ибо он сам не объясним с точки зрения науки и философии. Кризис постижим лишь с позиций метафизики, которая видит в нем войну духа и материи, живого и мертвого труда, стремление духа посредством системного интеллекта восстановить свои права, поправленные богатством. Поэтому именно метафизический дух жизни рушит все материальные конструкции цивилизации и прогресса, все симулякры ума и мысли в обликах идеологий. А объяснение общественных катаклизмов кризисом похоже на поиски той карты, из-за которой рухнул карточный домик. Причиной ведь может быть любая карта.

политических инструментов. Через философию хозяйства идет мощнейший смысловой импульс грядущего Евангелия Второго Пришествия. А ее софийный императив гласит: «Делай все сам, опираясь на целостный ум России, учась у него, а не в inferнальных и неоязыческих университетах!». Ибо только в контексте знания-самоцели может сегодня возродиться и возникнуть системно-технологический интеллект как живая творящая душа нового национального организма России. Ибо интеллектуальное творчество, изобретательство невозможно является естественной стихией России.

Именно философия хозяйства явилась единственным положительным плодом борьбы капитализма и социализма, Запада и России. Само Провидение сохранило ее, дабы в ней сохранились, дабы она хранила эталоны знания, фантазии, интеллекта в качестве софийных ценностей до тех времен, когда апокалиптически обанкротятся все идеологии, теории, учения, в которых даже истинные знания служат средствами материи, выполняя рабские и лакейские функции на службе у богатства и призраков. Философия хозяйства — это своеобразная метафизическая лампада мира, хранящая в самом мрачном мраке сакральный Первосвет, который, став знанием-Россией, вынуждает ее теперь быть «Россией Знания-самоцели». Поэтому миссия знания в современной России состоит в сохранении самой России как уникального целостного интеллекта. Всей своей жертвенной, катастрофической историей Россия бескорыстно служила знанию-самоцели. Сегодня взаимность такого служения стала императивом бытия России и самого знания.

Во-первых, знание как самоцель России сохраняет и защищает фантазию как первотворящую силу, возвращающую образы и смысловой материал для интеллекта и знания. А защищать фантазию нужно как от игровой и ассоциативной распушенности, царящих в СМИ и в Интернете, так и от механицизма, комбинаторики, гаррипоттеровских магических внушений. В этом плане философия хозяйства и ее альманах представляют собой Вселенский Собор Фантазии, который хранит, обновляет ее духовные нормы, ее вдохновения и ангелические озарения софийным Первосветом.

Во-вторых, знание как самоцель России охраняет само знание от его растворения в информации, от его подмены незнанием в формах виртуальности. Эти угрозы сегодня вполне становятся уже реальностью нереального. Знания и информация отчасти совпадают по внешним признакам незримости, как суммы сведений, сообщений, как базы данных, но качественно отличаются по смыслу, по целям и по функциям. Всякое знание суть информация, но не всякая информация суть

знание. Знания всегда идеальны, а информация суть наитончайшая материя, хотя и невидимая, но все же материя.

Далее, знанием является лишь те идеальные феномены информации, которые служат ключами, кодами, шифрами, посредством которых информация преобразуется в организующие смыслы, в идеальные формы понимания. Так, зная устройства запорных механизмов, их числовые панели, мы не сможем попасть в дом, если не знаем кода, ключа, посредством которого открывается это запорное устройство. Если ранее знание и информация почти совпадали, то сегодня они резко и все более расходятся. Людей пичкают всевозможной информацией, уверяя, что это и есть знания, а на деле происходит обеззнанивание людей посредством информации. Люди знают много и о многом, но вот имеются ли у них ключи и коды к той информации, коей они якобы владеют? Все чаще информация владеет ими, а не они информацией. Знания же всегда предполагают высокую субъектность человека, осознание и понимание им смыслов усвоенной информации посредством кодов, паролей, ключей и шифров, которые, как правило, тщательно от них скрываются, причем, скрывают иногда так тщательно, что сами скрывающие забывают свои пароли и ключи, становясь разновидностью информации, но уже лишенной всяких ключей и шифров, т. е. носителями пустоты и ничто.

Соответственно, знания нужно уметь отличать от виртуальных форм, образов, знаков и символов. И хотя в идеальном плане знания почти совпадают с виртуальностью, все дело здесь в этом «почти». Виртуальность, как и информация, есть искусственное, призрачное бытие, искусственное знание-копия, лишенное субъектности и смысловой значимости, которые заменяются бесконечной игровой комбинаторикой, скрывающей в себе inferнальные силы. Знание же всегда предполагают в качестве своего носителя личность, которая может и умеет различать объект, субъект и само знание как идеальный образ ситуации. В информации и в виртуальности нет ни объектов, ни субъектов. А что есть? Бог его знает? А может и не Бог, а тот самый... знает?

Итак, на пути поисков общей судьбы знания и России встали информация и виртуальная материя, которые узурпировали священные права знания и... России, пытаясь подменить их своими призрачными симулякрами. Однако наступает час прозрения, а за ним грядет во искупление интеллектуальной залп «Авроры», когда софийность знания восстанет против материального и виртуального рабства. Когда само знание восстанет на защиту своих ценностей против узурпации его прав материей, тогда, и только тогда воспрянет род людской! Так и

христианство было не только религией Спасения, но и революцией Логоса, восставшего против забвения его закона античным миром. И сегодня христианство чреватое Новой Революцией Второго Пришествия, которая восстанет против забывших заветы Логоса-Спасителя, Софии.

В-третьих, знание как самоцель должно защищать в нынешней России сам интеллект от его искусственных, иррациональных, псевдоинтеллектуальных подделок и симуляций. Мыслит ведь всегда не просто мозг отдельных индивидов, а мыслит социокультурный организм как особый системный интеллект. Субъектом, вернее, метасубъектом такого системного интеллекта является нация, народ, а его метамозгом служат культура, образование, школа, университеты, СМИ, наука, искусства, промышленность. Мыслит именно этот метасубъект, этот метаорганизм, а отдельные индивиды мыслят в меру причастности к его работе. Именно в сфере и в свете этого системного интеллекта нации пробуждаются, горят и сверкают созвездия личных интеллектов. Косметические инновации системный интеллект России не заменят, не сохранят, а проедят. Именно в системном интеллекте и посредством него сказывается воля Провидения, сакрально-священный и софийный статус мысли и знания.

Поэтому возвращение системного интеллекта как конструктора организма нации и его перводвигателя, требует абсолютной суверенности власти, автономной политики власти в сфере образования, школы, вузов, науки, промышленности, культуры.

Не созная трансцендентной, метафизической сути интеллекта и знания, их священных и божественных смыслов, обращаясь с ними как с подручными средствами и покорными слугами, человек искажает основные пропорции мироздания, его незримые гармонии, превращая мир в антимир, материю — в антиматерию, хозяйство — в антихозяйство, прогрессируя в inferнальные объятия черных дыр.

Новый целостный интеллект России должен оплатить свой долг прорывом в спасительную тайну вечности и прорывом в губительную inferнальность смерти и ничто. Этот интеллект должен открыть абсолютное Нечто, всем необходимое, всех вдохновляющее, всех озаряющее и всех спасающее своим смыслом, но всем неведомое... Но этот интеллект должен найти и Нечто самое опасное, что незримо отнимает у человека интеллект, фантазию и сознание, заменяя их искусственными, виртуальными, информационными органами, которые могут делать многое, почти все то, что делает человек, кроме... кроме... познания. А ведь только познанием оправдано бытие человека перед природой, перед Богом, да и перед самим собой. Поэтому грядущий

целостный интеллект России должен спасти ум, сознание и фантазию человека — а значит и самого человека от нашествия их виртуальных двойников.

Литература

1. Гегель. Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1959.
2. Уиллер Дж. Квант и Вселенная // Астрофизика, кванты и теория относительности. М., 1982.
3. Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971.
4. Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991.

К.Н. ЛЕБЕДЕВ

Перестроение экономического образования как необходимый элемент перестроения российского общества

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся экономического образования как органической части всего процесса общественного перестроения в России. Выделены основные направления экономического образования: индукция и дедукция, системный метод, бухгалтерский учет.

Ключевые слова: общество, перестроение, экономическое образовании.

Abstract. In the article the questions about economic education as organic part of all the process of social reconstruction in Russia are being considered. The basic directions of economic education are marked out: induction and deduction, systematic method, accounting.

Keywords: society, reconstruction, economic education.

В российском обществе в позитивном перестроении нуждается, прежде всего, экономическое образование, представляющее собой один из наиболее костных элементов социальной системы. Учитывая степень влияния экономических идей на мышление экономистов-практиков, можно с уверенностью утверждать, что экономикой на всех ее уровнях управляют так, как ее преподают в учебных заведениях. Представляется, что степень перестроения экономического образования будет отражать действительный, а не декларируемый характер перемен в российском обществе.

Определенный консерватизм экономического образования по сравнению с самой экономической наукой, безусловно, является полезным, потому что в учебники должны попадать только выверенные на практике положения науки. Однако соотношение между содержанием экономического образования и передовой экономической наукой в данном отношении у нас резко нарушено.

О степени этого несоответствия можно судить хотя бы по типичной характеристике метода экономического исследования в учебниках и учебных пособиях по экономической теории — фундаментальной экономической дисциплине. Характеристика метода экономического исследования на уровне общенаучных методов является характеристикой метода средневековой науки! Посмотрим на эту характеристику подробнее. Метод наблюдения трактуется как собирание фактов, т. е. как непосредственное наблюдение учеными за изучаемыми процессами. Эксперимент трактуется как то же наблюдение, но осуществляемое в условиях искусственного вызывания изучаемых процессов. При этом данные методы исчерпывают содержание вспомогательной части метода исследования по отношению к методам вывода зависимостей. Такой метод вывода зависимостей, как индукция, трактуется в современной учебной литературе по экономической теории как обобщение из множества повторяющихся случаев. Дедукция характеризуется как применение подобного обобщения к неизученным случаям.

Видно, что наблюдение и эксперимент представляют собой модели деятельности обособленных исследователей, подобных средневековым алхимикам. Современные исследователи в области экономики (как ученые, так и практики) в своей работе не могут опираться и не опираются на факты, добытые лишь собственными усилиями. Факты и даже факторы (отклонения фактов от стандартов и норм), лежащие в основе экономических выводов, по большей части поступают к ним в готовом виде от других лиц. При этом материалами для экономических выводов служат не только факты и факторы, но и закономерности, получаемые на стороне.

Вспомогательная часть метода исследования в его типичной характеристике исчерпывается методами наблюдения и эксперимента. Однако в действительности она не ограничивается этими методами. Вспомогательная по отношению к методам вывода зависимостей часть метода исследования включает также первичную обработку информации (обобщение, суммирование, вычисление показателей и др.), представление информации по специальной форме (в виде кривых, таблиц, сетей и т. д.), ее хранение. Эти методы, получившие разработку в но-

вейшее время, не получают отражения в типичной характеристике метода экономического исследования.

Более того, сама пара «наблюдение — эксперимент» в типичной характеристике метода исследования является отражением совершившегося несколько столетий назад перехода от созерцательной науки к науке экспериментальной. В настоящее время этот «пафос» должен быть отброшен. Трактовка эксперимента в ее нынешнем виде приводит к «двойному счету». Из состава эксперимента должно быть изъято наблюдение. Сам эксперимент должен характеризоваться только как метод искусственного вызывания изучаемых процессов.

Трактовка индукции и дедукции в современной учебной литературе по экономической теории должна вызывать удивление — эти методы трактуются в формально-логическом духе (см. выше). Очевидно, что Дж.С. Милль, прочитав то, что пишут об этих методах современные авторы, затаил бы на них глубокую обиду — все, что он написал об индукции и дедукции в своей знаменитой «Системе логики силлогистической и индуктивной», прошло для них незамеченным. Великий английский логик и экономист, выделив пять методов индукции, т. е. методов вывода зависимостей непосредственно из фактов, которыми пользуются ученые (с позиции современности — которыми пользовались ученые до момента создания книги, вышедшей в 1843 г.), показал, что методы, основанные на обобщении множества частных случаев, не являются строгими методами вывода зависимостей, указал, что единственным научным методом из этого ряда (методы сходства и различия, соединенный метод сходства и различия, методы остатков и сопутствующих изменений) является метод различия, состоящий в фиксации всех существенных условий и факторов изучаемого явления, не требующий никаких повторений. Научная индукция — обобщение из единственного случая, достоверность которого обеспечивается такой фиксацией. Таким образом, в современной учебной литературе по экономической теории метод индукции трактуется как наивный метод зарождающейся науки, тянущий за собой «проблему индукции».

Дж.С. Милль показал, что научная дедукция состоит в мысленном выводе законов изучаемых явлений на основе законов их элементов. В современной учебной литературе по экономической теории дедукция фактически трактуется как метод средневековой схоластики, стремившейся сделать конкретные выводы и установить правила поведения людей на основе догматов церкви.

В условиях подобной трактовки метода экономического исследования в фундаментальной экономической дисциплине, которую можно назвать антинаучной, во многих экономических науках в качестве ос-

новы экономической методологии преподается системный подход, созданный Л. Берталанти и его сторонниками в середине XX в. Сразу заметим, что системный подход не имеет отношения к принципу системности в исследовании и к системному анализу, представляющему собой методологию решения сложных проблем управления, хотя последние и подверглись его сильному влиянию. Собственно говоря, в значительной мере благодаря присутствию слова «система» в названиях этих двух методологических учений системный подход и утвердился в экономическом исследовании.

Системный подход представляет собой набор организмических и механистических аналогий, которые применяются к объектам исследования путем их отнесения к системе и системам различного типа (открытой, сложной, динамической, самоорганизующейся, целенаправленной и др.), обладающих определенными признаками. Это такие признаки (свойства), как взаимодействие между элементами, наличие определенного набора элементов, наличие определенной структуры, способность быть элементами все более и более крупной системы, дифференциация, интеграция, эквивиальность, телеология, саморегулирование на основе обратной связи, гомеостаз, наличие специализированного блока управления и др.

Проблема организмических и механистических аналогий при их применении для изучения объектов более высокого уровня, к которым относятся, в частности, объекты экономического исследования, состоит в том, что они охватывают лишь часть сторон этих объектов и лишь некоторые формы их проявления. В связи с этим эти аналогии годятся (и, кстати, с успехом могут быть использованы) для изучения объектов более высокого уровня, чем организмы и машины, лишь на ранних стадиях их исследования или на ранних стадиях их развития.

Системный подход как направление методологии давно изжил себя как метод исследования большинства экономических объектов (например, как метод исследования народного хозяйства — еще в конце XIX в., как метод изучения фирмы и деятельности по управлению фирмой — в середине 1960-х гг.) и сейчас только сдерживает их исследование. Об этом можно судить, прежде всего, по содержанию учебников и учебных пособий по менеджменту (теории управления фирмами), в которых системный подход играет роль фильтра, не допускающего в учебную литературу все то, что не соответствует его схемам. Возьмем, например, тему «Контроль». Теория контроля в учебниках и учебных пособиях по менеджменту излагается в духе таких признаков систем, как саморегулирование на основе обратной связи, саморегулирование по принципу гомеостаза, наличие специализи-

рованного блока управления и др. В связи с этим «контроль» представляет собой контроль процессов фирмы, заключительный и промежуточный контроль, контроль готовой продукции и контроль ее качества, контроль начальников за подчиненными и контроль текущей производственной деятельности. Теория контроля, сформированная на основе системного подхода, не содержит таких элементов эффективного контроля, характерных для деятельности современных фирм, как контроль процессов объектов внешней среды, текущий контроль (по сути, а не по названию), самоконтроль исполнителей, контроль сторонних процессов фирмы (когда звенья управления элементов фирмы контролируют работу других элементов фирмы), предотвращение воздействий внешней среды на деятельность фирмы, активные воздействия на объекты внешней среды в контроле, контроль процессов управления, в том числе контроль деятельности по самому контролю, контроль НИОКР, контроль всех типов ресурсов, используемых фирмой и объектами ее внешней среды и др. Совершенно ясно, что фирма, деятельность по контролю в которой организована в соответствии с положениями учебников и учебных пособий по менеджменту, написанных в духе системного подхода, в реальной обстановке долго не протянет.

Великий австрийский экономист-теоретик К. Менгер в работе «Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (1883) указывал на такую негативную сторону влияния организмических аналогий на социальное исследование, как прекращение исследования. К примеру, если исходить из того, что разделение на классы имеет органическую природу, т. е. присуще обществу с самого его зарождения, то отменяется исследование процесса формирования классов. В связи с этим существует опасность использования организмических аналогий для прикрытия или оправдания неэффективной практики как в практической деятельности, так и в науке. В настоящее время на роль такого прикрытия выдвинулся системный подход. Так, неспособность или нежелание вести исследование процессов функционирования социальных и экономических объектов можно легко оправдать, применив к ним такое свойство систем, как неопределенность развития. Раз развитие таких объектов характеризуется свойством неопределенности, то и нечего спрашивать с ученых или практиков за неверные прогнозы социально-экономического развития или за отсутствие прогнозов. Очевидно, что утрата способности московскими специалистами по погоде с необходимой точностью осуществлять ее предсказание также с успехом может быть оправдана

с помощью системного подхода — путем отнесения погодных явлений к системам, характеризующимся непредсказуемостью развития.

Одна из ключевых экономических наук — бухгалтерский учет — преподается таким образом, чтобы ее было максимально сложно освоить. Изучение науки сводится к зазубриванию, а не к пониманию сути бухгалтерских процедур. Как результат — низкое качество бухгалтерского образования. Основная причина тому — построение учебного курса на основе балансовой теории бухучета, выводящей метод бухгалтерского учета не из двойной записи, а из баланса, и ставящей, таким образом, теорию данного вида управленческой деятельности с ног на голову. При этом в среде ученых из области бухгалтерского учета вроде бы существует понимание неадекватности балансовой теории. Однако реально ничего не меняется. Доходящие до тысячи страниц учебники и учебные пособия с названием «Теория бухгалтерского учета» в действительности представляют собой изложение нормативных актов, регулирующих деятельность по бухучету в стране, а ни в коей мере не теорию бухгалтерской деятельности. То же, что в них претендует на название теоретической части, представляет собой по сути сбор заклинаний — в ней отсутствует определяющий элемент теории — ответы на вопрос «почему».

Сказанное выше отражает лишь некоторые аспекты неадекватности экономического образования.

Быстрое перестроение учебных курсов по экономическим наукам в духе времени невозможно без направляющей деятельности создающего центра. Только руководствующийся принципом непредвзятого анализа центр может разобраться в том, что в различных областях экономического образования является старым, отжившим свой век, а что является полезным и передовым. Как совершенно правильно отметил Президент страны Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию, благополучие России в относительно недалеком будущем будет напрямую зависеть от способности государства находить и поощрять талантливых и критически мыслящих людей. Очевидно, на таких людей государство должно делать ставку и при определении содержания экономического образования.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Ритмы и тенденции мирового и российского перестроения

Аннотация. В статье описываются актуальное состояние, периоды и масштабы мирового и российского перестроения.

Ключевые слова: прогноз, социальное и экономическое развитие, мир, Россия.

Abstract. The article describe actual state, time interval and length scale, world and Russian reconstruction.

Keywords: social and economical forecast, world, Russia.

Перестроение и мировой экономики, и российской последние год-полтора идет весьма быстрыми темпами. Но в какую сторону, и какими шагами?

Понять это трудно в силу большого размаха перестроения. Нынешний глобальный экономический кризис, например, многие сравнивают с Великой депрессией, которая случилась 80 лет назад. А в поисках аналогий современному положению в российской экономике и политике тоже время от времени обращаются то к революционной ситуации начала XX в., то экономическим новациям А.Н. Косыгина 1960-х гг.

Дело, однако, заключается в том, что непрерывное наблюдение таких длинных процессов никто из ныне живущих ученых, за редчайшими исключениями, не выполнял. А документы, оставленные в разное время разными авторами, порой трудно сопоставить между собой в силу различной методологии их подготовки.

Поэтому положение современного экономиста, пытающегося определить направления долговременных перестроений новой России по статистическим материалам, ведущим свой отчет то ли с 1991 г., то ли с 1999-го, напоминает в определенной степени задачу антрополога по восстановлению облика человека по сохранившейся части челюсти.

Ритмы развития

Восстановлением облика целого по фрагментам на общетеоретическом уровне занимается ряд естественных наук с использованием, как правило, тех или иных математических и физических методов и приемов. Главным здесь является создание полномасштабной теории или гипотезы рассматриваемого феномена или явления. Если же есть теория явления, связующая части и целое, то целое можно восстановить по фрагментам.

Обратим в этой связи внимание на идеи математика Колмогорова, сформулированные им в середине XX в., с одной стороны, о подобном,

а с другой — о турбулентном характере вариаций во времени потоков жидкости и газа в природе и потоков информации в экономических системах разного масштаба. На математическом языке гипотеза Колмогорова говорит, что вне зависимости от индивидуальных свойств частиц подвижной среды, которую можно рассматривать единой и непрерывной, масштабы флуктуаций во времени и в пространстве связаны нелинейным соотношением

$$\tau \sim L^{2/3},$$

где τ — период колебаний совокупности частиц среды с общим линейным размером L , L — линейный размер среды (корень квадратный из площади хозяйственной системы), испытывающей колебания с периодом τ .

Эта гипотеза, в сочетании представлениями Броделя о существовании пространственного феномена «мира-экономики» и идеями социальной турбулентности [1], открывает путь к прямому расчетному определению периодов колебаний состояния наиболее крупных хозяйственных систем (τ), пространственные размеры экономической деятельности которых известны (L).

Опираясь на эту гипотезу, мы можем, в частности, рассчитать период самого низкочастотного процесса хозяйственной деятельности на Земле — глобальных волн социального развития. Для этого необходимо знать территорию мирового или, говоря современным языком, глобального хозяйства. Если принять за размер этой территории сухопутную поверхность Земли (140 млн км²), то, отталкиваясь от известного длинного цикла Кондратьева экономических колебаний хозяйства США площадью 9 млн км², продолжительностью приблизительно 55 лет, по формуле Колмогорова мы получим:

$$\tau \sim 55 (140/9)^{1/3} \sim 140 \text{ (лет)}.$$

Этот результат имеет ряд фактических подтверждений.

Во-первых, о существовании близкого к этому 144-летнего исторического цикла говорят результаты исследований ряда авторов. В частности, Кваши, Патина, Азроянца и др. [2]. Во-вторых, 140-летний цикл характеризует период становления и бурного развития в мире капитализма, начиная с Великой французской буржуазной революции 1789 г. и заканчивая Великой депрессией 1929 г. В-третьих, об этом свидетельствует существование как кратных четырем глобальным циклам сверхдлинных приблизительно 560-летних волн возникновения религиозных мировоззрений [3], так и высокочастотных, получаемых делением цикла на 4 и 8, приблизительно 35- и 17-летних волн новых технологических укладов [2].

Так, например, нынешний мировой экономический кризис, связанный с почти 4-кратным падением цен на нефть в конце 2008 г., отделяет ровно 35 лет, или 1/4 часть 140-летнего глобального цикла от первого в истории мирового энергетического кризиса 1973 г., связанно с таким же резким, но 7-кратным ростом цен на этот энергоноситель.

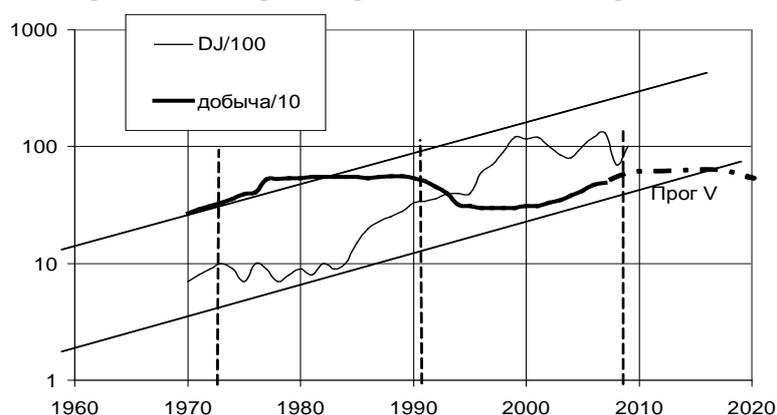

Рис. 1. Изменение объемов нефтедобычи в России и индекса Доу—Джонса в последние десятилетия

35-летние и более высокочастотные 17—18-летние гармоника глобальной волны видны и в статистических данных российской экономической истории последних десятилетий. Так, первый в современную эпоху приблизительно 17-летний цикл погружения в кризис и восстановления экономики в целом страна пережила в 1991—2007 гг. Статистические данные свидетельствуют, кроме того, что с 1973 по 2008 г. Россия пережила одну длинную демографическую волну, которая началась со слабого подъема 1970-х гг., продолжилась острым спадом 1988 — 2004 гг. и плавно подошла сегодня к началу нового, приблизительно 30-летнего «демографического года», как его называют специалисты. Практически одновременно с демографической волной в период 1970-х — 2008 гг. наша страна пережила одну большую волну подъема, спада и нового подъема нефтедобычи до своих предельных уровней и две более короткие, приблизительно 17 — 18-летние, волны производства зерна, последний исторический максимум которой пришелся на 2008 г., а предыдущий — на 1990 г.

Данные российской статистики показывают, кроме того, что в России 2008 г., как и 1990-й, а еще ранее 1973-й, оказался своеобразным Рубиконом, точкой смены тенденций хозяйственного развития, когда

такие важнейшие его индикаторы, как производство зерна, нефтедобыча и прирост населения, достигали экстремальных значений.

Рисунок 1 наглядно свидетельствует, помимо всего прочего, о единых ритмах и критических точках мирового и российского перестроения в последние десятилетия. Так, бурный рост мировой экономики наблюдался приблизительно 17 лет — с 1983 г. по 1999 г., а период от начала резкого спада нефтедобычи в 1990 г. до ее восстановления в целом к 2008 г. тоже занял около 17 лет. При этом в период с 1994 по 2004 г. переход от стагнации нефтяной индустрии и всей российской промышленности в целом к ее росту сопровождался практически синхронными, но противофазными изменениями на мировом рынке: резким ростом деловой активности во второй половине 1990-х гг. и ее стагнацией или падением в дальнейшем — вплоть до настоящего времени.

Одинаковыми были и критические точки мировой и российской экономической истории последних десятилетий. Это 1991 и 2008 гг.

Таблица 2

Сопоставление расчетных циклов с фактическими данными

Страна	Размер, млн км ²	Расчетный цикл, лет	Оценки длины цикла	Источник
Мировое хозяйство	140	140	144	Кваша, Пантин
Россия	22—17	74—80	80	Б.Н. Кузык и др.
Китай	9,6	60	60	Китайский календарь
США	9,1	60	55-60	Н. Кондратьев, В.П. Гутник
Индия	3,3	40	40	В.Н. Илюмжинов
Япония	0,378	20	20	Автор

Представления социальной турбулентности позволяют выполнить оценки продолжительности циклов не только глобальной экономики в целом, но и отдельных хозяйствующих субъектов, пространственные размеры которых известны. Сопоставление расчетных циклов с некоторыми фактическими данными показывает, как это видно в табл. 2, что подобные оценки не лишены оснований.

Конечно, в чистом виде зафиксировать длинные волны различных экономических систем довольно трудно, поскольку в едином мировом

хозяйстве наблюдается явление суперпозиции волн. И тем не менее собственные ритмы экономических систем тем или иным образом дают о себе знать. Например, японская практика регулярного технологического перевооружения хозяйства через каждые 10 лет как нельзя лучше сочетается с их собственной 20-летней цикличностью, а советские пятилетки являются не чем иным, как 1/16 частью длинной, 80-летней, волны.

Тенденции развития

Знание помимо ритмов еще и закономерностей изменения социальной энергии во времени, которое дает расширенная автором трактовка гипотезы турбулентности Колмогорова [1], позволяет рассчитать динамику развития социальных систем. Таких, например, как Россия и глобальный мир в целом. Ниже показаны результаты расчетов, полученные в нулевом приближении — в предположении о независимом характере поведения рассматриваемых систем (рис. 2).

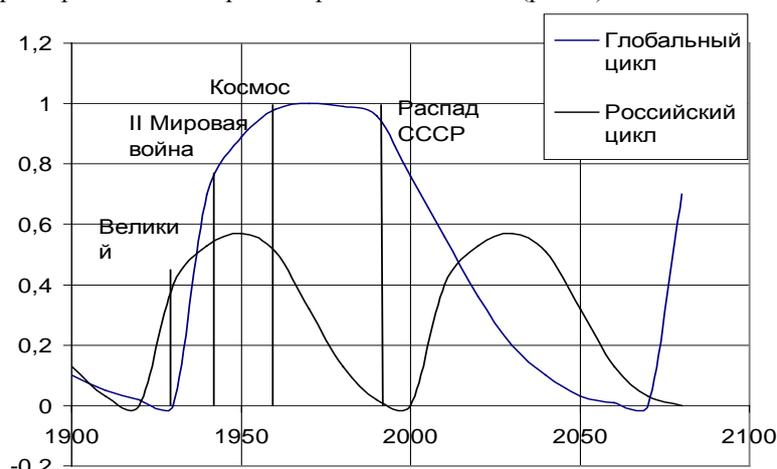

Рис. 2. Сравнение глобального и российского циклов социального развития в XX и XXI вв. и соответствующего событийного ряда истории

Результаты расчетов показывают, что новый 80-летний цикл развития российского хозяйства, начавшийся в 1998—2000 гг., вплоть до середины XXI века будет протекать в противофазе с развитием мирового хозяйства, т. е. в условиях продолжительной 70—80-летней стагнации и спада глобальной экономики. В результате ожидающийся в

2010—2030 гг. циклический подъем российского хозяйства будет неустойчивым и достигнет гораздо меньшего уровня, если не принять адекватных и своевременных мер, чем подъем советской экономики 1930—1960-х гг. А последующий за ростом и экономической стагнацией спад в своей самой нижней точке (2060—2080-е гг.) вполне может сравниться с социальной катастрофой, пережитой Россией в 1910—1930-х гг.

Одновременно, на основании выполненных расчетов, можно сделать вывод о том, что ближайшее 70 лет — это время продолжительного мирового кризиса, обусловленного необходимостью перестройки всей системы экономических и межгосударственных отношений — придания этой системе устойчивой диверсифицированной структуры сотового типа, о которой впервые говорил еще Кристаллер в начале XX в., а практическое решение было найдено в рамках клуба российских ученых «Глобальный мир» в 2000 г. [2] в виде системы постоянно изменяющихся 7—12 равновеликих «глобальных держав», средним размером с Индию или Китай.

В среднесрочной же перспективе ближайших десятилетий, определяющейся инерционной 17—18-летней ритмикой глобальных преобразований, отраженных частично на рис. 1, российскую экономику ждет полномасштабное перестроение структуры своего хозяйства, которое на фоне негативной динамики мировой экономики может отличаться относительным ростом макроэкономических индикаторов при чрезвычайно слабом росте реального сектора экономики.

Мировая же экономика будет продолжать стагнировать, переходя циклически в районе 2016—2017 и 2026 гг. к острым экономическим спадам, наподобие того, как это было в 2008—2009, 1991 и 1970-х гг.

Выводы

В сложившихся весьма инерционных условиях мирового экономического развития объективной целью России становится переход от состояния объекта к положению субъекта мировой экономики.

Первым шагом на этом пути является консолидация общества.

Обычно она достигается посредством воссоздания, активной популяризации и продвижения к сверхцели, объединяющей большую часть общества минимум на 100—200 лет вперед. В предшествующие исторические эпохи Российской империи и СССР это были идеи преодоления физического пространства (т. е. его социальная структуризация) вначале на Земле от Москвы до форта Росс в Америке, а затем и в ближайшем космосе.

Продолжая эту физическую в своей основе логику российской истории, можно предположить, что социальная структуризация пространства будет и дальше являться магистральным направлением развития. Только в новых условиях она приобретет новую форму преодоления хаоса в самых различных своих проявлениях, начиная с хаоса внутриэкономической и глобальной экономической жизни и заканчивая вселенским хаосом дальнего космоса.

Литература

1. *Добро́чев О.В.* Физические закономерности общественного развития от тысячелетних цивилизаций до сегодняшних дней // ОНС. 1996. № 6.
2. *Добро́чев О.В., Коваль Ю.А.* Экономика хаоса. М., 2007.
3. *Добро́чев О.В.* Ноты всемирной исторической симфонии // Экономическая теория в XXI веке — 7(14): Инновационная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, И.В. Шевченко, Л.Н. Дробышевской. М.; Краснодар, 2008 .

В.М. КИШИНЕЦ

Гуманитарные проблемы нанотехнологической парадигмы

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с выяснением существа современных нанотехнологий, социально-экономических и политических последствий «наногонки», места России в этом процессе.

Ключевые слова: нанотехнологии, Россия, гуманитарные аспекты.

Abstract. In the article the questions about finding-out of modern nanotechnologies existing, social and economic and political consequences of «nanorace», the place of Russia in this process are considered.

Keywords: nanotechnologies, Russia, humanitarian aspects.

Особенности прогнозирования. Роль нанотехнологий. Точность кратко- и среднесрочного социального или экономического прогнозирования никогда не превышает статистики случайных совпадений. В то же время долгосрочное прогнозирование, основанное на анализе фундаментальных долговременных тенденций, может быть существенно успешнее.

Наши относительно отдаленные (10 — 20 лет) гуманитарные, социальные, экономические и политические прогнозы основаны на анализе взаимодействия таких двух факторов, как врожденные человеческие потребности и постоянный прогресс технологий, направленных на их удовлетворение.

Сегодня в этой связке ясно обозначилась особая роль так называемых *нанотехнологий* — роль своеобразного спускового механизма, способного запустить процессы практической реализации накопленных за последние десятилетия теоретических знаний в области биологии, и, как следствие — процессы грандиозных цивилизационных изменений.

Концепция нанотехнологий. Для знакомых с вопросом известно, что нанотех не является конкретной технологией в обычном техническом понимании. Это собирательная технико-философская идея, отдельные конкретные реализации которой суть сложнейшие научно-технические задачи, но сама идея формулируется крайне просто: было бы весьма полезно уметь создавать макрообъекты не традиционными сегодня методами (резкой, сваркой, плавкой и т. д.), а поатомно, молекулярно, присоединяя один атом к другому. Но почему стоит ожидать от этой, казалось бы, на первый взгляд, весьма частной и сугубо технической парадигмы социальных последствий? Все дело в том, что нанотех имеет прямое отношение к одному из самых удивительных природных явлений (частью которого является и человек), называемому живой материей, жизнью.

Нанотех и живая клетка. Хотя мы еще ни на йоту не приблизились к пониманию того, как возникла такая удивительно сложная система, как жизнь, уже есть много информации о том, как функционирует живая материя на фундаментальном, клеточно-молекулярном уровне. Уже накоплен критический объем знаний об основе основ жизни — живой клетке. Критический в том смысле, что следующим закономерным этапом будет уже эффективное вмешательство в ее работу, существенно более осмысленное и результативное, чем это позволяет существующая биомедицина.

Сегодня можно говорить о новом уровне понимания структурно-функциональной сущности живой клетки, хотя это еще не до конца осознано (возьмем на себя смелость так утверждать) даже многими специалистами. Еще со школы нам ясно, что суть клеточных процессов нельзя отнести ни к химии, ни к физике (механике). До последнего времени не было соответствующей терминологии. И лишь сегодня можно сказать, что функционирование живой клетки основано на природных нанотехнологических процессах. Все клеточные органеллы —

везикулы (транспортировка и хранение веществ), митохондрии (энергоснабжение), удивительные рибосомы (автоматические сборочные устройства) и т. д., и т. п. — не что иное, как природные наностройства, хранящие, считывающие, распространяющие информацию и создающие на ее основе необходимые молекулярные структуры. Без преувеличения, клетка — это настоящая природная нанофабрика.

Нобот. Очевидно, что вмешательство в работу клетки, например, с помощью так называемых *нанороботов* (ноботов) — гипотетических наноскопических устройств, способных совершать «хирургические» операции на элементах клетки, — может быть чрезвычайно эффективным с медицинской точки зрения.

Нанороботы для многих пока могут выглядеть не менее утопичными, чем когда-то казались полеты в космос. Однако после напоминания о том, что природные прототипы ноботов — вирусы, «работающие» внутри клетки, — существуют уже миллиарды лет, такая идея предстает уже вполне реалистичной. Сегодня в мире реализуется уже большое число научных программ (зачастую, закрытых для публики) по изучению возможностей создания как отдельных элементов ноботов, так и общих принципов их работы, стратегии их массового использования, программирования, управления и связи. Нет сомнений, что в той или иной форме такие исследования проводятся и в России.

Технологическое бессмертие и техноэволюция. Созданная на основе новых технологий наномедицина теоретически будет способна излечивать все наши болезни, даже такую «болезнь», как старение. В практическом смысле это будет означать приближение к решению проблемы смертности, возможно, самой большой и до сегодняшнего дня совершенно неразрешимой проблемы человека разумного. Идея о том, что развитие нанотеха — наиболее очевидный сегодня путь к «неумиранию», высказывалась еще в самых ранних публикациях о нанотехнологиях, а сегодня является практически общим местом для многих специалистов. Кстати, идея подобного технологического вмешательства по различным направлениям в эволюцию разумной жизни может стать адекватным решением проблемы, которую ряд философов сегодня усматривает в системной стагнации и кризисах цивилизации и которую А.С. Нилогов называет антропологическим кризисом, а мы — исчерпанием возможностей «проекта хомо сапиенс». Сегодня вряд ли кто-то будет оспаривать возможность эволюции человека, которая в перспективе может означать его полное видоизменение. С появлением концепции нанотеха как никогда раньше представляется вероятным, что механизмом таких изменений будет не обычная биологическая

эволюция, а новые технологии. Анализу этих проблем была посвящена наша книга «Nano Sapiens, или Молчание Небес» (М., 2005).

Актуальность. Таким образом, футурологическое (философское) осмысление последствий развития нанотеха представляется весьма важным. Однако сегодня в России подобному перспективному прогнозированию уделяется совершенно недостаточно внимания, в отличие от Запада, где о проблеме, например, «бесконечного продления биологической жизни человека», говорит уже даже Папа Римский Бенедикт XVI. Концентрируясь исключительно на сиюминутных проблемах экономики и политики, не пытаясь заглядывать вперед, мы можем так и остаться провинциалами, не видящими своей исторической перспективы и получающими новые интеллектуальные и идеологические импульсы только извне. Отсутствие внимания к перспективному прогнозированию в масштабах страны чревато самыми серьезными последствиями. Достаточно представить себе, например, как развивалась бы история нашей страны и мира, если бы в свое время не были бы приняты весьма фантастические по тем временам прогнозы о возможности создания ядерного и ракетного оружия.

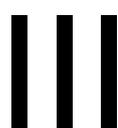
Социально-экономические и политические последствия. Рассмотрим на примере возможного явления, которое мы условно назвали «новые старые», каков характер социально-экономических и, как следствие, политических проблем, которые возникнут (могут возникнуть) при развитии наномедицины. Эти проблемы возникнут как следствие успешной борьбы со старением организма человека. Старение — это очень важный для сохранения биологического вида и поэтому никогда не дающий сбой механизм, обеспечивающий безусловную гибель после реализации определенных биологических функций каждого, без исключения, отдельного организма. Его механизм вшит в биологический код на уровне ДНК и работает через постепенное ухудшение «качества» производимых клеткой белков, приводящих к постепенному снижению мышечного тонуса, ухудшению зрения, обоняния, работы различных внутренних органов, к снижению сопротивляемости организма болезням. Следствием этого в дикой природе является неизбежная гибель особи от хищников или (как, например, в человеческом обществе) смерть в результате отказа внутренних органов.

Применение нано-ДНК-медицины может остановить и даже обратить вспять эти процессы. В результате использования этих и других соответствующих мер будет реализовано неведомое ранее биологическое омоложение человека. При безусловной позитивности и желательности для каждого такой возможности в сумме это, однако, приведет в человеческом сообществе, где все социально-экономические процессы приспособлены, «заточены» под постоянную смену поколе-

ний, к самым серьезным негативным последствиям. Во-первых, к стремительному росту народонаселения в результате резкого снижения убыли от естественной смерти. Во-вторых, к дисбалансу сложившихся социальных и экономических потребностей, присущих сегодняшней социально-демографической структуре. В-третьих, к катастрофическим социально-экономическим и политическим последствиям, когда на рынок активной трудовой силы вернутся бывшие пенсионеры, в результате омоложения полные сил, энергии, желания и возможностей снова работать. Это приведет к неизбежному массовому ухудшению, например, положения молодежи, только вступающей в период трудовой активности. Более опытные, образованные, физически и интеллектуально развитые «новые старые» буквально лишат их шансов занять сколько-нибудь достойное место на социальной лестнице, лишат возможности трудиться, расти профессионально. Представить последствия этого каждый может в меру своей фантазии и профессионального опыта. Одно понятно — они могут быть совершенно негативными для многих стран и регионов мира.

И это далеко не самые деструктивные из возможных глобальных гуманитарных последствий, которые могут быть вызваны вмешательством в биологию человека разрабатываемых сегодня новых технологий. Серьезных последствий, как показывает анализ, будет немало. Рассмотрению этих проблем посвящена наша вторая книга о последствиях развития новых технологий — «Нанобессмертие: надежды и потрясения», находящаяся в настоящее время в работе.

Россия. Одной из особенностей начавшейся мировой наногонки, отличающей ее от, скажем, атомной гонки середины прошлого века, является потребность в существенно более низких капитальных затратах (в атомных технологиях, как известно, огромная часть ресурсов требуется для создания систем добычи природных радиоактивных материалов, их обработки и обогащения, что и сегодня является главным препятствием бесконтрольного распространения в мире ядерного оружия). Наногонка будет скорее интеллектуальным, чем материальным соревнованием, и в том числе поэтому у России есть достаточно шансов занять в ней достойное место. Однако, помня о несомненных выгодах, которые несет активное участие в этом процессе, не стоит забывать и об огромных проблемах, которые принесет всему миру, в конечном счете, победа. И анализировать на национальном уровне их пора начинать уже сегодня.

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: брахманистская философия хозяйства

Аннотация. В данной статье впервые исследуется буддийская философия хозяйства, религиозно-метафизическими и сотериологическими основами которой является атеизм, антикосмизм, «антиатмантзм», земледельческий абсентеизм, отрицающие понятие труда и земли в качестве источников создания богатства, а понятие крестьянства как производительной силы сельского хозяйства. Показаны религиозно-метафизические и соответствующие им религиозно-кастовые истоки неудач в аграрных преобразованиях Индии, начиная с попыток англичан и заканчивая индийскими националистами-конгрессистами середины XX в. Впервые ставится и решается на уровне философии хозяйства проблема «буддизм и капитализм». На примере Индии доказывается, что именно буддизм оказал влияние на становление «азиатского капитализма», если под «азиатским капитализмом» понимать производство компьютерных и технологических услуг.

Ключевые слова: философия хозяйства буддизма, сотериология, антикосмизм, атеизм, земледельческий абсентеизм, азиатский капитализм.

Abstract. This article provides the first research of the buddhist philosophy of economics that is based on the positions of atheism and anticosmism, «antiatmantism», agricultural absenteeism which reject the importance of labour and land as sources of wealth and the concept of peasantry as a productive force of agriculture. Religious metaphysical and corresponding religious caste causes of fails in the agrarian transformations in India from the attempts of the English to the Indian nationalists-congressists in the middle of the 20-th century have been given. For the first time the problem of «buddhism and capitalism» is raised and solved. After the example of India it is proved that buddhism namely influenced the process of formation of «Asiatic capitalism», if «Asiatic capitalism» is understood as a production of computer and technological services.

Keywords: philosophy of economy of Buddhism, soteriologiya, anti-kosmizm, atheism, agricultural absenteeism, Asian capitalism.

Идея написания истории философии хозяйства принадлежит С.Н. Булгакову, автору первого лекционного курса по истории философии хозяйства, прочитанного им в Московском коммерческом институте в 1908—1909 академическом году. Во Введении к курсу С.Н. Булгаков фиксирует различие между экономическим мышлением и экономическим мировоззрением. Экономическое мировоззрение шире экономического мышления, ибо оно включает в себя не только науку, но и религию, и философию: и в этом смысле политическая экономия, возникшая в XVIII—XIX вв. есть лишь новейший, научный этап в развитии экономического мировоззрения. А отсюда и определение предмета курса: *история экономических учений* изучает экономическое мышление, тогда как *история философии хозяйства* — экономическое мировоззрение. В «Очерках по истории экономических учений» Булгаков уже совершенно четко заявляет о неизбежной специализации данного курса по отношению к курсу «Истории экономических учений».

В том же Введении к «Очеркам по истории экономических учений» [1, 4—8] С.Н. Булгаков сопоставляет два типа экономического мировоззрения, которые играют огромную роль в современном мире, а именно — западное мировоззрение, получившее свое наиболее полное выражение в политической экономии, и мировоззрение далекого буддийского Востока. По мнению С.Н. Булгакова, непримиримость этих двух типов мировоззрения коренится в самих основах этих мировоззрений — в метафизике, религии, этике. Собственно эта мысль С.Н. Булгакова и стала отправной точкой нашего исследования религиозно-метафизических предпосылок хозяйственной жизни Индии в лице двух ее ведущих философских систем — брахманизма и буддизма.

В нашей работе мы используем сотериологический метод исследования. «Сотериология есть учение о спасении. Сотериологический метод исследования есть рассмотрение космологической, онтологической и догматической проблематики через призму учения о спасении как самого жизненного, самого ценного и главного центра религиозного мировоззрения» [2, 3]. Наша задача — показать, какая хозяйственная деятельность соответствует буддийской концепции спасения.

Кроме сотериологического метода мы будем использовать этимологический, исторический, генетический, этический и другие методы исследования. К примеру, в данной работе впервые будет использован генетический анализ понятия «Артха», предложенный Назаровым в исследовании единственного политико-экономического трактата древней Индии «Артхашастры», с целью выявления основных принципов ведической метафизики хозяйства. Но все эти приемы играют только

вспомогательную роль по отношению к сотериологическому методу исследования, сквозь призму которого только и можно дать истинное представление о сущности индийской философии хозяйства.

И здесь нужно сказать несколько слов о вкладе отечественной исследовательской школы в мировое востоковедение. Так, Дюмон в 1944 г., отдавая должное основателю социальной антропологии Д. Фрэзеру, в то же время фиксирует ограниченность метода его науки — метода компаративистики: «Трудность подобного описания объясняется тем, что сравнительный подход к Религии (*La Religion compare*) в современном состоянии не даст пространства для генерального сопоставления. А ведь нужно было бы, как минимум, представлять параллель с каждой индуистской формулой соответствующую христианскую: фактически же, здесь можно будет обнаружить лишь несколько замечаний в этом плане» [3, 433]. То, что для западной науки, как и для самого Дюмона в 1966 г., лишь предчувствие «генерального сопоставления», для отечественной — в работах Гурия и В.А. Кожевникова 1913—1916 гг. — уже реализация его.

Ведическая метафизика

Индусская философская мысль началась еще в незапамятные времена, тогда же она сделала глубокий прорыв в область метафизических проблем; и работа эта, беспримерная по своей продуктивности, велась целые века. Исследователи выделяют два периода индусской философии: *брахманистский период* (Упанишады) — по сути, метафизический, и *буддистский период*, — в котором обострилась борьба между метафизическими и этическими предпочтениями. По своей сути, буддизм есть логическое завершение брахманизма.

«Древнейшей библией брахманизма» [4] являются священные книги — Веды, где впервые дана модель истории мироздания, получившая затем широкое распространение в Древнем мире. Модели космообразования в основе своей имеют бинарную структуру вселенского развития, которую Ратцель назвал «мировым мифом» [5]: Небо и Земля, мужское и женское начало, «верх» и «низ». Мир рождается в результате священного брака Отца и Матери, где Небо — это не просто пространственный верх, а обитель света и разумного порядка, где пребывают боги — учредители и правители мира, а Земля — стихия иррациональная, подверженная хаосу, но и развитию, динамике. В зависимости от того, что преобладает: Небо или Земля, рождаются две модели космообразования — «демиургическая», согласно которой мир кем-то был создан, и «генезисная» [6], которая называет внутренние (самостоятельные) источники развития мира. В эллинизме мифы Гомера

«Одиссея» и «Илиада» являются воплощением демиургической концепции мироздания, тогда как мифы Гесиода с характерным названием «Труды и дни», говорящим в пользу хтонического «низа», являются воплощением генезисной картины мира.

Если придерживаться концепции «осевого времени» К. Ясперса, согласно которой философия возникла параллельно в трех очагах мировой культуры — Древней Греции, Древней Индии и Древнем Китае, то можно провести параллель между мифами Гомера и ведийской мифологией, являющейся исторически первым опытом построения «демиургической концепции мироздания», в которой диалектика «Неба» и «Земли» разрешается в пользу первого, за счет отрицания принципа саморазвития противоположного начала, и, действительно, является «мифологией Неба».

Космогония Вед — это история капельки Зги, которая под воздействием Исвары (Господа) Творца Истины, превратилась в Божественный Свет — Арту (Правь) Рта. В Ведах, Рта Правь — это энергия света, в результате элиминирования (излучения) которого появилась Вселенная — миры, боги, души людей, человечество. Божественный свет — Арта (Правь) Рта выступает источником и универсальным порядком мира. Светорожденность и светоприродность мира — специфическая характеристика мира, построенного сверху, где пространство, а не время выступает сущностным элементом мироздания, а время, если и присутствует в мироздании, то в своей обедненной, антигенезисной, циклической модификации. Вселенная, как дерево, разворачивается из семени и в нем же воплощается после своей гибели. Развертывание и искривление мира из Арты (Вик-Рта) и свертывание мира в изначальную Арту (Нав-Рта) называют ритмом Вселенной. Этот ритм символизирует Артвахта Ашвахта — артельное или лошадиное дерево. Ртой, ритой, ретой, рейтой, ашвой у индийцев, греко-римлян и германцев называли лошадь. Человечество, вышедшее из Арты, в конечном итоге должно вернуться туда же, откуда оно вышло, на круги свои, т. е. в Арту. Это круговращение человечества, символом которого стало колесо (сансара), связано с растворением Вселенной в Нави (тьме, незнании). Условием возвращения является познание Арты. Этот процесс возвращения и слияния человечества с Артой обозначается как богочеловеческий процесс — артхада манватара. Так, первое человечество, познав Арту Правь, слилось с Артой в малую Згу и исчезло с земли. Затем Арта излила из себя второе человечество, которое через 300 млн. лет вновь слилось с Артой. Всего за нашу кальпу (период истории 4 млн. лет) Арта эманировала 7 манватар [7, 3—4].

Все эти основные идеи, а именно — утверждение универсального божественного порядка мира, эманация мира из Бога, возвращение мира к Богу и превращение человечества в результате богопознания в богочеловечество, так или иначе, войдут во все пантеистические концепции, выработанные религиозно-философской мыслью не только Востока, но и Запада. Эти черты мы найдем и в античной и западной философии: в системах стоицизма и неоплатонизма, в философии Николая Кузанского и немецких мистиков, у Гегеля и Шеллинга, и наконец, в философии В.С. Соловьева с его идеей богочеловечества. Но первой философской формой — и по времени, и по воплощению — является ведическая метафизика, через всю историю которой проходит стремление найти общий принцип всех мировых процессов.

Этим общим принципом и стал универсальный божественный порядок мира Арта (Правь) Рта, который определил собой единый Порядок, высшую Правду, Знание — под разными названиями встречается он в ведической литературе. Так, в Ригведах Рта есть тайна, «Закон, сокрытый законом», а тайное всегда держалось под запретом. Поэтому имя Рты заменили слогом АУМ и говорили «В Начале был АУМ». АУМа назывался тремя звуками божественного языка Рты: А — это Рта, У — это Вик-Рта, М — это Нив-Рта. А — Вишну, У — Брама, М — Шива. Таким образом, АУМ, или Ом (согласно индийской фонетике, слово «ом» состоит из трех звуков: *a*, *u* и *m*, которые символизируют собой три веды) — это тайное имя Рты, проявленное в трех личных божествах мужского рода: Брама — личный Бог создатель; Вишну — охранитель и обязательно Шива — разрушитель и вместе с тем восстанавливающий после разрушения. Все эти божества считаются совершенно равными один другому и поэтому нередко изображаются в виде идола с тремя головами, но одним туловищем. Эта тройственность в брахманической теологии известна под именем «Тримурти».

В Упанишадах, в этом философствующем брахманизме, священный термин ведической метафизики Ом получил свою первую философскую форму и был определен как Всеобщий Брахма, который уже теряет свою личностную форму мужского рода и превращается в безлично-сущее среднего рода. Согласно генетическому анализу Назарова, выводящему все понятия брахманической философии из Арты (Правь) Рты, Бра — есть свет, или огонь (Пуруша), младшая ипостась Рты. Другими словами, Брахман — сияние Правды, безличная часть Рты — новое воплощение непреходящего, вечного и неизменного, божественного порядка мира («Ом, не имеющий перемен, есть все»), который только и обладает реальностью, истинным бытием и определяется, соответственно с этим, как реально-сущее.

В Упанишадах Брахма был отождествлен с духовной сущностью человека — Атманом. Древние слова «Брахма» и «Атман» относятся к доисторическому слою санскритского языка. Поэтому «Атман» — понятие не логическое, а метафизическое — это только другое имя для того, что есть вечного в Брахме и человеке, а именно — другое имя Арты (Правь) Рта. Если Арта — Правда, а Брахман — сияние Правды, безличная часть Рты, то Атман — это Правь Рта, которая в каждом человеке. Атманом обозначают личность, «я», которое только потому и личность, что имеет основу своего существования, истинного бытия в вечном — в божественном — в Брахме. Атман совечен Брахме, поэтому душа человека («атман») — божественна и вечна — в этом метафизическом обосновании брахманистской концепции бессмертия души. Или, что то же самое, другими словами — Брахма есть истина, душа (Атман) есть Брахма.

Гегель рассматривал историю философии как историю мыслей об абсолютном, который собственно и составляет предмет ее размышлений. «История философии есть история открытия мыслей об абсолютном, составляющем ее предмет» [8, 64]. И в этом смысле с брахманизма начинается история мировой философии, потому что именно в понятии Всеобщего Брахмы было дано «первое в истории человеческой мысли определение и провозглашение Абсолютного», как Единого, рядом с которым ничего нет, потому что, если бы было что-то рядом с ним, то из этого следовало бы, что Брахма ограничен, а он неограничен — Един без второго («Единое, вне коего нет ничего»).

Единое, в конечном итоге, предстает как Все-единое — Единое, содержащее в себе все («Единое есть Дух (Пуруша), — весь мир, и то, что было, и то, что будет впрок»). Из этого Единого в результате эманации и произошел эмпирический мир («Единое, из коего, как искры от огня, происходят все жизненные духи, все миры, все боги, все существа»). Единое (понятое как Мировая душа) выступает причиной, источником, основой и сущностью не только индивидуальных душ, но и всего многообразия мира. Эмпирический мир, облакающийся в отдельные и множественные имена и формы, сам по себе не существует, самостоятельных источников своего развития не имеет, а существует только благодаря Всеобщему Брахме (Сущему), который и определяет его природу и судьбу. А из такого понимания Абсолютного следует пантеистическая религиозно-философская система, где Бог и мир единосущны. Если и есть разница между ними, то не по сути, а по состоянию: мир есть искаженное существование Брахмы, есть его недолжное развитие. В конечном итоге, брахманизм назвал мир ошибкой Брахмы, совершенной им под действием чар богини чувственности Майи, про-

тивоположной Яви — сознанию. Чувственность рождает ложное существование человека, она как будто заковывает с свои цепи духовную сущность человека — Атман, выступая его материальной тюрьмой. В Ведах эта материальная тюрьма, наш видимый, ложный мир и был назван Майей — дурашкой, а тело человека — темницей души — дург-атманом (от авестийского дург — ложь).

А отсюда и решение проблемы добра и зла в брахманизме, где зло не самостоятельно действующая сила (ведь Майя — не есть Сатана, и не противостоит Брахме в качестве самодеятельно действующей силы, ведь Брахма Един), а недостающее добро, или, что то же самое, — недостающий свет истины и знания. В конечном итоге, в философской системе Веданте (Веданта — дословно — конец Вед), наиболее влиятельной у индуистов и названной ими «завершающим алмазом всех систем», Майя была отождествлена с авидией (незнанием) в противоположность Брахме — видии (знанию). Брахма есть знание, Майя, окутанная чувствами, есть незнание, невежество. Или, что то же самое, Брахма есть истина, Майя есть чувство, мир есть ложь, а жизнь человека есть зло и страдание.

Всеобщей причиной этого зла и страдания является чувство (неведение), которое обрекает человека на мучительный круговорот из одного существования в другое. Ведь согласно брахманистской концепции бессмертия души, со смертью тела душа не умирает, а улетает через незаметное отверстие в темени, чтобы затем вернуться и продолжить свое существование в новом теле. Отсюда будущая жизнь мыслится как результат деяний (кармы), совершенных в прошлой жизни, и рассматривалась как воздаяния (сансара) за предшествующие существования, как расплата, а человек рассматривался как должник, выплачивающий свои старые долги. В Упанишадах это убеждение в необходимости возрождения для принятия награды или наказания за предыдущее существование предполагало или повышение человека вплоть до богов в награду за хорошие дела, или, наоборот, понижение его вплоть до животных в наказание за плохие дела. В силу этого убеждения индийцы не смеют убивать животных, змей и насекомых-паразитов, полагая, что в этот момент в них пребывает душа, которая отбывает срок за предыдущее существование, идя к последнему пределу своего самоусовершенствования.

На сложный вопрос, над которым мучается человек с древнейших времен, а именно — в чем причина человеческого несчастья, брахманизм дает довольно простой ответ — в предыдущих деяниях, совершенных в прошлой жизни. И этим ответом брахманизм примиряет человека с жизнью — обрекает его на безропотное существование в

настоящем. Уже в этом ответе содержится вся суть всего индусского мировоззрения, в том числе и хозяйственного, согласно которой индус не будет искать своего счастья во внешнем преобразовании мира и тем более в коллективных формах борьбы с окружающим злом, а будет погружен во внутренний мир своих переживаний, направленных на погашение чувственных начал своего существования, в котором он видит источник деяний, обрекающий его на возобновление жизни, полной страдания, в новых и новых телах, в новых веках, в новых эонах — отсюда трагический пафос его жизневоззрения.

Здесь нужно сказать, что христианство противопоставило концепции метепсихоза (повторных существований) свой принцип индивидуализма, согласно которому душа сотворена вместе с телом и каждому новому телу — новая душа. И, соответственно с этим, высказало идею о Воскресении не только души, но и тела, причем именно того, в каком индивид прожил свою настоящую жизнь. По крайней мере, на трех Соборах, одном Вселенском и двух Поместных, концепция переселения души была предана анафеме, а неоплатонизм, который разделял эту концепцию в условиях позднего эллинизма, объявлен ересью [9, 860]. По мнению исследователей, с верой в переселение души связан роковой переворот всей индусской культуры в сторону пессимизма. И можно предположить, что если бы не христианство, отвергшее концепции переселения души, весь эллинский, а вместе с ним и весь западный мир погряз бы в пессимизме.

«Сумма и сущность всей индусской философии, от ее начала до ее конца — есть скорбь метепсихоза и способ избавления от него» [10, 223]. И как и все философские системы Древней Индии, так и сам брахманизм направил все свои усилия на то, чтобы избавиться от этой мрачной перспективы, чтобы найти желанный путь освобождения от уз бытия и прервать зловещую цепь существований.

Брахманистская сотериология

В.С. Соловьев в лекциях по истории философии говорил, что в Индии, в одной из самых красивейших частей света, где природа расцвела пышным цветом и роскошью, где Бог действительно благодетельствовал народ, живущий там, человек впервые возненавидел природу, потому что увидел в ней источник зла и страдания [11]. И человек закрылся от природы и вместе с тем закрыл природу перед своим пытливым взором, погрузившись во внутреннее созерцание. Древнегреческая философия, в отличие от древнеиндийской, началась как раз-таки с удивления перед этим миром, с интереса к нему, с первого философского вопроса «из чего сделан этот мир?». Этот вопрос и предопреде-

лил весь ход развития по пути активного интереса и изучения природы вплоть до зарождения западноевропейской науки, которая решала тот же самый вопрос. А древнеиндусская философия так и осталась на кругах своих — ненависти и пренебрежения ко всему природному и чувственному в своем вечном устремлении к спасению от мира.

Признав все видимое не чем иным, как ложным бытием, брахманизм учит, что человек для приобретения счастья и достижения спасения должен, прежде всего, рассеять тьму невежества, помрачающего его душу. Неведение привязывает его к ложному бытию, оно заставляет считать это бытие истинным и реальным, каким оно на самом деле не является. Надо уничтожить это обольщение материального мира — Майи, надо приобрести ведение, знание. Ведь Майя в отличие от Сатаны не есть самостоятельная сила, противостоящая Брахме, а слита с ним, что, в конечном итоге, предполагает возврат и слияние с ним после очищения в сансаре. А для этого индивидуальной душе, заточенной в материальную темницу тела, надо только вспомнить свою божественную сущность. Знание о тождестве Атмана с Брахмой и является единственным условием спасения человека. Ведь «Брама есть истина, мир есть ложь, душа человека есть Брама и — ничего более!» — вот самое краткое выражение сути и смысла брахманизма, на что в свое время обратил внимание еще М. Мюллер. Но это знание не есть плод рассуждения, опыта или откровения, сообщаемого в Ведах. Это особое таинственное знание — внутреннее достояние каждой души. Оно вмещается в глубине самой души и может быть пробуждено не прежде, как будет удалено все то, что помрачает душу. То есть речь идет о постижении Верховного Брахмы (Духа) через освобождение Духа (в значении Атмана) от плоти.

Поэтому брахманизм и наметил два пути, ведущие к спасению. С одной стороны, аскетизм, который нужен для того, чтобы поработить все чувства, смирить все страсти, ведь когда мы отрицаем все страсти, все пожелания, мы освобождаем наше «я» от всех ограничений чувственного мира. Брахманизмом была принята система йоги как система духовных упражнений, высвобождающая духовные способности человека за счет погашения физических. Брахманистский смысл йоги — в ее направленности на слияние с Брахмой. Сила йога — в его праведности, поэтому истинные йоги принадлежат Арте, а не ан-арте — неправде и беззаконию. Пантеистический лозунг йоги — «Познай самого себя и ты познаешь богов и Вселенную» — высечен в храме Аполлона в Дельфе.

И тем не менее аскетизм, являющийся непременным условием спасения, все же не является достаточным для его осуществления. Поэто-

му был намечен еще один путь для стяжания истинного блаженства — путь созерцания. «Индийская философия резко отличается своим характером от философии греческой и новейшей. Среди отличительных черт индийской философии нужно отметить особенный прием философствования, непонятный для европейца — созерцание. Созерцание индийца вовсе не похоже на наше размышление. Он не предавался свободному течению мысли, но старался останавливать его, сосредоточивая все существо свое в одну точку. Он старался уравновесить все существо свое, приходил в неподвижнейшее и вместе напряженнейшее состояние и ожидал внутреннего озарения. Созерцатель, как выражаются они, втягивает в себя чувства, как черепаха ноги, и заботится, чтобы ничто внешнее не поколебало пламенника его созерцания. Индиец философствовал всем существом своим. Он хотел не размышлением постичь истину, а посредством подвигов самоумерщвления хотел, так сказать, выжать ее из сокровенных изгибов своей природы; она была приобретена ценою жестоких самоистязаний. Этим приемом философствования можно объяснить все отличительные черты индийской философии. Как философствующий индиец замыкался в самом себе, так и философия его почти совершенно замыкалась только в самопознании и даже не выходила собственно из себя, но только расширяла свое собственное я, стараясь поглотить им и в нем увидеть все внешнее. Отсюда вытекает пантеистическое направление философии. Заключаясь в самого себя, индиец естественно доходил до большой самомечтательности: то в каком-то внутреннем свете видел Брахму, то в своем духе видел всеоживляющую, всенаполняющую божественную силу... Возвышая дух над телом и психологически приводя своих последователей к сравнительному господству над материальным бытием» [2, 37].

Только такая душа, сосредоточенная в самой себе и поглощенная созерцанием, приобретает особое ясновидение и особые силы для осуществления спасения — слияния Атмана с Брахмой. По этому верованию, настанет время, когда весь видимый мир уничтожится, а на место его явится блаженное царство чистых душ. Впрочем, надо заметить, что то и другое было только достоянием касты брахманов, потому что лишь они могли надеяться на соединение с Мировой душой, члены остальных каст могли рассчитывать только на возрождение в брахманской касте или же в другой из высших.

Так первая пантеистическая картина мира завершила свой грандиозный ход. Ведь если Бог есть мир, а мир есть Бог, то это предполагает не только исход мира из Бога, но и восхождение мира к Богу. А отсюда определяется и смысл человеческого существования: будучи частицей

Брахмы, Атман будет стремиться вернуться к священному первоисточнику, к знанию, и, в конечном итоге, — слиться с Божеством. Таким образом, отвергнув самостоятельность конечного бытия, брахманизм остановил свою мысль исключительно на этом Всеобщем бытии, которое он признавал единственной реальностью. Е.Н. Трубецкой, в свое время проанализировавший основы всех пантеистических религиозно-философских систем, отметил, что общая беда всех религиозных монистических систем состоит в том, что, по большому счету, они знают только Абсолют, а мир рассматривают как производное от Абсолюта, не имеющего собственной сущности, истории и судьбы. Мир существует только благодаря Брахме, который выступает его внутренним правителем и законодателем. Его судьба — это нисхождение из Бога и восхождение к Богу — на круги свои, и так будет всегда. И в этом смысле индусский монизм есть самая крайняя форма выражения религиозного монизма, дошедшего до акосмиза — отрицания реальности мира во имя торжества божественного начала. Это основной вывод ведической метафизики, наряду с идеей метепсихоза, и составит религиозно-метафизическую основу брахманистской философии хозяйства.

Две идеи, выработанные ведической метафизикой, в конечном итоге определяют будущие контуры брахманистской философии хозяйства — это акосмиз, отрицающий самопроизводящие силы мира и, соответственно с этим, отрицающий землю в качестве источника богатства, и концепция метепсихоза, ограничивающая производительность (эффективность) земледельческого труда.

Философия хозяйства брахманизма: Артхашастра

Какая же философия хозяйства следует из брахманического представления о мироздании, построенного сверху как эманация Всеобщего Брахмы? С точки зрения пантеизма и акосмизма брахманической концепции мироздания, Природа-Мать ограничена в своей свободе крепкими космическими узами и искони лишена производительных функций. Ее просто нет, нет понятия земли как сомопорождающей и самопроизводящей силы. Или, говоря языком политической экономии, нет понятия земли как источника создания стоимости. Соответственно с этим мирозданием, построенном сверху и полностью определяемом Брахмой, исключаясь самостоятельность и саморазвитие природы, нет и хозяйства (варты — слово женского рода, переводится как «существование»). Отрицание хтонического низа — земли в качестве самопроизводящей и самостоятельной силы — приводят к отрицанию и третьего сословия общества — производителей материальных благ.

Таким образом, система хозяйственной деятельности, включающая в себя понятие земли и труда, отсутствует в брахманистском мироздании как самостоятельная сила, как основной источник богатства. И это является логическим завершением ведийской метафизики: подобно тому, как мир не имеет собственной логики развития, сущности и признается несубстанциональным, полностью определяемым Брахмой, точно так же и хозяйственная деятельность, существующая эмпирически, не обладает самостоятельной логикой развития, а включена в социально-кастовую систему брахманистского общества, построенного на функционально-иерархических принципах взаимодействия, где ни отдельная каста, ни отдельный человек, ни отдельно существующая деятельность не имеют самостоятельного значения, а существуют только благодаря некоему целому — иерархическому обществу, определяющему жизнедеятельность как отдельно взятого индивида, так и отдельно взятой касты.

В законах Ману, сообразно с теорией происхождения каст из разных частей тела верховного божества (браминов из уст его, воинов из рук, вайш из бедер, а шудр из ног), даются законы о четырех ступенях человеческой жизни. Ссылаясь на «авторитет вед» и на единодушие знатоков закона, законами для брахманов являются: изучение вед, научение, жертвоприношения за себя и за других, подача милостыни и принятие даров. Законами для воинов — учение, жертвоприношение за себя, подаяние даров, обязанность охранять народ оружием, живя от плодов этой деятельности. Законом для вайш разрешалось заниматься земледелием, скотоводством, торговлей и ссудой денег под проценты. Законом для паки — рождающихся шудр — служить трем первым условиям, дважды рожденным, ариям.

Мироздание, предложенное брахманизмом, — это «пространственно-метафизическая организации мира», где вещи и существа располагаются не по шкале временной последовательности, а по чину и функциональному весу, где каждый предшествующий элемент более важен, более значителен, чем последующий. Брахмана называют пурахитой — буквально «тем, кто поставлен впереди». Взаимоотношение между ним и кшатрием: «Пусть он (царь) следует ему (брахману) как учителю ученик, как отцу сын, как слуга господину» (Артхашастра, разд. 5, гл. 9). И понимать это нужно следующим образом — брахман может существовать без кшатрия, но не наоборот. Точно так же как кшатрий может существовать без вайш, шудр, но не наоборот. Соответственно с этим социально-кастовая структура общества в брахманизме — функционально-иерархичная, где брахманы — священники, обладающие знанием Брахмы — выше всех, а кшатрии — государство — выше на-

рода — вайш и шудр. Отсюда иерархия ценностей — дхармы, артхи и камы, и человеческих целей — долга, воли, чувства — в их соотношении с религиозно-кастовой системой общества: дхарма (духовная власть, религия) соотносится с брахманами, артха (светская власть, политика) — с царем или кшатрием, кама (хозяйство) — со всеми прочими. И все та же последовательность взаимоотношений между религией, политикой и хозяйством, где политика не может существовать без религии, а хозяйство — без политики (государства).

Напрашивается параллель с социально-классовой структурой идеального государства Платона, с тем же делением общества на три сословия, соответственно преобладанию качеств души — философы (разум), воины (воля) и производители материальных благ (чувство). Разница — в правлении: там правят политики-философы, знающие идею Блага, здесь правят священники-брахманы, знающие Брахму. Если главной добродетелью платоновского государства является справедливость, присущая всем трем сословиям, то в брахманистской концепции мирской жизни такой всеобщей добродетелью является Закон. Закон — есть Брахмой установленный порядок жизнедеятельности общества, согласно которому каждый должен оставаться на своем месте и заниматься тем, чем должен заниматься, исходя из кастовой регламентации. «Соблюдение (каждым) закона (порядка. — М.Э.) ведет на небо и в вечность» (Артхашастра, разд. 1, гл. 3). Отсюда понятно название и смысл первого памятника древнего права — «Свод законов Ману». Ману, сын Вивасвана — имя прародителя человеческого рода. Согласно индийской мифологии, Ману является сыном Вивасвана (Vivasvan — «лучезарный»), т. е. бога Солнца; по другим версиям, — сыном «Самосущего», т. е. Брахмы. А в Артхашастре, в которой отстаивается концепция божественного происхождения власти, Ману назван и первоцарем индийского народа.

Для тех, кто управляет космическим хозяйством, — брахманам и кшатриям — задача номер один сводится только к тому, чтобы не допустить никаких отклонений от установленного порядка вещей, и прежде всего это касалось сохранения чистоты каст. Ману приводит пример, касающийся жизни брахмана, которого нужда заставила заняться земледелием. Древнее право относительно этой жизненной ситуации встало на сторону касты, а не интересов конкретного лица — брахмана, который в таком случае просто изгонялся из своей касты и становился вайшей. На эту идею работала и концепция метепсихоза, согласно которой земледельческий труд причинял смерть живым существам, ибо плуг, вооруженный острым железом, раздирает землю и находящихся в ней животных, а также причиняет неудобства быкам,

впряженным в этот плуг, во время пахоты. В итоге этот способ приобретения средств к жизни не подходил для жизни доброкачественных, чистых людей, стремящихся к спасению, т. е. брахманов.

Таким образом, обе высшие касты оказывались уже избавленными от труда физического и экономического. В брахманистской концепции мирской жизни нет понятия общезначимости труда. И этот факт нашел свое отражение в тексте единственного политико-экономического трактата Древней Индии — Артхашастры, в котором нет не только раздела, но и главы, посвященной проблеме труда, что нашло свое отражение в предметно-тематическом указателе, составленном к тексту, где вообще нет понятия «труд». Народ, хтонический (земледельческий) низ в брахманистском мировоззрении, как бы отсутствует, во всяком случае не он является главным действующим лицом — он допускается как фон, долженствующий лишь подчеркнуть и оттенить превосходство вышестоящего сословия. В законах Ману он отодвинут на задний план и представляет собой в основном сельское население, организованное в общины и несущее повинности в пользу брахманов и кшатриев. Как «худородное» большинство оно противостоит благородному меньшинству — «чистой крови».

По своему бытовому статусу кшатрий не производительная величина, не труженик и даже не организатор какого-бы то ни было производства. Он стоит по ту сторону любой трудовой деятельности, и потому ему ничего не известно об изготовлении вещей, об их технологическом производстве. Его волнует не производственный процесс, а присвоение — распределение и перераспределение не им созданного и охрана этого порядка, чтобы, не дай бог, не возобладала идея самопроизводящего земледельческого низа. Управление хозяйственной деятельностью (артха) для кшатриев оказывается более важным, чем само хозяйство. Поэтому главным источником богатства и стоимости будет управление этим хозяйством. Управленческий характер хозяйства за счет погашения производительных сил общества.

Мироздание, построенное сверху и полностью определяемое Брахмой, исключаящее самостоятельность и саморазвитие природы, исключаящее самостоятельность хозяйства (земледелия, скотоводства, торговли и т. д.), в конечном итоге, в решении проблем хозяйства должно было остановиться на идее управления хозяйством как наиболее важном и значимом в развитии хозяйства. Поэтому в Ману варта не преподается учителями, как другие дисциплины, но изучается простонародьем, поэтому она, собственно говоря, не является наукой. Артхашастра, хотя и включает варту в классификацию наук, наряду с философией, учением о трех ведах, учением о государственном управ-

лении, но совершенно четко заявляет о приоритете науки о государственном управлении по отношению к науке о хозяйстве и всем другим наукам, ибо «три науки корнем своим имеют науку о государственном управлении» (разд. 2, гл. 5). Иного хозяйства, кроме как политического, она и не могла помыслить. «То, что обеспечивает сохранение и благополучие хозяйства, есть управление им, есть наука о государственном управлении». «То, что обеспечивает сохранение и благополучие философии, троицы вед и учения о хозяйстве, есть жезл, управление им есть наука о государственном управлении, она — средство для обладания тем, чем не обладали, для сохранения приобретенного, для увеличения сохраненного, и она распределяет среди достойных приращенное добро». «С нею связаны мирские дела, поэтому тот, кто хочет (успеха) в мирских делах, пусть всегда будет с поднятым жезлом. Нет ведь подобного средства удержания в своей власти живых существ, как жезл» (разд. 1, гл. 4). И вовсе не случайно, что сочинений, посвященных собственно варте, от древности не сохранилось, что науки о хозяйстве (которая, судя по всему, называлась бы варташастра) древность не создала, потому что она не знала хозяйства, существующего вне политики, — самого по себе, а знала артхашастру — науку о политическом руководстве хозяйственной жизнью, экзамен по которой сдавали даже цари. Так, исследования Назарова о происхождении ведийской артхи касаются периода 3107 — 2025 гг. до н. э., т. е. 4—3 тыс. до н. э. Артхашастра как наука политики возникает тогда же. Назаров пишет об экзамене по Артхашастре, когда «царевич Прахлада говорит о том, что весь мир — это распростертый Вишну, что Вишна пребывает даже во врагах, поэтому нельзя ненавидеть врагов» [12, 98—99].

А отсюда и структура Артхашастры, которая состоит из 15 книг, из которых нет книги о земледелии, но есть книга 2, рассказывающая о деятельности царя по извлечению налогов, и эта книга составляет почти четверть произведения. Прежде всего, она сохраняет главную мысль, основу налоговой политики государства, закрепленную еще древним правом, что царь является единственным собственником и защитником земли. Подана эта мысль все в тех же мифологических традициях повествования, согласно которым по отношению к праву на землю царь обладает землей как супругой¹. И описывается, что когда

¹ Эти мифологические мотивы, выражающие сущность брахманической концепции мироздания, очень четко прослеживаются и в матримональном праве брахманизма, наиболее консервативном с точки зрения развития общества. Законы Ману: «Женщина никогда не должна вести себя, как ей хочется»; «Женщина никогда не должна исполнять своего желания, даже в своем доме». Наконец, женщину называют ничем иным, как только собственностью мужа, и

земля остается без своего обычного владельца, она горестно стонет или, еще хуже, исчезает в глубинах, поэтому нужно срочно вернуть царя на трон, чтобы порядок вещей был восстановлен и земля обрела своего хозяина. «Ведь царь, воспитанный науками, заботящийся о воспитании своих подданных, владеет землей безраздельно, радуясь благу всех существ» (разд. 2, гл. 5).

В духе отрицательного отношения к миру, чувствам, к земле брахманизм считает победу над чувствами, или обуздание страстей, считает необходимым условием для достижения какой-нибудь цели или выполнения какого-либо дела. Этот мотив встречается всюду в памятниках санскритской литературы. Царь — это «победивший, или обуздавший свои чувства». Исходя из этого, в разделе, посвященном классификации наук, среди трех перечисленных философских систем Артахашастра называет и йогу, которая все свое внимание сосредоточивает на различных действиях и упражнениях, при помощи которых будто бы приобретаются сверхъестественные силы и способности. «Победа над чувствами, основанием которой являются наука и воспитание, достигается отвержением страсти, гнева, стяжания, гордости, безумства, высокомерия... Царь, поступающий в противоположность этому руководству (политики), не обуздывающий своих чувств, немедленно гибнет, хотя бы он был владыкой четырех стран света... Эти и многие другие цари... погибли с семьями и царством, так как не победили своих чувств, а победивший чувства Джамадагнья... долго обладал землей» (разд. 3, гл. 6).

«Отрицание хтонического низа — земли, хозяйства — в качестве самопроизводящей и самостоятельной силы, приводят к отрицанию самостоятельности земледельцев, которые могут осуществлять свою деятельность только под руководством и управлением кшатриев. Очень важные сведения Артахашастры о положении шудр. Артахашастра впервые разрешила шудрам заниматься земледелием, то чего им не разрешали законы Ману. На основании этого факта исследователи сделали далеко идущие выводы о том, что шудрам было не только раз-

притом эта правда выражена в очень грубой форме, в которой женщина уподобляется полю, а засев и урожай принадлежит владельцу поля. По Ману же, мы можем представить себе и семейные отношения индусов: «Муж составляет одно лицо со своей женой»; «В каждой семье, в которой муж нравится жене, а жена нравится мужу, счастье упрочено навсегда». И наконец, вот взгляд на отца и мать, который является следствием демиургической концепции мироздания, где земля — женское начало — полностью подчинена созидательному мужскому, проникший в быт арийца: «Отец изображает собой Творца вселенной, мать изображает собой землю» (цит. по: [12]).

решено заниматься земледелием, но что они на этом основании, вошли и « в число ариев, то есть в “чистое” ортодоксальное общество, состоявшее теперь не из трех, а из четырех варн». Вот это место в Архашастре, которое позволяет сделать такие выводы: «Он (царь) должен произвести устройство селений, состоящих преимущественно из шудр, занимающихся земледелием...» (разд. 19, гл. 1). И далее, в главе, посвященной внешней политике, рекомендуется приобретать такие земли, население которых преимущественно относится к низшей варне, поскольку с таких земель царь сможет получать все виды доходов-податей. «Согласно Артхашасте, следовательно, низшая варна является основным податным сословием: ... Коль скоро подавляющая масса жителей принадлежит к варне шудр и вместе с тем большинство населения занимается земледелием, естественно допустить, что понятие “земледелие” и “шудры” в значительной мере совпадают. И если шудры, как правило, были земледельцы, то вполне естественно их характеризуют в трактате в качестве основного податного сословия. В... законах Ману, как мы видели, шудры лишь служили дваждырожденным — ариям» [13, 133].

На самом деле, уже в Артхашастре постоянно чувствуется нехватка дохода с земли. Отсюда главная хозяйственная задача царя — это распределение пользования землей, чтобы обеспечить регулярное поступление в казну дохода с земли. Поэтому единственное стремление царя состоит в том, чтобы отдать все земли под обработку, чтобы не было пустых земель. «Он (царь. — М.Э.) должен дать плательщикам налогов возделанные поля в личное пользование. Невозделанные (земли) он не должен отбирать у возделывающих (их)». А отсюда идеальной сельской местностью считается та, «жители которой по большей части состоят из трудолюбивых земледельцев, разумных господ, и вообще населенная лицами низших каст» (разд. 96, гл. 1). «Если встает вопрос относительно поселения лиц четырех каст, то следует считать землю лучшей, в которой преобладают низшие касты». «Та из земель по качеству является выше всех, которая представляет опору (для государства). Далее спрашивается, что лучше — земля, защита которой состоит в крепостях, или такая, защита которой состоит из людей. Лучше та, защита которой состоит из людей. Сила государства состоит в людях: безлюдная земля подобна бесплодной корове, — что можно из нее выдоить?» (разд. 116, гл. 11). А раз так, то главная задача царя — отдать земли под обработку всем, чтобы земля приносила доход, причем те, кто не обрабатывал землю, земля у них отбиралась и передавалась в другие руки — причем в любые — даже сельским наемникам, рабочим, не то что шудрам. Все они называются землепашцами, в которые

входят и надзиратели, и учетчики, и старосты, и старшины, и дрессировщики слонов, и лекари, и тренеровщики коней, и посыльные, и др. Все это плательщики налогов, которым земля предоставлялась в личное пользование. И в этой напряженности только брахманы не платили налогов.

Тем самым, земля не сама по себе является источником богатства, а только под контролем правителя, поэтому она дает не продукты, а доходы, налоги. И сама по себе она не существует в представлении индуса. Она существует только благодаря правителям, умеющим извлечь из нее доход своим мудрым руководством. В Артхашастре доля урожая (бхага) царя совсем не была простым вознаграждением за его защиту земледельцев, а очень напоминала долю (вибхага), взимаемую им с дохода рудников, которые он сдает в аренду на основании права собственности, и составляла одну шестую часть, отданных ему продуктов. «Люди... сделали Ману, сына Вивасвану, царем и определили шестую долю зерна и десятую долю товаров и золота как его (царя) долю. Этим поддерживаемые цари доставляют подданным безопасность обладания имуществом» (разд. 9, гл. 13).

Таким образом, источником, причиной, первоосновой хозяйственной жизни Индии выступает государство, подобно тому как первоосновой, первоисточником и сущностью мира выступает Всеобщий Брахман. И если сначала Артхашастра нывает 7 факторов государства, то в конечном итоге остается только один — «государь и государство — вот в двух словах все государственные факторы» (разд. 127, гл. 1). Марксова схема: земля, труд, наука — как выделенные им источники богатства — в условиях индийской истории не работает. Ибо таким источником является государство, поэтому и была создана артхашастра — наука о государственном управлении хозяйственной жизнью народа, и не просто создана, а еще и канонизирована.

В популярном сказании говорится, что первоначальная книга Брахмы, заключающая в себе все знание, была разделена на три части: первая, поветствующая о дхарме, была затем сокращена до «Манусмрити», артхашастрю сократили Брихаспати и другие учителя, и конечным ее вариантом, согласно анонимной цитате в комментариях к «нитисаре», является «Артхашастра» Каутильи, имя которого произносится наравне с именами Ману, Брихаспати, Шудры и самого Брахмы; а третья часть, посвященная каме, сохранилась в виде «Камасутры» Ватсьяяны. В последующем, в пуранической традиции, ей был придан канонический авторитет — она была названа «восемнадцатой наукой». Основанием включения ее в состав священной литературы

является ведическая литературная традиция, прежде всего связанная с самим понятием «артха».

На наш взгляд, этимологический разбор термина «артха», предложенный западной школой, понимания его как выгоды, пользы, и соответственно перевод Артхашастры как «науки о выгоде», или как «науки о достижении полезного», не соответствует действительности. В данной работе будет предложен генетический анализ термина «артха» и будут высказаны аргументы в пользу ведической датировки Артхашастры.

«Текст Артхашастры обнаружен в начале XX в. и впервые опубликован Р. Шамашастри в 1905 г. Среди исследователей Артхашастры и сегодня нет единого мнения относительно датировки этого памятника древнеиндийской культуры [13, 6—8]. Некоторые исследователи считают, что Артхашастра есть подлинное сочинение IV—III вв. до н. э., и принадлежит оно перу Каутильи. Рангасвали Айянгаре, один из наиболее крупных представителей индийской историографии 1930—1940 гг., настаивал на ведийских истоках и религиозной ортодоксальности Артхашастры (как части первоначальной книги Брахмы).

Другие доказывают, что Артхашастра была заимствована из Дхармашастры и является компиляцией, поэтому и датирована должна быть более поздним временем, а именно VI—VIII вв. н. э. Составителем этой компиляции называется Брихаспати. Таким образом, в вопросе о датировке Артхашастры мнения исследователей разошлись практически на тысячу лет — редкий случай в историографии, что позволило, к примеру, Л. Дюмону усомниться в самой возможности когда-либо правильно датировать этот памятник культуры.

Для отечественных исследователей и, прежде всего, для Ольденбурга понимание такого сложного и многослойного памятника, как Артхашастра, первостепенное значение имеет проблема истоков и характер литературной традиции. Для нас эта точка зрения имеет принципиальное значение, потому что понятие «артхи» принадлежит ведической литературной традиции, которая и позволит пролить нам свет на определение Артхашастры.

Артхашастра начинается с эпитафии «Ом, поклонение Шукре и Брихаспати» [14, 11]. В комментарии к книге, подготовленном Кальяновым: «Ом (om) — означает слово торжественного обращения или благословения. Оно употребляется в начале молитв и религиозных церемоний и обычно ставится в начале книг. Согласно индийской фонетике, слово ом состоит из трех звуков: а, у и м, которые символизируют собой три веды. С глубокой древности слово “ом” считается, по

религиозным представлениям индийцев, в высшей степени священным».

Согласно генетическому анализу Назарова, который последовательно вывел все главные понятия брахманической метафизики из ведического принципа Арты(Правь) Рты, АУМ или Ом — это тайное имя царства Порядка и Знания, поэтому появление его в качестве эпитафии на первой странице Артхашастры говорит само за себя: по крайней мере о преемственности Артхашастры традиции «древней Библии брахманизма» Ведам. Исходя из этой традиции, будет решаться и вопрос о понятии «артха» [7, 10—11]. Если Арта — Правда, а Брахма — сияние Правды, безличная часть Рты, то Атман — это Правь Рта, которая в человеке, а Артха — это Правь Арта, которая присуща всему человечеству. Артха — это духовная энергия человеческого общества, человеческой деятельности, часть энергии Арты (Правь) Рты. Помимо нее в Ведах названа еще и ложная артха — выгода, польза (Ан-артха) — материальная, которой питается Дурга и Сатана, которая и держит человеческое общество в оковах материальной тюрьмы — мира дурашраи. Поэтому нужно освободиться от ложной материальной артхи. Логика брахманизма и в решении хозяйственных проблем лишь повторяет логику метафизики: точно также, как в метафизике душа человека (Атман) предстала в оковах материальной темницы чувственного мира — дург-атмана, точно также человеческая деятельность предстала в оковах ложной материальной артхи — ан-артхи, которая спасается праведной экономикой и политикой, а именно мудрым государственным управлением хозяйственной деятельностью. В Артха-Ведах предпринимательство (под которым понимается свободная хозяйственная деятельность, направленная к достижению выгоды для самого себя) предстало как ложная артха, а государственное управление хозяйственной деятельностью, где хозяйственная деятельность народа (варта) служит интересам государства (двум высшим сословиям), а доход государя, полученный от хозяйственной деятельности в виде налога, которым он делится с брахманом, понимается как благодать (дар) полученная от Брахмы, предстала как истинная Артха. Вот почему главной общественной функцией брахманов есть получение даров.

И соответственно с этим в разделе, посвященном основам государства, говорится, что «царь, не имеющий положительных качеств и у которого непрочные основы, такой государь, у которого основы государства негодны, погибает от этих основ, погибает от своих же подданных или подпадает под власть врагов, хотя бы он и владел землей в четырех ее пределах. Но тот, кто обладает личными качествами, хотя

бы он и владел незначительной землей, обладая совершенными основами государства и зная методы правления, получит власть над всей землей и не потерпит ущерба». И далее: «если при этом достигается благополучие, то это правильная политика. Если же вызывается несчастье — это неправильная» (разд. 97, гл. 2).

Дюмон на основе этимологического анализа понятия артха смешал эти два понятия артхи (истинную и ложную) и определил Артахаштру как науку о выгоде и пользе. Но в Артахаштре понятия «выгода», «польза» используются только в значении собирания доходов, а не в значении самостоятельной (предпринимательской) деятельности т. е. речь идет не о производстве, а о распределении и перераспределении плода труда, не ими созданного, а созданного земледельцами. И в этом смысле артха не выгода, а налог. Сборщики налогов — это и есть индийские «предприниматели». И предприимчивость их могла быть только одна — в расхищении государственной казны. В разделе 6 «Испытание чести и нечестности министров посредством хитрости» подробно описывается распределение государственных должностей с учетом, прежде всего, преданности царю, которое называлось — быть чистым (в значении честным) перед царем, а затем уже с учетом специальных (профессиональных) качеств. «Министров, очищенных по отношению к трем разделам (закон, материальная выгода — налог, любовь) и страху, пусть ставит во главе дел, относящихся к их специальности, в соответствии с результатами проверки их честности — таково мнение учителей». «Чистых (преданных. — М.Э.) по хитрости выгоды пусть ставит на дела сбора поступлений» (разд. 7, гл. 11).

Поэтому более корректный перевод данного термина — это перевод Артахаштры как науки о политике. Мы бы уточнили — науки о праведной политике и экономике. А в качестве рабочего определения можем предложить понимание Артахаштры как науки о государственном управлении хозяйственной деятельностью народа для получения налогов.

Итак, в Артахаштре — единственном политико-экономическом трактате брахманизма — были сформулированы основные принципы хозяйственной жизни Индии, которые остались практически без изменения на века. Основной производительной силой индийского общества является управленческая деятельность государства, включающая в себе хозяйственную жизнь народа. Западная схема разделения политической и экономической власти не применима к исследованию хозяйственной жизни Индии, которая не мыслит своего существования вне политической сферы. И речь здесь может идти исключительно об экономической деятельности государства, сочетающей в себе эти две вет-

ви власти и получившей свое подробное освещение в Артхашастре. Индия не входит и в Марксову периодизацию всемирной истории. Попытки советских историков классифицировать историю Индии как феодальный способ производства не выдерживает критики. Из всех идей Маркса только его гениальная идея о существовании «азиатского способа производства», идея, которая явно противоречит учению марксистов-догматиков об общественно-экономических формациях с их однолинейным видением мировой истории, подходит для анализа хозяйственного развития Индии. «Азиатский способ производства» потому не был включен догматиками в учение об общественно-экономических формациях, что он выражал собой не классовый принцип деления общества, а взаимоотношение между государством и обществом, когда все общество, не дифференцированное по классовому признаку, работает на государство. Высказав идею о существовании иных способов производства, различающихся между собой не по отношению того или иного класса к средствам производства, Маркс, тем не менее, не наполнил ее конкретным содержанием. Но именно в содержательном наполнении этой категории Маркса, как нам представляется, и обнаружилась возможность примирения двух антиподов социологического мышления — К. Маркса и М. Вебера, с нашей попыткой обоснования фундаментального и определяющего влияния на хозяйственное развитие Индии ее религии.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Очерки по истории экономических учений. М., 1913.
2. *Гурий.* Буддизм и христианство. М., 1913
3. *Дюмон Л.* Homo hiarchicus: опыт описания систем каст. СПб., 2001.
4. *Мюллер М.* Философия Веданты. М., 1912.
5. *Ратцель Ф.* Народоведение. Т. 1—2. СПб., 1903.
6. *Семушкин А.В.* У истоков европейской рациональности. М., 1996.
7. *Назаров П.Г.* Происхождение ведийской Артхи, шумерской Аратты, суб-арты и арьяварты (3107 — 2025). Ч. 13. Челябинск, 1997.
8. *Гегель.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
9. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
10. *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1, 2. 1916.

11. Соловьев В.С. Лекции по истории философии // Вопросы философии. 1989. № 6.
12. Сакия-Муни (Будда): Его жизнь и философская деятельность: Биограф. очерк (К.М. Корягина). СПб., 1897.
13. Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра: проблема социальной структуры и права. М., 1984.
14. Артхашастра, или наука политики. М., 1993.
15. Кальянов В.И. Комментарии к Артхашастре // Артхашастра, или наука политики. М., 1993.

И.В. ПШЕНИЦЫН

О хозяйстве и его философии

Аннотация. Статья раскрывает принципиальное отличие хозяйства и экономики с точки зрения их воздействия на формирование духовного мира человека. Предлагает основанное на единении человека с природой в хозяйстве онтологическое объяснение рождения души, рождения, раскрывающего философию хозяйства.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, природа, труд, производство, родина, народ, общество, душа, Бог, философия хозяйства.

Abstract. The Article reveals the basic difference between economy and economy from the point of view of their influence on formation of a person's inward life. It suggests ontologic explanation of soul birth based on unity of human and the nature in economy, the birth that discloses the philosophy of economy.

Keywords: economy, economy, the nature, labour, production, the people, society, soul, God, philosophy of economy.

К пониманию хозяйства экономисты приходят, осознавая недостаточность экономики. При этом, как правило, экономику интуитивно сводят к экономическим отношениям. Ограничение экономики *отношениями* людей, а экономических отношений — *возмездными отношениями*, а, по существу, эквивалентными отношениями обмена требует их дополнения хозяйственными отношениями, необходимыми для *жизнедеятельности* людей.

Методологическая причина такого ограничительного восприятия понятна. Сведение предмета к отношениям между людьми происходит само-собой, по аналогии с предметом политической экономии. При этом, в отличие от экономических отношений, хозяйственные отноше-

ния рассматриваются широко, затрагивают все сферы общественной жизни. Интуитивно, подсознательно советский ученый с базовым экономическим образованием легко воспринимает такое расширение, поскольку в нем сохраняется методологический фундамент, но при этом есть приток свежего воздуха, свежей философии, оживляющей иссушенную партийной идеологией душу. Этот терапевтический эффект «философии хозяйства» возродил в общественной науке оригинальную русскую мысль.

Однако при таком подходе экономика и хозяйство становятся неразделимыми, экономика дополняется хозяйством, и никакого антагонизма между ними нет. Они сосуществуют как близнецы-братья, а явно ощущаемый в нашей жизни антагонизм видится в другом, например, в противостоянии России и Запада, или в противостоянии русской экономической мысли и экономикса и т. п.

Эрудированный экономист обязательно подчеркнет универсальность экономики обращением к «первоистокам», к самому Аристотелю, показавшему различие экономики и хрематистики. У Аристотеля экономика не связана с денежными отношениями, он рассматривает домоводство помимо однеженных отношений. Домоводство многие понимают как домохозяйство. Здесь видятся общие корни хозяйства и экономики как помимоденежного домашнего хозяйства.

В связи с этим не понятно, зачем нужно какое-то особое понятие «хозяйство», достаточно рассматривать экономику в широком смысле. Тем более что хозяйство существует только в русской мысли, а если наука наднациональна, это кажется литературным излишеством.

Постараемся выяснить, что же хозяйство выражает такое, чего нет в экономике даже в ее Аристотелевском помимоденежном понимании. У Аристотеля речь идет о жизнедеятельности в доме, внутри дома. Изучением связи человека с природой, со средой обитания должна заниматься не экономика, а другая наука — экология.

Экономика у Аристотеля существует отдельно от экологии, и в этом заключается коренное отличие экономики и хозяйства. Хозяйство выражает как раз единство с природой. Хозяйство существует на территории, не сводится к домоводству внутри дома. Хозяйство предполагает неотчужденность от земли, единство с природой, территорией, на которой происходит хозяйствование. Если речь идет о домашнем хозяйстве, то не о хозяйстве только в доме, но и на территории вокруг дома. И эта территория так широка, что хозяйствование на ней, по своей сути, становится безотходным, экологичным. Экономика же предполагает такую деятельность, которая порождает экологию как само-

стоятельную науку, со своим предметом. В разделении экономики и экологии выражено коренное отличие экономики и хозяйства.

Типичным примером хозяйства является общинное крестьянское хозяйство. Единство человека и природы в хозяйстве выражается в восприятии человеком территории и дома как Родины, как места, где у человека рождается душа. Если человек ощущает на уровне подсознания, что Родина наделяет его душой, он иначе относится к природе. Только у отчужденного от земли человека рождается мысль, что от природы нельзя ждать милостей, а необходимо взять у нее все интеллектом и силой. Родина в сознании такого человека отделена от природы и сводится к отношениям между людьми, становится, например, социалистической родиной. Патриотизм как любовь к родине в отчужденном от природы сознании становится идеологией, орудием борьбы.

Основоположник философии хозяйства С.Н. Булгаков ясно сознавал, что главная проблема современности, это проблема «о человеке в природе и о природе в человеке». В напутствие к своей «Философии хозяйства» «как выражение пафоса и устремления» этой книги он приводит цитату из «Бесов» Ф.М. Достоевского: «Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость». Любовью к родной земле пронизана вся философия хозяйства Булгакова. Поэтому хозяйство не сводится к отношениям между людьми — как собственно и экономика, хотя в основание экономики заложено отчуждение от земли — необходимо рассматривать также деятельность человека, его связь с природой.

В русском языке очень точно выражено различие деятельности человека в хозяйстве и в экономике. Что человек делает в хозяйстве, например, в крестьянском хозяйстве? Он выращивает хлеб, создает семью, строит дом, растит детей. Он хозяйствует на земле, ведет хозяйство. Во всем видна созидательная сущность труда. А как человек действует в экономике? Он производит. Существует заблуждение, что производство было всегда. В действительности в хозяйстве человек трудился, созидал, а производство возникает только с развитием экономики, с разделением процесса труда и превращением труда в работу, в средство для жизни, отчужденной от труда. В производстве человек изводит себя ради чего-то, изводит свою «бессмертную душу». Русские пока еще не говорят: человек производит хлеб, производит детей, производит семью, производит сад; мы говорим «человек создает или выращивает», и в этом выражается глубокий внутренний смысл, проявляется антагонизм между хозяйством и экономикой в их воздействии на человеческую душу. Деятельность человека в хозяйстве хоть и трудна — душа обязана трудиться, — но не изводит человека, по-

сколько человек живет трудом в единстве с природой, в мире со своей душой. Живет так, как положено ему жить по его природе. Хозяйство создает человека.

Различная природа деятельности людей порождает и различие отношений между ними. В хозяйстве люди связаны родовыми связями, общей Родиной и образуют не только общину, не столько общество, сколько народ. В экономике же люди образуют общество отчужденных людей, гражданское общество. Отчуждение от земли приводит к образованию городов, внеприродных образований, а горожане становятся гражданами. Гражданское общество и народ также антагонистичны по своему воздействию на человеческую душу как экономика и хозяйство. Как учит история, гражданское общество является последней стадией жизни народа. Достаточно посмотреть на этапы жизни народов Древней Греции или Древнего Рима. Гражданское общество утрачивает духовную мощь, и цивилизация не может противостоять варварам. В городах дух народа умирает, народ превращается в демос, в социум. Зарождается атеизм. При этом все усиленно ищут бога, задают странный вопрос: есть ли Бог? Сомнения преодолеваются волевым усилием, верой. Но если в Бога надо верить усилием воли, значит объективно, в самом человеке, Бога уже нет.

В экономике человек ищет Бога вне себя, во многом из-за отчуждения от Родины и Народа, отчуждения, порождающего разложение народного духа и человеческой души. Вопрос же о существовании Бога вне народного духа абсурден. В гражданском обществе объективно Бога нет. Непонимание этого выражается в странном вопросе о вере в Бога, хотя обыденному сознанию этот вопрос кажется фундаментальным. Научная формулировка проблемы существования Бога иная: есть ли Бог в человеке, есть ли у него душа как продолжение жизни народа. А это объективно, и определяет субъективное восприятие человеком окружающего мира, его знание истины.

Отчуждение от земли, переход к городскому образу жизни, подрывает дух народа, нарушает его нормальное развитие. Анализ процесса отчуждения и разделения труда и разложения хозяйства дает объективный научный ответ на вопрос, который нерационально сводится только к вере. Философия хозяйства, как полагал С.Н. Булгаков, должна рационально отвечать на вопрос о рождении в человеке души, о существовании Бога. Для человека величайшая радость, если у него есть сырая земля, если он может на ней хозяйствовать, поскольку эта сырая земля, природа — Родина, которая рождает в человеке Божью душу, является Богородицей.

Какова философия хозяйства? В чем она? — Философия хозяйства в том, что в хозяйстве у человека рождается душа. По воздействию на человека хозяйство принципиально отличается от экономики, самой что ни на есть постиндустриальной и даже инновационной, поэтому хозяйство и обладает философией, высшим смыслом.

P.S. Экономику и хозяйство не следует ограничивать отношениями между людьми и сводить к общественным отношениям. Следует учитывать деятельную, чувственно-практическую сторону, которая не сводится к отношениям между людьми, хотя и не отделена от этих отношений. Иначе говоря, можно анализировать то, что в политической экономии называлось производством, не ограничивая его производственными отношениями, а выделяя в производстве практическую деятельность людей. Историческое развитие показывает, что по своему воздействию на человеческую душу производство и труд антагонистичны, народ и гражданское общество антагонистичны, а значит, экономика и хозяйство также антагонистичны.

А.И. СУБЕТТО, В.В. ЧЕКМАРЕВ

Философия хозяйства *pro at contra* (диалог в стиле «менюэт»)

Аннотация. В статье, реализующей жанр диалога, предложены различные точки зрения на развитие философии хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономика, хозяйство, политическая экономия, экономическая теория.

Abstract. The various points of view on development of philosophy are offered in the article through the dialogue genre.

Keywords: the philosophy of economy, economy, an economy, political economy, the economic theory.

А.И. СУБЕТТО: Основной вопрос нашего диалога: нужна ли философия хозяйства? Я думаю, что нужна, и формирование философии хозяйства происходит не спонтанно. Появился социальный заказ, обусловленный кризисом экономического развития мира. В первую очередь кризисом капиталистической формы хозяйствования. Следуя формуле Маркса — доэкономическая — экономическая — постэкономическая формации, — переживает жесточайший кризис экономическая формация в последней некапиталистической форме. Индикатором кризи-

са можно определить книгу Сороса «Кризис мирового капитализма». Один из ведущих финансовых магнатов, который занимает высшую позицию в финансовой олигархии, почувствовал, что земля трясется под всей пирамидой мирового капитала. По крайней мере, того капитала, вершина которого находится в США.

Мы это землетрясение чувствуем по-другому. В России жесточайший кризис, обусловленный как переходом от планово-социалистической экономики к монетарно-рыночной, так и кризисом мировоззренческим, философским, связанным с тем, что бывшие ученые марксистского крыла изменили свои взгляды и перешли на монетарную идеологию (часть осталась в рамках марксистской парадигмы). Иными словами, мировоззренческий кризис проявился внутри экономического. То есть развитие нашей страны происходит в условиях давления как мирового, так и внутрироссийского кризиса.

На мой взгляд, это лишь создает для российской ментальности благодатную почву. Потому что у нас чувствительность того, что происходит в экономической науке, на порядок выше, чем на Западе. А поскольку в России имеются традиция синтетического мышления, синтетических установок и большая культура обобщающих исследований, то не случайно, что именно в России появляется философия хозяйства, возрождающая российско-немецкую форму экономического мышления, которая была характерна для конца XIX в. и начала XX-го. Вспомним С.Н. Булгакова с его космической философией хозяйства, которая, на мой взгляд, обладает особой актуальностью. В мире возникла Глобальная экономическая катастрофа, которая показывает неблагополучие в нынешних формах хозяйствования человека. С другой стороны, философия хозяйства возникла в немецкой школе экономики, поскольку проблема государственного регулирования никогда не выходила из поля зрения немецких экономистов. Примером служит Берлинская экономическая школа, где, собственно, и появилась категория «хозяйство». Категория «хозяйство» сначала появилась в немецкой экономической школе, а затем перешла в российскую. *То есть можно выделить некую российско-немецкую парадигму в экономической науке, где категория хозяйства имела особое значение.* Это связано с тем, что наличие государственного регулирования экономики и большой массив мобилизационной экономики всегда присутствовали в России и в определенной степени в Германии. Возможно, это вызвано постоянными войнами, континентальным расположением. Геополитически Германия — центр Европейского континента, а Россия — центр Евразийского континента. Этим хочу подчеркнуть, что философия хозяйст-

ва в конце XX в. появляется не случайно, а является мощным ответом на социальный заказ.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: А на сколько вы здесь усматриваете преемственность позиций Ю.М. Осипова и С.Н. Булгакова?

А.И. СУБЕТТО: *Преемственность я усматриваю в том, что хозяйство, осмысление его проблемы, выводится за пределы экономической науки.*

В.В. ЧЕКМАРЕВ: То есть вы разделяете понятия «экономика» и «хозяйство»?

А.И. СУБЕТТО: Я считаю, что «хозяйство» как категория шире по смыслу, чем категория «экономика», но *внутри категории «хозяйство» есть экономическая категория «хозяйство»*. То есть существует экономическая категория «хозяйство», которая имеет право быть рассмотренной внутри экономической науки и экономического мышления. И есть часть смысла категории «хозяйство», которая выводится за пределы экономической науки особенно в начале XXI в.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Я с Вами согласен, но в этом контексте возникает интересный вопрос. Когда мы говорим о доэкономической, экономической и простэкономической формациях, не есть ли это синоним доиндустриального, индустриального, постиндустриального общества?

А.И. СУБЕТТО: Я не исповедую эту логику, потому что в ней, в этой постановке, присутствует логика с правом исключенного третьего. Каждое общество заменяет предыдущее. На самом деле индустриальное общество остается базисом того, что мы называем постиндустриальным обществом, оно как бы остается ядром постиндустриального общества, правда, в новом качестве. Это и есть тот вид отрицания, который Маркс назвал диалектическим снятием.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: А что Вы вносите в понятие «постэкономическое»?

А.И. СУБЕТТО: Тут несколько другая логика. Постэкономическое общество — это общество, в котором происходит радикальное изменение механизма функционирования стоимости капитала и денег. *В постэкономическом обществе деньги в классическом варианте исчезают. Иными словами, это пострыночное общество, с постменовыми отношениями.* Деньги исчезают потому, что перестают быть эквивалентом меновых отношений. На мой взгляд, меновые отношения уже сейчас исчезли процентов на 70—80.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Дискуссионно.

А.И. СУБЕТТО: Дискуссионно, я согласен.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Вопрос вот в чем. При определении институтов экономики и финансов можно говорить о том, что финансы выводятся

из поля экономики и приобретают самостоятельность, и когда мы говорим о международной экономике, мы должны все время говорить прежде всего не о рыночных сферах, а, скорее всего, о финансовых.

А.И. СУБЕТТО: Давайте тогда немножко вернемся к смыслу категории денег. Когда мы говорим о деньгах, мы имеем в виду прежде всего экономическую суть, а не бумажную. И природа денег, ее генезис, связана прежде всего с меновыми отношениями. Это была революция — меновые отношения получили абстрактно-формализованный характер, носителем которого являлись деньги, выполнявшие функцию эквивалента до тех пор, пока был рынок товаров в его чистейшем виде, где субъектами рынка выступали только производители. *Потеря деньгами функции всеобщего эквивалента началась с конца XIX в.* Можно говорить о революции, растянувшейся на век, и мы живем во время, когда деньги перестали быть эквивалентом, а стали формой бытия финансовой капиталократии. То есть *функция эквивалента «ушла в подвал» и реализуется на последней стадии.* Фактически деньги стали носителем неэквивалентных отношений. *Эквивалентность исчезла с ростом финансового капитала.*

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Спорно, что она вообще когда-либо была.

А.И. СУБЕТТО: Любая идеализация спорна. Отклонение от идеала всегда есть. Деньги выполняли функцию эквивалента до тех пор, пока соблюдалась пропорция производства.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Александр Иванович, не кажется ли Вам, что функцию эквивалента в обменных отношениях, в распределительных отношениях, что не одно и то же, но близко, выполняли не собственно деньги, а власть? Властные отношения, которые прикрывали неэквивалентные отношения функцией эквивалента, которую якобы деньги выполняли. Экономическая теория пыталась идеологически оправдать властное поведение, затуманивая сущность явления формой явления, которая называлась эквивалентностью денег.

А.И. СУБЕТТО: Скорее это возмещающий фактор (который отклоняет идеальный образ от реального). Он не был главенствующим, хотя он играл определенную роль, а теперь стал доминирующим.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Все-таки те деньги, которые исторически появились как товар, опосредующий обмен, фактически получили изложение в экономической теории в ином контексте. Те экономисты, которые опосредовали место денег в обществе, существовали в рамках политэкономической теории, а не экономической теории. В этой части они, волей-неволей, выполняли идеологическую функцию.

А.И. СУБЕТТО: Я не согласен. *Политэкономия и экономическая теория не могут избавиться от идеологической функции.* И это та

особенность экономической науки, от которой, повторяю, мы избавиться не можем. Для того, чтобы она обрела свои собственные основания, она должна принять это как факт и *ввести целую систему принципов дополнения, то есть должна возникнуть система рефлексии по поводу наблюдателя-теоретика, который разрабатывает экономическую теорию. Мы каждый раз должны высвечивать идеологический фактор, который деформирует соответствующую модель, и когда мы введем «принцип большего дополнения», получим неклассическую науку и выйдем на новый пласт философии.* Здесь философия должна выполнить роль чистильщика по аналогии с критикой чистого разума Канта. Иными словами, появится то критическое начало, которое высвечивает позицию экономического наблюдателя в *экономическом пространстве* и показывает, чьи интересы он отражает и как эти интересы переходят в соответствующую модель. Это сможет внести корректирующее начало. Мы поймем, где мы находимся и почему экономическая наука не может дойти до закона.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: В чем хотелось бы определиться. Когда С.Н. Булгаков развивал проблему философии хозяйства, мне кажется, что он под хозяйством понимал все то, что мы сегодня относим к экономике. Экономика тогда в понятийном аппарате не была столь зрелой. Сегодня, когда Ю.М. Осипов говорит о философии хозяйства, он целенаправленно отделяет хозяйство от экономики и выделяет проблемы философии хозяйства. В чем вопрос? Следует ли наряду с философией хозяйства говорить о философии экономики и философии производства или это «матрешки», которые лежат в рамках философии хозяйства?

А.И. СУБЕТТО: Я считаю, что следует говорить о философии хозяйства, философии экономики и о философии экономической науки.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: А о философии производства?

А.И. СУБЕТТО: Можно выделить.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: В рамках философии хозяйства или параллельно?

А.И. СУБЕТТО: Это параллельное, самостоятельное направление. Я думаю, что родовым понятием философии хозяйства является природопользование.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Но тогда философия экономики есть философия создания искусственной среды.

А.И. СУБЕТТО: Человек природу потребляет, хорошо или плохо, в зависимости от технологии и тех систем, которые перерабатывают и преобразуют в искусственный мир, в техносферу. Форма преобразования природы зависит от формы хозяйствования. Главным категори-

альным отличительным типом «хозяйствования» в XXI в. является энергетический тип кризиса взаимодействия человека с природой, который перешел в первую фазу Глобальной экономической катастрофы.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: А может быть информационный?

А.И. СУБЕТТО: Речь идет о кризисе энергетическом, а информация есть отражение энергетических отношений. *Энергетика является критическим началом, которая или обеспечивает жизнь, или не обеспечивает.* Есть «пирамида» бытия. Ей соответствует хозяйство человека на Земле. «Волны развития»: от вещественной к энергетической, от энергетической к высокоинтеллектуальной.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Информация не несет в себе энергию, а энергия несет информацию.

А.И. СУБЕТТО: Информация всегда несет в себе энергию. Это осознал В.И. Вернадский, введя понятие энергии культуры. Третья волна — это интеллектуально-информационная.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Тогда это еще более сложный процесс.

А.И. СУБЕТТО: Энергия есть мера движения или потенциал. Почему энергетика? Потому, что *гомеостаз механизма устойчивости природы, который позволяет говорить о биосфере и о Земле как о суперорганизмах, в первую очередь реализуется по энергетическим константам. А управление сопровождается передачей информации.* Как только мы переходим к управлению, информация становится ведущей. Природа обладает энергетическим потенциалом, компенсирующим природоразрушающую функцию человеческого хозяйства. Причем потенциал энергетике биосферы на несколько порядков больше, чем внутренняя энергетика хозяйства. В XXI в. произошла энергетическая революция, и мы стали по потенциалу энергетике хозяйства приближаться к способности биосферы компенсировать разрушительную функцию. Баланс уже нарушен, и, по моей оценке, мы находимся в первой фазе Глобальной экологической катастрофы. Речь идет о нарушении информационно-энергетического баланса. Что же такое информация при информационно-энергетическом дисбалансе? Когда мы говорим слово «информация», то должны пояснить, о чем идет речь. Мы с информацией должны разобраться и отказаться от информационного фетиша. Информации (по качеству) в голове человека столько, сколько ее необходимо для качественного управления ситуацией, качественного преодоления кризиса. Если информация не переходит в качество управления, значит она не информация, а информационный «шум». Создается информационный «шум», понижающий качество управления. Тогда информационно-энергетический дисбаланс еще

более усугубляется, растет стихийность. *Стихийная форма хозяйствования ведет человечество к самоуничтожению.*

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Информация не может создавать «шум». Это человеческий ум не может выбрать из него объема информации необходимую ему часть и находится как бы в «шуме».

А.И. СУБЕТТО: Понятие «шума» возникло в физике. «Шум» возникает, когда распределение размазано равномерно по определенному объему. Фильтрацию полезного сигнала сделать очень трудно, если имеется равномерное распределение (пики распределения небольшие). Есть «белый шум», где нет полезного сигнала.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Среда упорядочивает без нас.

А.И. СУБЕТТО: «Шум» всегда есть, но по отношению к «шуму» возникают полезные сигналы, которые выходят за пределы «шума». Тогда возникает проблема узнавания этого сигнала. Это связано со способностью фильтра. Чем больше «шума», тем сигнал становится более узнаваемым. Информационный «шум» — это наличие громадного количества бесполезной, ненужной информации. К этому следует добавить, что рынок способствует производству со стороны конкурентов ложной информации в рамках конкурентных информационных войн, еще больше понижая качество общественного интеллекта.

ЧЕКМАРЕВ В.В.: Фильтром является образование. Оно упорядочивает информацию.

СУБЕТТО А.И.: В социальном аспекте фильтрами являются образование, наука, квалификация, профессионализм. Дальше мы начнем с того, что есть целевые фильтры, связанные с теми целями и задачами, которые ставит перед собой орган управления — групповой или общественный интеллект.

ЧЕКМАРЕВ В.В.: Если мы считаем образование и науку фильтрами, то постановка проблемы философии хозяйства должна быть определена и положительно оценена. Должна стоять еще одна задача — создавать научное осмысление и формирование философии экономики и производства. Если мы не будем одновременно формировать этот тип философии, то философия хозяйства — только первоначальный шаг, необходимый, но недостаточный.

СУБЕТТО А.И.: Как-то ехал в поезде и размышлял о соотношении категорий «хозяйство» и «экономика». Во-первых, категория хозяйства — экономическая категория. Но все-таки экономическую науку мы можем богаче построить на основе принципа дополнения. Если взять в качестве ключевой категорию хозяйства, то выстроится определенным образом новая категориальная система экономической науки. Она по своему может расставить субординацию в системе экономических по-

нятий и категорий, работающую на хозяйство. При этом, категория финансов окажется категорией третьего или четвертого уровня субординации.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Но какие условия должны соблюдаться при этом?

А.И. СУБЕТТО: Необходимо создать хозяйственную теорию экономики. В ней «хозяйство» — категория № 1. Возьмем категорию финансов в качестве ключевой и выстроим категориальную цепочку. Здесь, наоборот, категория хозяйства окажется на третьем-четвертом уровне субординации. Это будет финансово-монетарная теория. Третий вариант: я возьму в качестве ключевой категорию производственного капитала. Получится производственная теория, которая близка к теоретической истории Маркса. Над этими теориями я выстраиваю метаструктуру, вводя систему принципов дополнения. Это будет то, что нужно. Потому что сейчас получается борьба с ветряными мельницами. «Ветряные мельницы» — это «парадигмы», за которыми нет метарефлексии над ними и не развита рефлексия над позицией наблюдателя с его экономическими интересами и идеологией по ограничению экономической реальности.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Как Вы считаете, энергия и информация имеют признаки памяти и наследственности? Какая может быть память у информации, можем ли мы говорить о генетике информации?

А.И. СУБЕТТО: Сама информация является носителем системы генетических процессов. Для того чтобы понять, о чем идет речь, мы должны определиться с категорией «информация». Одно из определений: информация есть вероятностная форма идентификации сведений, проходящих по каналам управления. Идентификация — это искусство определения информации. В антологическом, бытийном понятии — информация есть отображение многообразия. Информация присутствует везде. Мир соткан из информации. Информация, поскольку она — отраженное многообразие, есть отраженная структура, она структурно организована.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Получается, что информация — синоним материи?

А.И. СУБЕТТО: Информация — синоним отраженной материи. Любая структурная организация материи включает в себя идеальную форму информации, которая фактически присутствует как процесс управления.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: Но материя вещественна, а тут выходят на передний план не вещественные особенности информации?

А.И. СУБЕТТО: Сейчас взгляд на материю меняется, есть все больше данных, что вещество артефакт. На самом деле частица вещества есть волна. И тогда мы приходим к понятию полевой субстанции, а вещество — особая ее концентрация. Энергетика в этом плане выступает мерой сжатия субстанции: чем больше сжатие, тем больше скорость обменных процессов. Информация присутствует здесь в виде отраженной структуры. *Фактически онтологическое понятие информации приводит к онтологическому понятию управления.* Информации столько в материи, сколько в ней присутствует управления — управления по отношению к эволюции материи.

В.В. ЧЕКМАРЕВ: А не верна ли такая логика: первичное состояние всего субъекта — информация, средство передачи — энергия, форма существования — материальная и нематериальная? Первична не материальная а информационная?

А.И. СУБЕТТО: Если исследовать гипотезу бога, то такая логика имеет место. Таких построений может быть огромное количество — как говорят математики, $n+1$ построений. Первое построение — матрично-информационная онтология бытия, где эта матрица играет в игры и создает каждый раз свою Вселенную. Это теория Наликина. Потом возникла информациологическая теория президента Академии информатизации Юзвизиной, который предложил науку «информациологию». Я придерживаюсь диалектического материализма в новой, ноосферной, парадигме XXI в., в которой информация, идеальное по-является, как свойство материи, и материя «оразумляется» в том числе через человеческий фактор.

П.П. ЖУЛИКОВ

Философия хозяйства. Взгляд со стороны

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние хозяйства вообще и экономического хозяйства в частности в индустриальном векторе развития. За точку отсчета принимается наш Мир на этапе зарождения и развития Постмодерна, когда Мир еще не до конца вышел из Премодерна и основательно погряз в Модерне. Анализируются: причины гонки за ценностями экономизма; позиции науки, которая активно обслуживает экономизм; скромные позиции философии и роль философии хозяйства на современном этапе развития.

Ключевые слова: хозяйство, философия хозяйства, желание выжить, кризис.

Abstract. In this article describes the current state of the economy in General and economic management in particular in industrial vector development. Past the point of reference is our World at the stage of the start-up and the Postmodern's development when the World is not until the end of Premodern and badly behaved Moderne. Analysed causes race for values of economism; the position of science, which actively serves economism; modest position of philosophy and the role of philosophy of economy at the present stage of development.

Keywords: economy, philosophy of economy, the desire to survive, crisis.

Настоящая статья — это скорее не научное исследование, а предтеча к таковому. Это более подготовка читателя, да и разминка собственных нейронов для длительной и, возможно, скандальной дискуссии о проблемах современной экономики, о философии и, наконец, о философии хозяйства. Хотя, говоря откровенно, именно ряды нее, ради философии хозяйства, и поднимается настоящая тема.

Так что же такое *философия хозяйства* на современном этапе развития? Попробуем посмотреть на проблему как бы со стороны, так сказать свежим взглядом и попытаемся разобраться в причинах современного отторжения философии хозяйства и замалчивания этой новой развивающейся науки, в искажении ее основных положений. Причем попытаемся сделать это в реальных отрезках времени, поэтому начнем эту работу с современного этапа нашего бытия.

Современный этап бытия — это кошмарная солянка из очень большого набора взаимосвязанных и переплетающихся факторов. И в самом приближенном виде его, наше бытие, можно представить как²:

- Постмодерн — для, так называемой, продвинутой части мирового сообщества, которая определяется условной величиной в 1 млрд населения;
- Модерн — для развивающихся экономических и географических территорий, на которых условно число проживающих оценивается в 2 млрд человек;
- Премодерн — для всех остальных.

Следует отметить, что принадлежность того или иного общества к Постмодерну или другому экономическому этапу развития определя-

² Классификация эпох развития человечества основана на подходе профессора Ю.М. Осипова (см.: [1]).

ется, в первую очередь, потреблением и производством, а уже потом отношением к той или иной экономгеографической территории, будь то союз государств или отдельное государство.

Для облегчения понимания поднимаемой проблематики сделаем некоторые пояснения. В данной работе в качестве основных хозяйствующих объектов мирового хозяйства рассматриваются экономгеографические территории: отдельные государства, государственные союзы с близкими экономическими параметрами производства и потребления, транснациональные корпорации, контролирующее экономическое хозяйство одного или нескольких государств. В качестве основных субъектов рассматриваются: мировое сообщество, т. е. все население планеты; экономгеографические подсообщества, т. е. население союзов государств и государств; общества регионов, национальностей и т. д.; Человек.

Нетрудно заметить, что внутри любой, даже очень продвинутой экономгеографической территории, в подсообществе или обществе одновременно проявляются все три этапа экономического развития, т. е. реальное бытие человеческое во всех экономических образованиях определяется всеми тремя этапами одновременно. Ни человек, ни общество не могут замкнуться в каком-то одном этапе, и одновременно существуют и хозяйствуют во всех трех.

Поэтому вопрос определения принадлежности сообщества к тому или иному этапу экономического развития весьма проблематичен, но для продолжения настоящего исследования можно применить следующую классификацию:

- для экономгеографических территорий, позиционирующихся в Постмодерне, около 70% населения хозяйствуют в Постмодерне, около 20 — в Модерне и около 10% — в Премодерне;
- для экономгеографических территорий, позиционирующихся в Модерне, около 10 % населения хозяйствуют в Постмодерне, около 40 — в Модерне и около 50% — в Премодерне;
- для экономгеографических территорий, позиционирующихся в Премодерне до 5% населения хозяйствуют в Постмодерне, до 20% — в Модерне и около 75% — в Премодерне.

Приведенные оценки не претендуют на точность, хотя и получены в результате обработки большого массива доступных в сети Интернет выборок, и отклонение от реальных величин не превышает 5%. Для настоящего исследования это отклонение вряд ли можно считать принципиальным, поскольку здесь приводятся более качественные оценки, чем количественные. Вышеприведенная классификация по-

звolyет тем не менее проиллюстрировать посылку о том, что на современном этапе развития все мировое сообщество и подсообщества, привязанные к экономгеографическим территориям, неоднородны в первую очередь в потреблении, и во вторую — в производстве благ. Очевидно, что цели и задачи бытия в таких подсообществах и обществах разнятся, но насколько и как, уточнять пока не будем, поскольку в этой вступительной к большому разговору статье преследуется лишь цель привлечения внимания к этой проблематике.

Таким образом, повторив известную истину о том, что мировое сообщество неоднородно и хозяйствует одновременно в различных эпохах, и проиллюстрировав это вышеприведенной классификацией, мы попробуем разобраться в общих для всего мирового сообщества и подсообществ мотивах бытия, несмотря на огромные различия в этих подсообществах в потреблении и производстве базовых материальных ценностей, в культуре и образовании и многих других параметрах.

Оттолкнувшись от современных представлений философии хозяйства (по Ю.М. Осипову³), выделим основные и общие, по крайней мере, для разумного большинства, которое составляет приблизительно процентов девяносто мирового сообщества, жизнеотправляющие позиции хозяйствования:

- желание выжить (желание выжить и быть уверенным в завтрашнем дне, т. е. уверенным, что завтрашний день не будет апокалипсисом);
- желание понять суть и смысл своего выживания — бытия.

Хотелось бы подчеркнуть ролевое значение этих двух основных и взаимосвязанных желаний, которые легко подразделяются и структурируются по мере перехода любого общества в следующую эпоху развития. Внутри этих желаний, опираясь на классическую философию, можно продолжать, расширять и преобразовывать перечень мотиваций. Можно приводить известные или строить новые теории мотивации жизнеотправления, но суть от этого изменится мало, все остальные мотивации являются производными от этих двух. Обобщая известные положения, можно констатировать, что человек — как член мирового сообщества любой формы, как персоналия — стремится выжить лично, чем способствует выживанию видовому, т. е. выживанию своего общества, экономгеографического подсообщества и всего мирового сообщества. При этом интересы каждого объекта выживания при всей своей схожести могут быть весьма различны и даже противоположны, а в историческом плане всегда прав тот, кто выжил.

³ См., напр.: [2].

Здесь следует отметить очень интересную, хотя и не совсем приятную истину о том, что более крупное сообщество для сохранения своего благополучия всегда готово пожертвовать интересами меньшего сообщества, причем легкость принятия такого решения увеличивается с уменьшением удельного веса подобщества. Так, мировое сообщество может пожертвовать в пользу мирового интересами экономгеографического, легко жертвует интересами национального и никогда не учитывает интересы личности. Подсообщество может пожертвовать интересами одного из своих обществ и манкирует интересами личности. Общество допускает жертву личности, а семья как самая малая или элементарная ячейка борется за каждую личность. Понятно, что и отношение личности к каждой верхней структуре не может быть одинаковым и рефлекторно отражает отношение к нему верхних структур.

На этих отношениях строятся все теории хозяйствования, начиная от теории натурального (эпохи Премодерна) до постиндустриального (эпохи Постмодерна). При этом наблюдается поразительный парадокс: личность всегда стремится постигнуть смысл своего бытия — понять идею своего жизнеотправления и целеполагания, т. е. для чего она — личность — пришла в этот мир; получить новые знания и каким-то образом довести эти знания до общества, для которого интересы личности второстепенны. Общество стремится накопить критическую массу результатов хозяйствования личности, сохранить свое статус-кво, отторгнуть личность, а когда личность исчезает и общество становится единственным хранителем знания, оно канонизирует ушедшую в иной мир личность.

Этот феномен лежит в основе любого хозяйствования вообще, а в экономическом хозяйстве гиперболизируется: личность стремится довести до общества свои знания, а общество на данный конкретный момент их отвергает. И вот именно такая схема, весьма трагическая, выстроилась и стала развиваться в капиталистической экономике, когда общество стремится к обладанию максимумом благ, а человек задумывается о своем бытии, о философии своего хозяйства.

Вышесказанное позволяет сформулировать очень важную и вполне очевидную посылку — смертный человек хозяйствует, создает блага в постоянном водовороте противоборствующих стихий: метафизики и физики, и для него обе эти стихии суть реалии, а бессмертное общество, сохраняя эти блага, ставит под сомнение достоверность обеих (или одной из стихий).

Метафизика — это детище философии, она трансцендентальна, недоказательна, не подвластна человеку плотски хозяйствующему, она лишь изредка отрывает свои тайны человеку созидающему, творящему

му, она софийна. Метафизика не отрицает физики и даже соглашается, что физика сильнее в конкретных отрезках бытия в координатах времени и пространства. Метафизика подталкивает физику к разгадкам таинства Природы, Мироздания.

Физика — это детище науки, она имманентна, диалектична, доказательна, подвластна человеку, она сама детище человека, она подтверждает, подчеркивает его значимость как демиурга. Физика отрицает все, что выходит за рамки диалектики и боится софийности, но никогда до конца ее не отвергает, поскольку сотрудничает с Абсолютом, который произрастает из трансцендентного, т. е. вполне софийного.

Таким образом, за точку отсчета для дальнейших рассуждений мы принимаем наш мир на этапе зарождения и развития Постмодерна, мир еще не до конца вышедший из Премодерна и основательно погрязший в Модерне. Нестабильное бытие человека и человечества, т. е. общества, можно очень условно рассматривать как сбалансированное, а точнее находящееся в метастабильном состоянии с очень выраженным деферентом к нестабильности. Общество в своем большинстве вовлечено в гонку за ценностями экономизма, а точнее торжествующего капитализма. Наука активно обслуживает экономизм, а философия робко отмалчивается.

Именно в этот период, пренебрегая последствиями, С.Н. Булгаков решил подарить человечеству новые знания в виде философии хозяйства, обогнав своим начинанием почти на век творческое сознание активной части того общества. Сегодня трудно определить, как тогда, в начале XX в., Булгаков заметил, а возможно, и просто почувствовал, ту самую утонченную экономическую рефлексю, напряженное экономическое самосознание, толкающее человечество в бездну экономического бытия. И не просто заметил, но и осознал, что экономический материализм пытается прикрыться философским знаменем материализма и механистического мировоззрения и представляется их разновидностью, внедряя в сознание человека свои величины: хозяйственные функции человека, его хозяйственного бытия, понятия хозяйствования. Интересно, что многие и сегодня, не вникая в подробности проблематики философии хозяйства, с легкостью принимают эти категории как истину. Булгаков еще тогда увидел и понял, какая бездна раскрывается перед человечеством, смог, набрался мужества заявить, что «в философском и научном смысле для экономического материализма (как и вообще для экономизма) понятие хозяйства само является столь же неизвестным, как и все, им объясняемое: *X* здесь заменяется *У*, и только» [3]. Однако то, что увидел, осознал и предложил великий уче-

ный, общество восприняло весьма прохладно, и тема эта так и осталась нераскрытой еще на семьдесят лет.

И сегодня, вспоминая слова С. Булгакова: «Философия хозяйства, которая, как ни странно должно это казаться в век экономизма, не находит себе должного внимания ни среди философов, ни среди экономистов, между тем как имеет одинаковые права на внимание и тех, и других» [3], остается только повторить, что это действительно странно было и тогда, и куда более странно сегодня: ни философы, ни экономисты по-прежнему не очень-то интересуются этой темой. Анализируя причины такого феномена, нетрудно заметить, что в эпоху Модерна, в процессе развития индустриального и особенно в эпоху Постмодерна — постиндустриального общества — происходят неадекватные деформации самого общества, и оно, общество, приобретает другие, апокалипсические, мировоззрения и совершенно иные черты. Общество становится не сакральным хранилищем творений и знаний человека, а концентрационным лагерем, если не тюрьмой, ограждающей общество от камикадзе-одинок, т. е. творческих личностей.

Современный антагонизм между обществом и человеком свободным и творящим достиг если и не предела, то величины не просто большой, а критической, угрожающей случайному равновесию. Экономические кризисы, захлестнувшие мировое постиндустриальное сообщество в 1980-е, несколько притормозили, а совсем не остановили распад так называемого «социалистического лагеря», который это сообщество поглощало по кускам в течение почти двадцати лет. Поглостило почти все, а из своих проблем не вышло, и только еще более увязло в экономизме, и современный кризис (2008) — это только предтеча новых приступов того кризиса 1980-х. Россия, а точнее Советский Союз, втянутый в кризис 1980-х через нефтяную трубу, развалился, как карточный домик, и хотя Россия и стала как-то выравнивать свое экономическое состояние, до настоящего выздоровления еще далеко, и методы лечения для этого нужны иные. Общество неограниченного потребления спряталось под зонтиком идеологии неконтролируемого спроса и наивно стремится стабилизировать свое теперешнее состояние, защищаясь от новых знаний. Политика явно страусиная: голову в песок — ничего не вижу, мол, не знаю и знать не хочу, авось пронесет — и так будет всегда или достаточно долго, а это «долго» определяется веком правящей группы. Общество, тяготея к такой вот стабилизации, игнорирует *человека творящего* и ограничивает все его публичные прорывы. Справедливости ради следует заметить, что такие консервативные тенденции присутствовали всегда и в любом обществе, тем более в сообществе, и в основе этого лежит баланс интере-

сов правящих групп, однако в настоящее время подобный консерватизм становится агрессивным.

Исправить ситуацию трудно, но вполне реально, и для этого есть инструментарий в виде философии хозяйства, который не просто поднял, но и принципиально обновил Ю.М. Осипов и что — весьма знаменательно — опять-таки в стенах Московского государственного университета. Поднял и удивился тому, что общество, нуждающееся в новой идеологии для обеспечения своего выживания, совершенно не заинтересовано в этом новом знании.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI в. — 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Под ред. Ю.М.Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.
2. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства: Учебн. пособ. М., 2005.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
4. *Тотов Л.А.* Метафизика хозяйства и диалектика бесхозяйственности / Философия хозяйства. № 3.

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

А.Г. ДУГИН

Мартин Хайдеггер, другое Начало и возможность русской философии

Аннотация. В статье дается анализ возможности русской философии и рассматривается ее связь с западноевропейской философией. Утверждается центральное значение историко-философской телеологии и голографических схем для открытой перспективы вступления русских философов в герменевтический круг западной философии. Разбирается историко-философская концепция Мартина Хайдеггера и ее основные моменты. Подчеркивается значение «другого Начала» для общих философских взглядов Хайдеггера. Рассматривается вопрос о том, как сам Хайдеггер понимал свою роль в ходе развития историко-философского процесса. Делается вывод о фундаментальном значении философии Хайдеггера для нового этапа развития русской философии XXI в.

Ключевые слова: Хайдеггер, другое Начало, первое Начало, бытие, Dasein, русская философия, история философии, голография, Платон, Аристотель, Гегель, Конец философии, нигилизм, ничто.

Abstract. The article analyses the possibility of Russian philosophy and its link to the west-European philosophy. The author argues on the primary importance of historic-philosophical teleology and the holographic schemata for the open perspective of Russian philosophers to enter the hermeneutic circle of Western philosophy. The model of historical-philosophical process of Heidegger is analysed in its essential moments. The importance of the «other Beginning» concept of Heidegger is stressed. Heidegger's self-consciousness of his role in the course of philosophical process is considered. The conclusion is the affirmation of the central role of Heidegger's philosophy for the new phase of philosophical researches in Russia in XXI century.

Keywords: Heidegger, the other Beginning, the first Beginning, objective reality, Dasein, Russian philosophy, history of philosophy, holography, Platon, Aristotle, Hegel, the end of philosophy, nihilism, nothing

Возможность русской философии

Сегодня довольно остро стоят вопросы: что такое русская философия? была ли она? есть ли она сейчас? будет ли она завтра? Но есть

вопрос еще более глубокий: *а возможна ли вообще русская философия?* Вопрос звучит странно и парадоксально, но мы нередко сталкиваемся с явлениями, которые де-факто существуют, но их смысл, содержание, оправданность и органическая структура остаются проблематичными. При ближайшем рассмотрении такие явления оказываются не тем, за что они себя выдают, но симулякрами, подделками, смутными «копиями без оригинала» (Ж. Бодрийяр) [1]. Они «есть», но они невозможны. Их онтология коренится на недоразумении, на подделке, на дисгармоничном сдвиге. Питирим Сорокин описывал подобные явления в социальных системах как «общество-свалка» («dumping ground society») [2]. Освальд Шпенглер прибегал в подобных случаях к образу «псевдоморфоза» [3] (в геологии так называется особое минеральное образование, в естественный процесс кристаллизации которого вмешиваются непредвиденные гетерогенные факторы — например, лава извергающегося вулкана и т. п.).

Поэтому вопрос о *возможности* русской философии вполне легитимен. То, что мы привычно называем этим именем, может оказаться именно симулякром или псевдоморфозом. А может и не оказаться. В любом случае, чтобы всерьез обосновать возможность русской философии, надо сделать определенное усилие. Это усилие тем более необходимо, что даже самый оптимистичный взгляд на русскую философию не может игнорировать ее достаточно позднее появление в русской истории и серьезный перерыв в ее существовании в XX в., когда она, если и не исчезла окончательно (не успев по-настоящему начаться), то изрядно исказилась в марксистской догматике.

Если русская философия как таковая есть, то она существенно повреждена исторически и требует реанимации. Если вместо нее мы имеем дело с бледным начальным мерцанием, с наброском, то тем более необходимо обратиться к ее предпосылкам, к области ее возможности. Тем более требуется ее обоснование и затем возвращение на те стартовые позиции, с которых может начаться не простой и не столь очевидный процесс философии в контексте самобытной русской культуры.

Корреляция русской философии с западной

Русская философия (или ее симулякр) возникла как *реакция на европейскую философию*: от нее она отталкивалась, с ней соотносилась, в ней искала источники вдохновения, с ней спорила, ей подражала, ее опровергала и развивала. Какие бы аспекты русской философии ни затрагивались, мы обязательно будем иметь дело с ответом на вызов, с реакцией, с осмыслением тезиса (теории, системы, школы, идеологии), пришедших в Россию с Запада. Даже в том случае, когда русские мыс-

лители стремились или по настоящему были в чем-то оригинальными, сама эта оригинальность проявлялась в форме контраста с философией Запада, сопоставления именно с ней. Подражали ли русские мыслители Европе или отвергали ее, но они именно с ней соотносились, и в качестве тезиса брали ту или иную философскую теорию или совокупность теорий Запада, отталкиваясь от которых, разворачивали собственные соображения.

Это обстоятельство заставляет нас для понимания русской философии XIX—XX вв. обращаться к соответствующим европейским философским контекстам. Возможность русской философии неразрывно связана с реально существующей и развивавшейся по автономной логике западноевропейской философией. Актуальность западной философии была потенциальностью философии русской. Эта корреляция является фундаментальной. Но интерпретирована она может быть по-разному.

С одной стороны, это может означать, что русская философия является ответвлением западноевропейской философии, ее поздним и специфическим побегом (отростком). С другой стороны, можно расшифровать это потенцирование как ответ на вызов, т. е. как вынужденно оборонительный жест, направленный преимущественно против западной философии (как у славянофилов и, частично, у русских марксистов). В то же время можно рассмотреть ее как «псевдоморфоз» Шпенглера, т. е. как результат гетерогенной и неорганичной прививки (полунасиленной-полудобровольной) одной культурной формы к другой, совершенно ей не соответствующей. И, наконец, такая корреляция может быть рассмотрена как форма культурной экспансии, попытка духовной колонизации Западом русского общества через инсталляцию своего рационального культурного кода, облегчающего отправление реальной власти и обеспечивающего контроль западного общества над русским обществом.

Во все случаях русская философия соотносилась и соотносится с западной философией, и нет никаких оснований для того, чтобы предположить, что в будущем это будет не так.

Момент развертывания западноевропейской истории философии

Западноевропейская философская мысль представляет собой динамический процесс. Этот процесс может быть реконструирован и тем более интерпретирован по-разному, но никто не берется опровергать, что история западноевропейской мысли проходит в своем становлении определенные сменяющие одна другую фазы, в рамках которых доминируют те или иные философские парадигмы (подобно вскрытой Т. Куном смене парадигм в научном знании [4]). Эти фазы — как бы

мы их ни определяли — представляют собой связанные системы, которые как круги на воде расходятся вокруг той или иной школы или личности, пересекаются, конфликтуют друг с другом, образуя определенный интеллектуальный узор [5]. Этот узор составляет общую структуру истории философии как *истории западноевропейской философии*. И если о параметрах этого узора ведутся бесконечные споры, никто не ставит под сомнение сам факт наличия этой истории. Западно-европейская философия представляет собой историческое явление, где мы ясно различаем Начало (досократики, Античность), фиксируем дальнейшие эпохи от Платона и Аристотеля к Средневековью, Новому времени и так вплоть до современной эпохи Постмодерна.

Русская философия в своей возможности быть имеет дело с историческим процессом, с исторической структурой, имеющей глубокие корни и вполне определенные очертания. Ветви единого дерева непрерывно растут, но структура дерева философских знаний остается в целом постоянной. Поэтому русская философия не может ограничиться контактом (резонансом/диссонансом) с каким-то моментом становления западноевропейской философии, с той или иной частной школой, с той или иной ветвью, направлением, траекторией мысли. Чтобы *быть*, русская философия должна отнестись *ко всей истории философии целиком*, и имея дело с любым ее моментом, сопоставить себя с динамическим и открыто развивающимся целым.

Становится очевидным, что западноевропейская философия в таком случае должна быть представлена русскому обществу в виде *истории философии*, т. е. той или иной схематической теории, обобщающей западноевропейский философский процесс. Это не только облегчит для русских знакомство с отдельными его моментами, но и вообще сделает знакомство с частным возможным — через сжатую схему целого, дающего горизонт смысла фрагментам.

Это обстоятельство объясняет факт чрезвычайной популярности в России Гегеля — создателя одной из самых емких и панорамных алгоритмов истории философии. Более того, возможно, именно впитанный Марксом гегелевский подход и стал основанием для широкой популярности марксизма в России. Через Маркса и Гегеля русские знакомились сразу со всей западноевропейской философией, раскрытой в ее структуре на примере простой для понимания диалектической схемы. И та же причина лежит в основании недооценки Канта и кантианцев, которые не предложили компактной историко-философской модели. Кант для русского сознания остался лишь моментом философии. Гегель же претендовал на то, что, представляя момент философского процесса, воплотил в этом моменте (особом, эсхатологическом и телеологическом) смысл истории философии как всеобщей истории.

Это замечание чрезвычайно важно для понимания сути русской философии. Когда русские захотели (захотят) войти в процесс философии, они вынуждены были (будут) входить не в философию, а в историю философии, и им был (будет) необходим не только ее момент (конкретная школа, концепция, идея), но и краткое изложение предшествующих фаз процесса, причем именно философское, концептуальное его изложение. Осмыслив весь историко-философский процесс целиком, можно соучаствовать в нем. Важно не просто впрыгнуть в «волшебный трамвай» (Н. Гумилев), но понимать, по какому маршруту, откуда и куда он следует. Поэтому для «прыжка» в философию русским всегда необходима история философии. Только тот момент западноевропейской философии, который будет содержать в себе формулу всей этой философии, сможет стать тем моментом, куда, собственно, русская философия может быть привита или откуда она может взять свой собственный старт (в любом направлении).

Итак, возможностью русской философии является та западноевропейская философия, которая представляет собой одновременно и момент развития этой философии, и повествование об алгоритме (структуре) всей истории философии в сжатом и кратком оформлении.

В XIX в., когда возникло нечто похожее на «русскую философию», самой возможностью ее бытия выступила философия Гегеля с ее подвидом — философией Карла Маркса. Именно гегельянство (и его разновидность — марксистская философия) могут рассматриваться как герменевтическая база, как семантическое целое, послужившие точкой отсчета для «русской философии» в ее первом приближении. И если мы осознаем это, то поймем, почему именно марксизм почти на столетие заворочил русское философское мышление. Именно так, а не наоборот: не тоталитарная политическая система сделала марксизм судьбой русского мышления в XX в., а марксизм как разновидность гегельянской истории философии предопределил тоталитарную политическую систему советского периода. Политика есть следствие философии — обратное же неверно.

Хайдеггер как шанс для русской философии

Последнее замечание хорошо объясняет ретроспективу — почему Гегель и почему Маркс — но не вводит нас в более широкую проблематику: какова возможность русской философии? Так было, и то, что было именно так, чрезвычайно важно. Но вместе с тем, это привязано к историческому моменту самой западноевропейской философии — к тому, когда контакт между русскими и ею самой состоялся. Это предопределило траекторию определенного периода, обнаружило важные закономерности. Закономерности остались (возможность русской фи-

лософии лежит в истории западноевропейской философии — сейчас и всегда), но момент изменился. Поэтому для того, чтобы расширить горизонт от исторического момента до исторической закономерности и чтобы в действительности (здесь и сейчас) эту закономерность обнаружить, необходимо задаться новым вопросом. В то время, когда русские на протяжении почти всего XX в. следовали за марксистской историей философии, не появилось ли на Западе какой-то иной историко-философской версии, которая переосмыслила бы гегелевское наследие или учла бы новые моменты? Только в этом случае, поняв и преодолев гегельянство и марксизм как исчерпавшую себя версию философствования (не ошибочную, а просто иссякшую, в смысле животворных философских сил), мы могли бы повторить *начало* русской философии и доказать ее возможность не в историческом моменте, но в целом, как более общее явление. Нет сомнений, что новых моментов в западноевропейской философии в XX в. было множество — Витгенштейн и структуралисты, феноменологи, и экзистенциалисты. Но все это ничего не говорит русской философии в том случае, если она хочет обосновать свою *возможность* в более широком смысле, нежели развитие одной из ветвей мышления XIX в. С нашим гегельянством (марксизмом) все понятно (понятно ли?), но как нам отнестись ко всему остальному?

Сами мы дать внятный ответ не можем — отбросив марксизм, растерялись, упустили нить, стали хвататься за отдельные разрозненные моменты в хаотической потребности философствовать при отсутствии серьезных оснований для этого. Попытались заявить о себе как о моменте в том процессе, полноценными участниками которого, как выяснилось, не были. Мы попытались проскочить мимо вопроса о возможности русской философии, сделали вид, что можем обойтись и без истории философии (она, действительно, не нужна тем, кто и так есть часть этой истории). Но из этого ничего не вышло.

Сейчас — это очевидно: пытаясь философствовать, современный русский выглядит как дурак. И чем ловчее он подражает тем, кто философствует, тем более он дурак.

Идентификация новой истории философии для русских жизненно необходима. Это и есть обоснование возможности нашей русской философии. Но тут-то и начинаются проблемы. На первый взгляд, XX в. создал множество историй философии — выбирай, не хочу. Но при ближайшем рассмотрении все рассыпается как прах: историй философии не было, были философии истории (К. Ясперс [6]) или просто моменты эпистемологического анализа (М. Фуко [7]). В своем контексте все это было своевременно и содержательно, только не для нас. Для того чтобы войти в герменевтический круг, нам необходима подсказка;

без нее мы оказываемся вне этого круга. Кто-то из западноевропейских философов должен сообщить нам пароль, открыть код, дать нам ключ.

На поверхности это не лежит. Но если мы хотим, несмотря ни на что, обосновать возможность русской философии, нам придется искать именно это — историю философии, вычлененную фундаментальным и «родным» для Запада онтологически репрезентативным мыслителем XX в.

Моя гипотеза состоит в том, что таким мыслителем, создавшим концепцию, адекватную всему историко-философскому процессу западной культуры, является Мартин Хайдеггер. Если эта гипотеза подтвердится, то именно в нем нам предстоит обнаружить и обосновать возможность русской философии — не в ретроспективном, но в перспективном горизонте. Если Хайдеггер станет для нас тем, кем стали Гегель и Маркс в веке XIX-м, то мы получим легитимацию для *второго русского захода* в философию.

Средний Хайдеггер как важнейший элемент в реконструкции истории философии

Возникает вопрос: а есть ли у Хайдеггера история философии? Не является ли его учение лишь моментом в процессе западноевропейской философии, не содержащим в себе емкого изложения структуры самого этого процесса?

Это вопрос может возникать только в связи с одним тонким историко-философским обстоятельством. В наследии Хайдеггера внимание специалистов, как правило, сосредоточено на раннем периоде его философского творчества — на феноменологии и гуссерлианстве [8], кульминацией чего стало его знаменитое «*Sein und Zeit*» [9]. Узкий круг специалистов по Хайдеггеру исследовал также позднего Хайдеггера, преимущественно рассматривая этот период как отход от классического философствования и обращение к мифологии, «мистике» и поэтической герменевтике. Средний же период его творчества, приходящийся на 1930-е гг. и первую половину 1940-х гг., чаще всего выпадал из поля зрения исследователей. Этот период, как правило, толковали как переход от аналитики *Dasein*'а к поздней герменевтике [10]. В такой оптике у Хайдеггера, действительно, трудно найти полноценную историю философии, и его идеи выглядят лишь философским моментом. Но если восполнить этот пробел, учитывая изданные лишь в последние десятилетия, после смерти самого философа, наброски и тексты этой эпохи: «*Beitraege zur Philosophie*» [11], «*Geschichte des Seyns*» [12], «*Uber Anfang*» [13] и т. д., мозаика его мысли складывается в единое целое, и перед нами открывается именно то, что мы искали — хайдеггеровская история философии, причем не менее последователь-

ная и всеохватывающая, чем у Гегеля. Как и любая схематизация, она полна натяжек и обобщений; но это свойство любой редукционистской схемы. Нас же должно волновать лишь одно: сумел ли Хайдеггер отразить в своем творчестве голограмму западноевропейской судьбы?

Если целостно осмыслить все три периода философствования Хайдеггера, мы получим полную картину не просто его философии, но его концепции истории философии, что для нас гораздо важнее. Эта история философия претендует на то, чтобы сказать о структуре всего процесса решающее слово: сам Хайдеггер (как и Гегель) осознает свою философию как «метафизическую эсхатологию» (как он сам пишет в «Holzwege») [14], как выражение той формы, к которой западноевропейский процесс двигался.

Философия вечера

Для Хайдеггера история Запада есть история западной философии. Иначе говоря, философия выражает в себе глубинное содержание всего исторического процесса. При этом Хайдеггер, равно как и Гуссерль и все западноевропейские мыслители, отождествляет судьбу Запада с универсальной судьбой человечества, которое в своем жизненном цикле обречено на то, чтобы двигаться к закату, к «за-паду» своего духовного солнца. Запад есть место заката, там солнце «за-падает», отходит ко сну. Запад по-немецки Abendland — «страна вечера». Вечер есть, в каком-то смысле, эсхатон и телос дневного цикла. В какой бы части дня — утренней или полуденной — мы ни находились, рано или поздно мы столкнемся с горизонтом вечера, с Западом, с закатом. Западно-европейская философия универсальна в том смысле, что все рано или поздно приходит к своему закату [12]. Поэтому тот, кто мыслит о конце, о вечере, о сумерках бытия, тот мыслит не только о себе, но и обо всех, рано или поздно обреченных на достижение этой точки.

Поэтому для Хайдеггера справедлива гомология: мировая история сводима к истории западной культуры и цивилизации; а история западной культуры и цивилизации сводима к истории западной философии. Следовательно, мировая история сводима к истории западной философии. Поэтому структура западной философии как процесса есть концентрированное выражение «судьбы бытия» (Seynsgeschichte) [12].

Эта логика исторического финализма (типологически повторяющая рисунок мышления Гегеля — только на ином, экзистенциальном, а не концептуальном уровне) предопределяет и еще одну гомологию: телеологизм самой истории философии, которая тяготеет к стягиванию в точке эсхатона. Будучи вечерней, по определению, эта история разрешается в точке полуночи, которая и есть цель и предел, к которому весь процесс устремляется. Хайдеггер подводит нас к мысли, что *точ-*

ка конца западноевропейской философии является наиболее важной во всем процессе ее развертывания и поэтому может быть взята за главный момент ее содержания.

Таким образом, гомологическая цепочка получает последний элемент: история человечества сводится к истории западноевропейского человечества, которая, в свою очередь, сводится к истории западноевропейской философии и далее — к *точке конца* западноевропейской философии.

Но именно такая схема — это то, что необходимо для актуализации русской философии. Если нам довериться Хайдеггеру, мы получим именно то, что нам необходимо в качестве предпосылки для живого философского мышления. Мы получим не просто момент философии Запада, но алгоритм этой философии, причем приближенный к ее концу, что, в данной интерпретации, означает приобщение к самому существенному в этой философии — ведь речь идет о философии заката, где наиболее важными элементами являются ночь и ее структура. Хайдеггер в этом случае и становится искомой возможностью русской философии, позволяя нам соотнестись с ее схематически описанным целым.

Хайдеггер, голограмма и герменевтический круг

Реконструкция истории философии Хайдеггера предполагает восполнение более или менее известных и исследованных периодов его творчества пониманием смысла среднего периода, когда мысль Хайдеггера (по свидетельству знаменитого «Письма о гуманизме» его французскому другу и корреспонденту Жану Боффре [15]) была занята преимущественно проблемой Ereignis.

Тот факт, что Хайдеггер является величайшим представителем западноевропейской традиции, не оспаривает никто, как бы к Хайдеггеру ни относились. Но понимание того, что Хайдеггер нарисовал ясную картину истории западноевропейской философской традиции, ее смысла и судьбы, встречается намного реже. Однако ознакомление со всеми тремя периодами его творчества и правильная реконструкция структуры его философской мысли позволяют представить хайдеггеровскую концепцию истории философии со всей однозначностью. Для нас решающим является не то, справедлива ли эта историко-философская картина или проблематична. Нам важно констатировать, что она есть, что она систематически и структурно описана, а значит, с ней можно оперировать как с полноценным философским аппаратом, как с методологией и голограммой.

Выяснив структуру хайдеггеровской концепции истории философии и проведя различие ее фаз и этапов в оптике самого философа,

мы — как русские, глядя из русского (что значит из неопределенного) — будем вольны отнести к ней по-разному, критично и некритично. В первом случае, выяснив структуру этой истории философии, мы принимаем решение ей не доверять, во втором — доверять, принимать за достоверную.

Здесь встает вопрос о герменевтике и проблеме «герменевтического круга», заботившей Дильтея и Гадамера. Понимание возможно только при соотнесении частного с общим. Но лучшее понимание общего аффицирует (меняет) понимание частного, а понимание частного трансформирует видение общего; в процессе постижения уточняются два неизвестных, которые корректируют друг друга, но никогда не могут быть определены до конца сами по себе, без соотнесения с другим. Поэтому в процессе познания всегда фигурируют презумпции и относительно целого и относительно частного, которые уточняются (подчас опровергаются и заменяются другими) в ходе самой герменевтической практики.

Применительно к Хайдеггеру и интерпретации его философии мы сталкиваемся с той же герменевтической проблемой. Чтобы корректно оценить его место в процессе западноевропейской философии, мы вынуждены иметь общую схему этого процесса (гипотезу целого и его структуры). Но эту схему мы должны где-то найти. Мы можем заимствовать ее либо у Хайдеггера, либо не у Хайдеггера. В первом случае мы можем воспользоваться его историей философии (а таковая, как мы видели, существует, особенно если внимательно исследовать тезисы среднего периода его творчества 1930-х — 1940-х гг.) как целым, отталкиваясь от которого мы будем рассматривать всю структуру западноевропейской философии и место в ней Хайдеггера. Конечно, по логике герменевтического процесса, параллельно мы сможем уточнять и то и другое: и смысл истории философии как целого, и места в ней нашего философа, что может привести к результатам, отличным от готовых формул, выдвигаемых самим Хайдеггером. Но стартовая схема герменевтического круга будет именно такой. Можно сказать, что в этом случае мы доверяем Хайдеггеру и двигаемся вдоль предложенной им герменевтической оси. Куда же приведет это движение, заведомо сказать трудно.

Второй вариант состоит в том, что мы не доверяем истории философии Хайдеггера (например, не признав ее легитимность, или, что бывает чаще, не затратив усилий на ее изучение и последовательное осмысление), и, значит, должны брать в качестве целого иную версию истории философии. Вот тут-то и начинаются трудности.

Дело в том, что созданием внятной истории философии занимались на Западе очень немногие авторы, а среди фигур первой величины

можно назвать лишь единицы. Первой и во многом непревзойденной до сих пор инициативой подобного рода была философия Аристотеля. В XIX в. Гегель обосновал историю философии как высшее проявление самой философии, создав предпосылки для широкого спектра философских теорий, и в частности, чрезвычайно популярного в XIX—XX вв. марксизма. Причем для этих и иных наиболее внушительных историй философии в той или иной степени действовал принцип *голографии* — сами эти философии мыслились как синтетическое обобщение историко-философского процесса. История философии и философия Аристотеля располагалась в начале истории философии, открывая ее первые страницы и суммируя «предисловие» (досократическую мысль). Гегель мыслил себя как мыслителя, завершающего историко-философский процесс, обретающего в его трудах свой телеологический конец (в соответствии с учением об Абсолютной Идее и фазах ее диалектического развертывания). Другие «неголографические» попытки предложить историю философию как открытый процесс чаще всего представляли собой формально дескриптивные, а не структурированные семантически модели (Иоганн Франц Буддеус (1667—1729), Иоганн Якоб Бруккер (1696—1770) и так вплоть до Бертрана Рассела [16]). В них история философии осмыслялась не как нечто целое, а как последовательность моментов. При этом наличие или отсутствие голографической конструкции истории философии для самих западноевропейских философов было некритично, так как они естественным образом принадлежали к этому процессу, находились внутри культуры, построенной на философских основаниях, что заведомо предопределило их имплицитное соучастие в том, что эксплицитно могло и не оформляться. Иными словами, открытая, чисто дескриптивная история философии или вообще отсутствие какой бы то ни было истории философии не составляло серьезной проблемы для западноевропейских философов. Они вполне могли обойтись и без нее.

Совсем другое дело русская философия. Она испытывала насущную потребность в суммирующей голограмме, чтобы корректно взаимодействовать и соотноситься с каждым из действительных моментов западной философии (т. е. с учениями того или иного философа). Без образа «целого» она не могла бы быть тем, чем должна была бы быть.

Поэтому в русском культурном контексте мы сталкиваемся с серьезной проблемой: если мы откажем истории философии Хайдеггера в доверии, то нам надо будет поместить самого философа в какой-то иной историко-философский контекст на основании соотнесения с иным «целым». И тут выбор невелик: едва ли корректно интерпретировать Хайдеггера с опорой на историю философии Аристотеля (озаоряющего момент начала философской традиции) или на гегелевскую

или марксистскую схему «искомого» целого. Прочтение Хайдеггера с марксистских позиций в советской философской школе вообще никаких результатов, кроме недоразумений, не дало, а западные течения марксизма и неомарксизма, вобравшие кроме собственно Маркса и гегелевской диалектики еще множество философских элементов из других контекстов (кантианство, феноменология, фрейдизм, экзистенциализм, структурализм, философия языка, ницшеанство и т. д.), свести эти направления в общую обновленную историю философии не сумели или не ставили перед собой такой задачи. В такой ситуации проекция гегельянства на интерпретацию Хайдеггера будет просто анахронизмом, тем более что в чистом виде в XX в. гегельянство не сохранилось, а его многообразные интерпретации (в том числе критические) преобразились в спектр конфликтующих между собой дробных философских систем, затемнивших изначальную ясность и убедительность самого Гегеля.

Вопрос — доверять или не доверять истории философии Хайдеггера, таким образом, остро стоит именно для тех, кто задумывается о возможности русской философии, и выбор «не доверять» представляется еще более сложным и проблематичным, чем «доверять». Чтобы отдать себе в этом отчет, надо еще раз подчеркнуть, что для западной философии такой проблемы вообще не существует. Хайдеггеровская история философии может учитываться или не учитываться с одинаковым успехом: органичное культурное соучастие в истории философии гарантируется «укорененностью» западного мыслителя в культурной среде, и для этого специальной голограммы не требуется.

Этот зазор культурного контекста, однако, может породить у русских, интересующихся философией, иллюзию того, что через прямое подражание западным философам можно обойтись без «целого». Вот в этом-то и состоит заблуждение: европейцам — можно, нам — нельзя. Если мы хотим соотноситься с герменевтическим кругом западной философии, нам не обойтись без образа «целого», только после этого мы обретаем возможность полноценного философствования.

Мой тезис сводится к следующему. На прежних этапах XIX—XX в. возможность русской философии обосновывалась обращением к гегельянской истории философии, отталкиваясь от которой мы на протяжении почти двухсот лет строили процесс русского философствования. Увиденный в таком ракурсе марксизм советского периода прекрасно вписывается в это русло — ведь марксизм также представлял собой емкую и голографическую, телеологическую и эсхатологическую версию истории философии. Но сегодня легитимность и конструктивность гегелевско-марксистской истории философии для нас исчерпаны. Мы взяли из нее максимум того, что было возможно, и при-

шли к исчерпанию этой парадигмы. Поэтому мы заново — и уже с опорой на новые историко-философские конструкции — должны обосновать возможность русской философии. И в качестве такой историко-философской голограммы предлагается взять за основу для вступления в герменевтический круг историю философии Мартина Хайдеггера. Для этого надо отложить недоверие и, напротив, отнестись к нему — пусть на первом этапе — с доверием и открытостью, со своего рода гносеологической эмпатией. В случае успеха мы получим на новом историческом витке обоснование для того, чтобы русская философия могла быть.

Три этапа философского творчества Хайдеггера

Как отмечалось, общим местом в хайдеггероведении является разбиение его философского цикла на ранний (феноменологические штудии и написание «*Sein und Zeit*» [9]), средний (малоизвестный и проходивший под знаком мысли об Ereignis— к нему примыкают серии лекций о Ницше [17], Holzwege [14] и циклы лекций 1930-х гг., объединенные в посмертные сборники «*Beitrage zur Philosophie*» [11], «*Von Anfang*» [12], «*Geschichte des Seyns*» [13] и т. д.), и поздний период (сопряженный с философией языка и формализацией описания Geviert'a [10]).

На всех этих этапах в различных произведениях и циклах разбросаны отдельные элементы хайдеггеровской истории философии. Если нацелиться на их выявление, сведение воедино и систематическое описание, мы обнаружим их как в самых ранних работах, так и в «*Sein und Zeit*» и в герменевтическом периоде. Но особенно эксплицитно они изложены в среднем цикле. «*Beitrage zur Philosophie*» [11] и «*Geschichte des Seyns*» [12], в целом, представляют собой конспекты лекций, выстроенных как история философии, а «*Einfuhrung in die Metaphysik*» [18] проливает свет на структуру этой истории философии и на ее онтологические основания. Увиденная в этой перспективе знаменитая теория хайдеггеровского Dasein'a обнаружится как кульминационная точка историко-философского процесса, к которой этот процесс телеологически сходится.

Таким образом, материалы среднего периода творчества Хайдеггера дают нам остов для выяснения его историко-философской схемы, на которую накладываются теории других циклов его творчества.

Схема истории философии у Хайдеггера

Реконструкция Хайдеггером истории философии может быть схематически описана следующим образом.

Рождение философии в досократической мысли — это великая триада Анаксимандра, Гераклита и Парменида, представляющая собой *первое Начало*, или *великое Начало*.

Здесь философия появляется из предфилософии, или нефилософии, из мышления. Провозвестником ее несколько веков ранее служил поэтический гений Гомера.

Согласно Хайдеггеру, *первое Начало философии* характерно решением онтологической проблематики — вопроса о том, *что такое бытие* и как его надо понимать. Впервые четкие формы эта проблематика приобретает у Гераклита в его учении о *фюзисе* и *логосе*. *Бытие* как то, что делает то, *что* есть, тем, что *есть*, мыслится в великом Начале как «*фюзис*» — т. е. открывающая, восходящая, обнаруживающая «*мощь наличия*». В этом учении Гераклита для Хайдеггера состоит сияющий триумф философии и одновременно первое рождение той тенденции, которая — много позже — поведет философию к ее Концу. Отождествление «*бытия*» с «*фюзисом*» есть лишь наполовину корректное решение онтологической проблематики. Конечно, мыслит Хайдеггер, бытие есть фюзис, порождающая сила мира, выводящая вещи и существа на свет наличия, в открытость, делающая сущее сущим, тем, что *есть*. В этом смысле бытие и есть сущее, все сущее в целом, т. е. фюзис. Но эта отправная точка философии — при всем фундаментальном величии — уже заключает в себе определенную погрешность: празднуя бытие как наличие и приведение к наличию, как сущее, досократическая онтология упускает из виду другую сторону бытия — ту, которая приводит сущее к несуществованию, к гибели, ту, что *ничтожит*, уничтожает сущее. *Ничто* скрывается за бытием, осознанным исключительно как «*фюзис*», исчезает в нем. И Парменид в своей знаменитой поэме закрепил это исчезновение формулой «*небытия нет*». По Хайдеггеру, *небытие*, *ничто* (Nichts) как *ничтожение* (Nichten) в бытии очень даже есть. И безупречная онтология должна была бы изначально поместить это «*ничтожение*» внутрь фюзиса, взглянуть его в бытии как его обратную сторону, отличную от него и одновременно тождественную с ним. Но греческая мысль пошла по иному пути: она сосредоточилась на «*бытии*» как «*фюзисе*», упустив из виду «*ничто*» (в силу его ничтожности). Тем самым — уже в самом великом Начале — возник определенный зазор между тем, как стала складываться философия, и тем, как она должна была сложиться, если бы онтологическая проблема была сформулирована должным образом. Зазор между тем, как было исторически и как должно было быть, породил две точки в структуре онтологии, через которую была проведена прямая, предопределившая все остальные этапы истории западной философии. В результате мы получили луч, обладающий и траекторией

(линия) и ориентацией (вектором направления, идущим *от* того, как надо было бы понимать бытие к тому, как его не надо было понимать).

Уже в первом Начале у Гераклита и Парменида происходит оформление фундаментальной конфигурации всего историко-философского процесса. Этот процесс структурирован основной парадигмой: прогрессирующим «отступлением от бытия», «утратой бытия», «забвением о бытии».

Логос и нигилизм

Компенсацией за утрату различения ничтожащей стороны бытия в бытии как «фюзисе» стало появление «логоса». «Логос», который Хайдеггер интерпретирует этимологически как «жатву», «сбор урожая», становится приоритетным топосом, в котором *ничто*, утраченное в осмыслении бытия как фюзис, напоминает о себе. Это и есть специфика философии — введение в игру *ничтожащего логоса*, помещенного на сей раз не в бытии (как следовало бы), а вне его, в условной точке того, что позже у Аристотеля станет «*ὀλοκείμενον*»¹ом, а в Новое время — декартовским «субъектом».

Хайдеггер идентифицирует работу логоса в процедуре «*τεχνή*», или в том, что позже он назовет «*Gestell*». Если бытие мира начинает мыслиться как преимущественно *позитивное наличие*, то *ничто* все более концентрируется на стороне познания и его дуальной топики. Познание как процесс есть корень «*технэ*», в котором происходит жесткое расщепление бытия на *фюзис* и *логос*, на познаваемое и познающего, что в дальнейшем приводит к постановке в центре именно познающего, носителя логоса, развертывающего свою ничтожащую мощь на сферу фюзиса, покоряющего бытие и, в конце концов, воспроизводящего бытие как искусственный продукт. В этом пределе развития технического начала проявляется триумф нигилизма.

Логос должен был бы быть внутри фюзиса, но он оказался вовне, и это стало судьбой западноевропейской философии, судьбой Запада, а также смыслом и содержанием ее развертывания.

Конец в рамках первого Начала

Если у Гераклита и Парменида основная тенденция западноевропейской философии была едва намечена, то у Платона и Аристотеля она достигла четкой фиксации. Платонизм и аристотелизм Хайдеггер называет «*Концом в рамках первого Начала*». Это еще абсолютно греческая, дышащая онтологией и бытием, философская мысль, но возможность осмыслить бытие как нечто открытое, возможность поместить логос не вовне фюзиса, а внутри него, здесь снимается с повестки дня. Учение Платона об идеях фиксирует предпосылки окончательно

сформировавшейся *референциальной теории истины*, которая состоит в поиске соответствия умопозитивного начала (идеи) и вещи природного мира. Осуществление этой операции относится к разуму, логосу.

Бытие отныне мыслится как *сущее*, только *высшее сущее*, или *сущее-в-целом*. Причем это не просто динамика природной мощи, выталкивающая вещь к наличию, но фиксированный и статичный зрительный образ, момент «светового созерцания».

По Хайдеггеру, это фундаментальный и необратимый шаг по *уменьшению статуса бытия*, приравниваемого отныне уже не просто к физису, но к идее. Симметрично этому логос, в свою очередь, делает серьезный шаг в сторону нигилизма и технического отношения к миру; начинает доминировать метафора бога-демиурга, работника, ремесленника, технически изготовляющего мир, отправляясь от фиксированных образов-идей.

Аристотель в своей философии и истории философии фиксирует качественный момент Конца досократического периода западной философии. Это конец во всех смыслах и завершение (снятие) и совершение, т. е. достижение полной зрелости, совершенства, полноты того, что было заложено в мышлении досократиков. Философия Аристотеля — это голограмма всей ранней греческой философии. Она суммирует предыдущий период и закладывает основания дальнейшим этапам — что верно не только для Стои, но и для более поздних схоластических периодов западной философии, а также, в значительной степени, и для Нового времени (ведь еще Кант заметил, что в области логики со времен Аристотеля философия не продвинулась ни на шаг).

Платон и Аристотель, по Хайдеггеру, отмечают собой момент завершения философского Начала. Далее идет средний период, сопряженный с христианством, схоластикой и, в самом широком смысле, называемый Средними веками. С историко-философской точки зрения, Средними эти века называются именно потому, что занимают промежуточное положение между философией Античности (философией первого Начала) и философией Нового времени.

Средневековье

Средневековой философией Хайдеггер плотно занимался на первых этапах своего преподавания во Фрайбургском университете, позднее он уделял ей совсем немного внимания. С его точки зрения, формула Ницше о том, что «христианство есть платонизм для масс» [19, 240], является исчерпывающей аксиомой для суммирования философского положения дел со средневековой философией. Для Хайдеггера христианская схоластика есть развитие того философского шага, который принципиально совершил Платон, поставив идею (высшую идею,

идею блага) на место бытия, фундаментально удалив, тем самым, бытие от сферы философского мышления, подменив гносеологическую и онтологическую проблематику. Теология продолжает эту же самую тенденцию, поставив на место идеи высшего сущего — Бога, т. е. оставаясь в той же платоновской парадигме.

Для Хайдеггера в Средневековье не происходит ничего принципиально нового. Философия движется по своему предначертанному досократиками, и особенно Платоном и Аристотелем, пути.

Новое время — Декарт

По-настоящему интересным циклом для Хайдеггера является *Новое время*. Он определяет его как «Начало Конца» (симметрично тому, как платонизм был для него *Концом* в рамках *первого Начала*). Новое время размораживает средневековый схоластический платонизм и дает волю нигилистической мощи логоса. В центре этого процесса — Декарт с его дуальной конструкцией субъекта и объекта. Субъект вступает на место логоса, объект — на место фюзиса. При этом Хайдеггер считает, что в этом философия Нового времени приближается к более откровенной постановке проблемы: отказ от *идей* и обращение к рациональному логическому мышлению напрямую как к субъекту обнаруживают саму сущность философской проблематики, заложенной в эпоху Начала философии. Картезианский рационализм, английский эмпиризм, Ньютон и все остальные направления философии Нового времени (от Спинозы и Лейбница до Канта) развертываются уже в сфере более острой проблематизации онтологии, где вещи называются своими именами.

Так, Декарт с его *cogito* откровенно помещает онтологический аргумент в область гносеологии, делает его производным от логоса, рассудка. По Хайдеггеру, это начало явной доминации технического отношения к миру и человеку; человек становится техником в отношении к природе-объекту, и *Gestell*, завуалированный ранее, обнажает свою историко-философскую мощь. Сама философия становится все более и более техническим занятием, техникой мышления, сводящейся к методикам исчисления и оценки. Иными словами, в Новое время нигилизм как сущность западноевропейской философии обнаруживается в полной мере.

Гегель и Ницше

Период Нового времени завершается, по Хайдеггеру, в философии Гегеля, а последним его аккордом является Ницше.

Гегель создает свою историю философии как грандиозное, монументальное творение западноевропейского духа, концентрируя в ней

судьбу Абсолютной Идеи, воплощенной в период «конца истории» в субъективном духе западноевропейской культуры Нового времени. Гегель всерьез ставит вопрос о соотношении бытия и ничто, бытия и познания, выстраивая на этом свою диалектику. Проводя свою резюмирующую работу, Гегель, согласно Хайдеггеру, остается все-таки в рамках западноевропейской метафизики, мыслит с помощью «концептов» и «категорий», т. е. все еще пребывает в пространстве референциальной теории истины и общеевропейской философской топике. Гегелевская онтология для Хайдеггера — это максимальное приближение к тому, чем должна была бы быть истинная онтология (отсюда огромное внимание Гегеля к Гераклиту и досократикам, мыслившим на симметричном отрезке истории философии — но только в эпоху Начала, тогда как сам Гегель мыслит в эпоху Конца), но приближение фатально некорректное именно за счет своей принадлежности к старой метафизике, ее конструкциям и методам.

Еще честнее и откровеннее философствует Ницше. Он прямо вещает о «европейском нигилизме», кризисе западной метафизики и «смерти Бога», разоблачает «волю к власти» как основу исторического процесса, и, значит, основу философии и истории философии. При этом Хайдеггер считает, что Ницше, обрушивший метафизику, не сделал ни шага за ее пределы, но стал именно последним метафизическим мыслителем западноевропейской традиции. Ницшеанский «сверхчеловек» и «волю к власти», по Хайдеггеру, свидетельствуют отнюдь не о новом горизонте мышления, но лишь об абсолютизации нигилистической природы логоса и высшей концентрации Gestell.

Другими словами, Ницше не только не является альтернативой, но представляет собой подлинный и состоявшийся Конец — Конец западноевропейской философии и, соответственно, конец философии как таковой.

Так вместе с Гегелем и Ницше западноевропейская философия проходит полный цикл от первого (великого) Начала через средний (средневековый, в широком смысле) период до Начала Конца у Декарта и к полному и необратимому Концу у Гегеля и, особенно, у Ницше. Начавшись с несколько неточного определения бытия как фюзиса, и только как фюзиса, западная философия вступила в свою роковым образом предначертанную историю (судьбу), единственным содержанием которой стала прогрессирующая дезонтологизация, утрата бытия, рост нигилизма, технэ, Gestell, ничтожащего рассудка как выражения воли к власти. Бытие убывало до того момента, пока не убыло вовсе.

Но в этом, по Хайдеггеру, и состоит судьба Запада как «страны Вечера» (Abendland). Убывание бытия есть удел Запада и смысл истории философии как сугубо западного явления. Дезонтологизация, сокры-

тие бытия и наступление нигилистической ночи — не случайность и не катастрофа, и даже не следствие ошибки — это высказывание философской географии. Свет гаснет там и тогда, когда это нужно. И тогда, когда нужно, своим чередом наступает мгла, «Великая полночь».

Согласно этой реконструкции, западная философия закончилась. Оставшееся время может быть посвящено осмыслению этого окончания, описанию и толкованию смысла этого события.

Но есть у Хайдеггера и иная тема, которая предопределяет острие его мысли в 1930-е гг. и первую половину 1940-х гг. Это мысль о *другом Начале*, или об «Ereignis».

Другое Начало

В средний период своего творчества Хайдеггер концентрирует свое внимание на понятии «Ereignis» и связанной с ним непосредственно темой *другого Начала*. Ereignis и есть, по Хайдеггеру, *другое Начало* [11]. Но это не просто «событие» («событие» — дословный перевод «Ereignis»), но возможность «события», «свершения», имеющего фундаментальный философский смысл.

Другое Начало — это то Начало, которое в досократической мысли не началось. Это такое понимание бытия, которое включает в бытие *ничто* как его необходимую составляющую, которое, отождествляя бытие с сущим и фюзисом, подчеркивает, что это отождествление не исчерпывает бытия, так как бытие одновременно есть и *не-сущее*, *не-бытие*, *ничто*, а также то, что делает сущее не только сущим, но и не-сущим, т. е. то, что *ничтожит*. Бытие в другом Начале должно (было бы) быть осознано и как то, что *есть*, и как то, чего *нет*, но что, не будучи сущим, все равно *есть* (небытие есть — вопреки Пармениду).

Вся история философии есть удаление от возможности Ereignis, есть не-Ereignis по преимуществу, что и воплощено в дезонтологизации и забвения о бытии, в Gestell и технэ. Но хайдеггеровская отрицательная трактовка историко-философского процесса как не-Ereignis несет в себе обратное указание на сам Ereignis, если только расширять этот процесс как повествование не о том, что он есть сам по себе, а о том, чем он не является, и о том, что *не-явление* составляет его высший и главный смысл. Западная философия, осознанная как прогрессирующее удаление от истины, ее постепенное сокрытие, есть парадоксальная форма обнаружения самой истины через ее диалектическое отрицание и вуалирование. Поэтому Ereignis и другое Начало следует искать не где-то еще, за пределом западноевропейской философии, но в ней самой — в ее обратном образом интерпретированном содержании. Сам факт удаления от бытия в ходе развертывания исто-

рии философии есть обратное указание на значимость бытия и на то, как надо его мыслить.

Это корректное мышление бытия в рамках «аутентичного» (eigene) экзистирования Хайдеггер описывает через графическую фигуру *Geviert, четверицы* [20]. В ней пересекаются две пары противоположностей, представляющих собой онтологическое единство — 1) *Небо* («мир», в некоторых версиях) и 2) *Земля*, 3) *смертные (люди)* и 4) *боги (бессмертные)*. Этот заимствованный из поэзии Гельдерлина образ, восходящий, кстати, к Платону, где в гераклитовской вражде сходятся между собой *четыре* мировых области бытия, описывает то, каким следовало бы понимать бытие в *другом Начале*.

Другое Начало, по Хайдеггеру, должно рождаться непосредственно из Конца философии, если только этот конец будет корректно расшифрован и распознан. По этому поводу Хайдеггер приводит строки из Гельдерлина: «Там, где риск, там, коренится спасение...» [14]. Чтобы перейти к *другому Началу*, надо сделать не шаг в сторону, не много шагов назад, но шаг вперед. Однако это очень сложный шаг, в ходе которого сам нигилизм, сама утрата бытия в западноевропейской философии, само *τεχνή* и сам *Gestell* обнаружатся как открытие истины Sein-бытия через ее самоскрытие. В такой перспективе западная философия, представляющая собой, в первом приближении, прогрессирующий кризис и падение в сумерки, откроется как путь к спасению: тот, кто первым достигнет дна бездны, сможет первым от него оттолкнуться и начать подъем.

Кто Вы, Herr Heidegger?

Сам Хайдеггер не раз задавался вопросом: кто такой Гельдерлин в контексте современной философии? Кто такой Ангел у Рильке? Кто такой Заратустра у Ницше? Мы можем в этом же ключе спросить себя: а кто такой Мартин Хайдеггер в его же собственной историко-философской картине? Из того, что было высказано выше о структуре хайдеггеровской истории философии, почти однозначно следует вывод: себя самого Хайдеггер считал *философом другого Начала*; провозвестником возможности Ereignis; фигурой, которая расшифровала логику истории западноевропейской философии и открыла, через ее особую интерпретацию, пространство выхода в новое постижение проблемы бытия.

В своей собственной истории философии Хайдеггер усматривает двойственный ключевой момент. Он состоит в фиксации исчерпанности историко-философского процесса свидетелем достижения точки Великой Полночи, с одной стороны, а с другой — в приоткрывании горизонта *другого Начала*, т. е. возможности философствовать иначе,

чем философия философствовала ранее, но с учетом того драматического и катастрофического опыта, который запечатлен в истории этой философии.

С одной стороны, Хайдеггер выполняет роль «доктора мертвых», выведенного А. Дюма на последних страницах «Графа Монте Кристо»: он выписывает свидетельство о состоявшейся и несомненной смерти (западноевропейской философии). А с другой стороны, он открывает возможность заглянуть — через *Geviert* и перспективу *другого Начала* — за горизонт рационалистического и технического нигилизма и подойти вплотную к иной философии.

Иными словами, Мартин Хайдеггер в западноевропейской философии есть точка отсчета во всех направлениях — в прошлое, в будущее, и даже в сторону. Можно сказать, что Хайдеггер в пределе мыслит себя как *Dasein*, чье наличие он вначале вскрыл и обосновал, а затем фундаментально осмыслил в ходе развертывания своей философии.

Если Гельдерлин, по словам Хайдеггера, был поэтическим провозвестником *другого Начала* (как Гомер был поэтическим провозвестником первого Начала), сам Хайдеггер стал точкой отправления того мышления, которое эксплицитно (а не только эксплицитно) ставит точку в конце западноевропейской философии и бросает ее в жерло вулкана.

Entscheidung

Хайдеггер как философский персонаж своей собственной (*eigene*) истории философии есть воплощенное приглашение к осуществлению *решения* (*Entscheidung*). В отношении *Entscheidung* Хайдеггер полемизировал с Карлом Шмиттом, построившим на принципе решения (*decisio*) свою философию права (*Entscheidungslehre*) [21]. Хайдеггер укоряет Шмитта в том, что тот приземляет, умаляет значение *решения*, сводя его к выбору ориентации в конкретных вопросах политического толка. По Хайдеггеру, *Entscheidung* — это нечто намного более фундаментальное и метаполитическое. Это выбор, который осуществляется перед лицом финального момента в истории философии: выбор между тем, чтобы двинуться в сторону *другого Начала*, и тем, чтобы сгнать в нескончаемых лабиринтах откладывания последнего историко-философского мгновения, в «еще нет», во «все еще нет», которое не представляет собой ничего принципиально нового, но стремится продлить до бесконечности зазор между уже состоявшимся концом философии (концом истории философии — в Гегеле и Ницше) и конечным и необратимым осознанием этого конца. *Решение* — это выбор между осознанием случившегося и отказом от такого осознания.

В последние годы жизни Хайдеггер склонялся к заключению о том, что Запад принял решение игнорировать конец философии и предал себя стихии «бесконечно кончающегося конца».

В 1930-е и 1940-е гг. Entscheidung делался в форме отказа Европы от двух версий *Machenschaft* [12; 18], финальных воплощений *τεχνη* в триумфе машинной философии машинного (американского) общества, которое Хайдеггер называл «планетэр-идиотизмус» [11], и советского, марксистского. Проиграв битву за Европу как за *иное* решение (по сравнению с США и СССР как двух форм предельных воплощений западноевропейской метафизики), Запад *сделал* выбор в пользу *ничто*, в пользу отказа от *Ereignis*.

Решение и русская философия

Снова возвращаемся к нашей проблематике — возможности русской философии.

Если мы отнесемся к Хайдеггеру доверительно и возьмем его философию как историю философии, служащую нам образом целого в круге философской герменевтики, мы можем наметить два пути становления русской философии в новых обстоятельствах, когда легитимность гегелевской (и марксистской) версии исчерпана.

Первый: принять реконструкцию Хайдеггера, а также роль самого Хайдеггера как оформителя надгробной речи над западноевропейской философией. Тогда мы сможем вступить в права на ее изучение в биографическом или, в случае крайней степени недоверчивости, патологоанатомическом плане (мы будем изучать мертвое, разбирая, как и почему оно умерло и как оно умирало). Если при этом у нас возникнут сомнения в обстоятельствах смерти, мы сможем откопать труп и провести повторную экспертизу. В любом случае русская философия, построенная на таком основании, сможет стать достоверной — мы будем понимать то, что мы исследуем, и получим корректное представление о смысле и значении того, что изучаем. Этот осознанный контакт с *ничто*, выраженный в современном моменте истории философии, будет гарантом достоверности нашего философского мышления и основной интерпретационной шкалы, на основании которой мы будем осознать и постигать то, что предстает нашему вниманию.

Во-втором случае открывающаяся перспектива более многообещающая: приняв Хайдеггера, мы сможем выдвинуть свои претензии и амбиции на соучастие в *другом Начале*. Хотя для этого простого энтузиазма не достаточно, и нам придется взять на себя труд погрузиться в тонкости и нюансы истории западной философии, ибо *другое Начало* не может произойти, (случиться, открыться) без скрупулезного и тщательного отслеживания всего процесса дезонтологизации, зародивше-

гося в пределах первого Начала. Иными словами, другого Начала без соучастия в судьбе первого вряд ли можно ожидать. Чтобы сподобиться соучастия в *другом Начале*, нам надо прожить и исчерпать судьбу западноевропейского нигилизма (а для этого у нас есть некоторые исторические основания в форме советского периода и русского прочтения марксистской философии). В любом случае, чтобы получить мандат на соучастие в таком *решении*, мы должны быть *не вне, а внутри* западноевропейской философии: экстремальный курс вхождения в которую нам, впрочем, гарантирован в случае признания легитимности историко-философской реконструкции Мартина Хайдеггера.

То, что русские находятся не так далеко на пути за край Запада, к точке Великой Полночи, не должно нас вводить в заблуждение. Это не основание для того, чтобы избежать влияния этой финальной эсхатологической точки — не сегодня, так немного позже, но мы будем именно там. То, что мы *«все еще не»*, *«noch nicht»*, не может нас успокаивать или внушать пустые надежды: *дно бездны* — вот, что даст возможность получить часть в ином наследии, в *другом Начале*. «Уже в нем», а не «еще не в нем» — такова страшная ставка в историко-философском процессе.

Феноменологическая деструкция

Как в XIX и XX вв. мы оперировали гегелевско-марксистской моделью реконструкции историко-философского процесса для выявления содержания и смысла любого философского явления, школы, автора или теории, так сегодня, приняв легитимность Хайдеггера и его истории философии, мы сможем довольно точно и однозначно классифицировать и интерпретировать любой факт истории философии через операцию «феноменологической деструкции». Именно этот хайдеггеровский тезис из «*Sein und Zeit*» [9] взял на вооружение Деррида в своем знаменитом методе «деконструкции» (ранее им пользовался Лакан). У Дерриды речь идет о контекстуализации того или иного высказывания в изначальной семантической среде, требующей тщательного исследования. Это следствие применения правил структурной лингвистики и коннотативного подхода (вопреки денотативному) в контент-анализе философского дискурса. В оригинальной версии Хайдеггера, послужившей основой для «деконструкции», речь идет о еще более четком методе: о размещении того или иного философского дискурса в общей картине «целого» историко-философского процесса, осознанного как поэтапное движение по траектории дезонтологизации в направлении к тотальному нигилизму. То место, где на этой траектории находится то или иное высказывание или философская теория, и предопределяет его герменевтическое значение.

После принятия истории философии Хайдеггера философские факты и констелляции фактов приобретут для нас смысл.

Хайдеггер и вторая попытка русских вступить в философию

Вторая попытка русских вступить в философию напрямую связана с Мартином Хайдеггером. Без истории философии — причем внятной, емкой и телеологической — русские проникнуть в герменевтический круг западной философии не смогут. Конечно, остается сомнение: а надо ли, вообще, нам туда проникать? Причем констатация нарастающего нигилизма процесса западноевропейского философствования едва ли способствует тому, чтобы это сомнение развеять. Но все же на чисто теоретическом уровне, если мы не хотим оставаться в философском процессе вечными невеждами, принимающими одно за другое и всякий раз не за то, что оно есть на самом деле, мы просто обречены на то, чтобы принять одну из историй философии Запада на веру. А выбор, как мы убедились, здесь невелик. Большинство тех конструкций, которые известны под именем «истории философии», представляют собой вовсе не то, что нам требуется: в них описан формальный процесс потока философских теорий и концепций, чья имплицитная логика внятна лишь тому, кто в этом процессе участвует естественным образом — в силу культурной принадлежности к обществу, построенному на философских основаниях. Основания же нашего общества и нашей культуры — какие угодно, только не философские, а значит, никакими личными усилиями мы эту брешь не закроем. Нам нужен образ «целого», только тогда мы сможем корректно оценить частное. А вот естественным представителям западноевропейской культуры такой образ совсем не обязателен — имплицитно он им известен, они являются его частью. Мы же на этом пути в бездну — посторонние, и траектория, цели и причины этого пути нам далеко не очевидны.

Можно рассмотреть и иные версии истории философии — столь же емкие и голографические, как философия Мартина Хайдеггера. Но что-то на ум ничего не приходит. Есть несколько версий философии истории (например, у К. Ясперса) [6], но это совершенно другое. История философии не есть философия истории. Если такие истории философии в XX в. обнаружатся и будут достаточно обоснованы, то можно будет подумать и об иных возможностях русской философии, точнее, об иной возможности русской философии. На первый взгляд, Хайдеггер есть оптимальный для нас вариант, самый логически и структурно близкий к тому, чтобы дать нам первичный основополагающий импульс¹.

¹ См. также: [22—25].

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // *Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов*. Минск, 1996.
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.
3. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
4. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
5. Дугин А. Постфилософия. М., 2009.
6. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München; Zürich, 1949.
7. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
8. Heidegger M. Samtwerk. Bd. 59. Phaenomenologie der Anschauung und des Ausdrucks. Theorie der philosophischen Begriffsbildung. Frankfurt am Main, 1920.
9. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.
10. Heidegger M. Vorträge und Aufsätze (1936—1953) // Heidegger M. Samtwerk. Bd. 7. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 2000.
11. Heidegger M. Beitrage zur Philosophie (vom Ereignis) // Heidegger M. Samtwerk. Bd. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 1989.
12. Heidegger M. Geschichte des Seyns (1938—1940) // Heidegger M. Samtwerk. Bd. 69. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 1998.
13. Heidegger M. Über den Anfang // Heidegger M. Samtwerk. Bd. 70. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 2000.
14. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 2003.
15. Heidegger M. Brief über den Humanismus (1946). Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 1949.
16. Рассел Б. История западной философии в ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: В 3 кн. / Под ред. В.В. Целищева. Новосибирск, 2001.
17. Heidegger M. Nietzsche I. 1936—1939; Nietzsche II. 1939—1946 // Heidegger M. Samtwerk. Bd. 6. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 1996.
18. Heidegger M. Einfuehrung in die Metaphysik. Tuebingen, 1953.
19. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
20. Heidegger M. Das Ding: Vorträge und Aufsätze. Frankfurt am Main, 2000.
21. Шмитт К. Политическая теология. М., 2001.

22. *Борисов Е.В.* Эволюция трансцендентально-феноменологических оснований онтологии в работах Э. Гуссерля и экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера. М., 1997.

23. *Габитова Р.М.* Человек и в общество в немецком экзистенциализме. М., 1972.

24. *Михаилов А.В.* Вместо введения // Хайдеггер М. Работы и мышления разных лет. М., 1993.

25. *Зайцева З.Н.* Мартин Хайдеггер: Язык и Время // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.

Ф.И. ГИРЕНОК

Галлюцинации как сущность человека

Аннотация. В статье рассматриваются типы галлюцинаций, их связь с неистовствами и маниями. Одной из таких маний является любовь. Автор обращается к текстам Платона, Канта и Блейлера и приходит к выводу, что галлюцинации являются сущностью человека.

Ключевые слова: галлюцинация, Платон, Кант, Блейлер, шизофрения, человек.

Abstract. In article are considered types of hallucinations, their communication with furies and manias. One of such manias is the love. The author addresses to Platon's, Kant's and Bleiler's texts and comes to a conclusion that hallucinations are essence of the person.

Keywords: hallucination, Platon, Kant, Bleiler, a schizophrenia, the person.

Галлюцинация — это восприятие. Поскольку всякое восприятие включает в себя воображение, постольку оно включает в себя синтез, соединение ощущений в предмет. Само соединение не может быть дано наглядно, как бы рядом с вещью. Это соединение является активным синтезом нашей субъективности. Субъективность раскрывает не суть внешней вещи, а суть человека, поэтому галлюцинацию следует понимать как самораскрывающуюся сущность человека, как доопытное созерцание единичной всеобщности.

1. Типы галлюцинаций

Галлюцинации подразделяются по органам чувств на зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, тактильные. Галлюцинации бывают истинными и ложными. Истинные — это те, которые проецируют-

ся вовне и неотличимы от реальных восприятий. Они имеют яркую окраску. Ложные — это галлюцинации, которые воспринимаются внутренним чувством и локализуются во внутреннем поле сознания. Они ощущаются как результат воздействия какой-то внешней силы. При таких галлюцинациях слышат голоса и вступают с ними в разговор.

2. О мнимом образе

Галлюцинация — это не мнимый образ какого-либо предмета. Образы, как и чувства, не бывают мнимыми или ложными. Они являются такими, какими их испытывает наша душа. Если Петров-Водкин видит коней красными — значит они для него красные, и бессмысленно ему объяснять, что они на самом деле серые, потому что и серые кони — это фантом нашего коллективного воображаемого.

Если ребенку страшно спать в темной комнате, ибо ему чудится, что кто-то спрятался под кроватью, то это значит, что под кроватью кто-то есть. И бессмысленно в аналитически ясной форме объяснять, что там никого нет. Галлюцинация — это не иллюзия, не ошибка, не искажение реальности, а сама реальность, которая заставляет людей во что-то всматриваться, озираться, отмахиваться, обороняться, затыкать уши, спасаться бегством и т. д.

3. Куры и галлюцинации

Если галлюцинация — это восприятие несуществующего объекта как существующего, то галлюцинируют ли куры? Например, куры клюют зерно, которого нет. Голодные скворцы ловят несуществующих мух. И куры, и скворцы нуждаются в пище. Зерно и мухи — это значимые внешние раздражители, то, что запускает определенное поведение организма. А если раздражителей нет, но организм уже готов выдать поведенческую реакцию, удовлетворяющую голод, то реакция не может не состояться. Но эта реакция будет нервным срывом, смещением их поведения.

Куры и скворцы не могут воспринимать несуществующее как действительно существующее. Для этого нужно воображение. А инстинкт и воображение — вещи не совместимые.

Серые гуси могут купаться в пыли, хотя все их движения имеют смысл, если они купаются в воде. Их купание — это пустая реакция организма. Пустые реакции организма можно вызвать гормонами. Используя гормоны, кошку можно заставить охотиться на несуществующих мышей. Но нельзя при этом сказать, что кошка галлюцинирует.

Во всех этих случаях мы имеем дело с биологическими автоматами, которым достаточно срабатывание рефлекторного кольца. И в

строгом смысле слова мы не имеем права говорить о галлюцинирующем животном, ибо в этом случае нам нужно будет признать, что курица иногда выходит за пределы природы. А она никуда не выходит, никаких побудительных сигналов среды не тормозит. Наоборот, она ведет себя глупо с биологической точки зрения, смещая свои реакции, как будто все дело состоит в клевании, а не в абсолютной значимости для нее зерна.

4. Кант и пустые желания

В «Критике способности суждения» Кант пишет: «Для антропологии представляет собой немаловажную задачу исследование того, почему природа наделила нас склонностью к такой бесплодной трате сил, как пустые желания и стремления (играющие, конечно, большую роль в человеческой жизни)» [1, 982]. О чем идет речь? О том, что человек желает того, что совершенно невозможно. Например, он желает, чтобы случившееся не случилось. Человек напрягает силы от пустых желаний и невозможных представлений, чтобы сделать действительным их объект. По сути дела, у Канта идет речь о галлюцинациях, о пустых желаниях, которые вызывают стремление к ним. Ведь галлюцинировать — значит обладать способностью через свои представления быть причиной действительности предметов этих представлений. А быть причиной действительности предметов — значит полагать, что в мире есть вещи, которые существуют, если мы к ним относимся как к чему-то действительно существующему.

Проблемы начинаются тогда, когда галлюцинации и практически оправданные образы, обладая равной силой влияния на поведение, вступают в противоречие. В этот момент человек начинает раздваиваться, существовать в двух измерениях. Шизофреник может сидеть в кафе и пить кофе и одновременно верить, что он посланник небес, ибо он постоянно слышит голос Бога.

При глубоком эмоциональном переживании у всех у нас возникают галлюцинации, которые могут быть положительными и отрицательными. Отрицательные — это когда не видят то, что есть. Положительные — это когда видят то, чего нет. При этом решение вопроса о норме принадлежит социуму. Что видит большинство, то существует. Чего не видит большинство, то не существует. В соответствии с этим устанавливается граница девиации, граница между нормальными и ненормальными.

5. Платон и неистовства

В «Федре» Платон обсуждает тему любви. Лисий утверждает, что невлюбленный лучше влюбленного, потому что невлюбленный разу-

мен и рассудителен, влюбленный же скорее болен. Он собой не владеет, его покинул здравый смысл.

Во второй речи Сократа говорится о том, что Лисий не прав. Нельзя выбирать невлюбленного из-за того лишь только, что любовь — это неистовство. «Если бы неистовство было злом, то это было бы сказано неправильно» (244 b). Неистовство не только не зло, напротив, Сократ называет его величайшим благом, даром Божьим.

Платон пишет: «Те из древних, кто устанавливал значения слов, не считали неистовство (mania) безобразием или позором, иначе бы они не прозвали маническим (manice) то прекраснейшее искусство, посредством которого можно судить о будущем» (244 c).

Неистовство — это состояние, в котором человек подчиняет себя грезе, мании, растворяя себя в ней. И вот это неистовство, в котором человек неволен распоряжаться собой, согласно Платону, прекраснее рассудительности. Неистовство в людях от Бога, рассудительность — от человека. Для неистовства нет натуральных причин, тогда же как для рассудительности они есть. «Творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых», — говорит Платон (245 a).

В чем же природа неистовства? В том, что оно само себя движет. Нет ничего в естественном мире, что бы само себя двигало. А галлюцинация — это субстанция-субъект любого человеческого движения. Что из этого следует? Что неистовство не объясняется в телесных терминах, что оно не адаптивно, не служит приспособлению. К неистовству Платон относил: вдохновенное прорицание будущего — Аполлон, посвящения в таинства (мистерия) — Дионис, творческое неистовство — Музы, любовное неистовство — Эрот. А вот как спустя две с половиной тысячи лет описывает одно из неистовств Блейлер.

6. Блейлер о любви

Что такое любовь? Любовь — это чувство. Причина любви — не в том, кого любит, а в том, кто любит. Любовь — это социально приемлемое неистовство, укрощенная мания.

Блейлер, пытаясь проникнуть в душу человека, пишет: «Предметы, предметные представления, понятия замещаются одно другим, потому что у них есть какой-то, часто второстепенный общий компонент. Таким образом, дело доходит до запутанности образования символов. Нормальному человеку еще понятно, когда любовь, а иногда и любимый человек изображаются с помощью ясно видимого и осязаемого горения» [2].

Иными словами, Блейлер говорит, что у любви есть символы, знаки — то, что представляет любовь. И все нормальные люди понимают, что, например, огонь, горение — это символ любви. Но все также по-

нимают, что любовь — это не огонь. Это нормальное чувство, которого все ждут, хотят и которого все боятся. Что важно в рассуждениях Блейлера? Что он, как Лисий, называет неистовство злом и предпочитает ему рассудительность, знаковость, предметное замещение. Иными словами, Блейлер отказывается от неистовства, а поскольку, согласно Платону, любовь — это неистовство, постольку он отказывается и от любви. Для кого же в современном мире любовь остается неистовством, манией? Для шизофреников. Почему? Потому что шизофреники ни в грош не ставят знаки. Они не понимают референций и представлений, и поэтому они хотят чего-то подлинного. Шизофреник воспринимает огонь не как знак, не как метафору, не как представление о любви, а как самую любовь. Любовь — это огонь, который жжет и сжигает не символически, а реально. Галлюцинация огня, сжигания превращается у шизофреника в огонь, сжигание, т. е., как говорит Блейлер, в действительные ощущения огня. Любить — это значит ощущать огонь, гореть в огне. От чувства любви шизофреник получает ожоги, он сгорает, а не делает вид, что горит, т. е. любит.

Согласно Платону, шизофреник неистов в своей любви. Блейлер осуждает это неистовство и выступает за любовь нормальную, ту, что не жжет. Эту любовь огонь всего лишь означает, символизирует и представляет.

Литература

1. Кант И. Основания метафизики нравственности. М., 1999.
2. Блейлер Э. Аутистическое мышление М., 1927.

Ф.И. ГИРЕНОК

Сознание как эхо

Аннотация. В статье рассматривается представление Выготского о сознании. Автор критикует Выготского и выдвигает собственную теорию сознания, суть которой сводится к утверждению о том, что сознание относится к классу самоаффектации.

Ключевые слова: сознание, Выготский, человек, речь, мышление

Abstract. In article is considered representation Vygotsky about consciousness. The author criticizes Vygotsky and puts forward own theory of the consciousness which essence is reduced to the statement that the consciousness belongs to the class of self-affectation.

Keywords: consciousness, Vygotsky, the person, speech, thinking.

Почему мы уверены, что сознание существует? Например, Джемс не был уверен в существовании сознания. Он полагал, что сознание — это еще не вполне доказанный факт. Выготский симпатизирует Джемсу, но существование сознания считает вполне доказанным. И приводит два факта.

1. Факты, подтверждающие существование сознания

Существует закон внутреннего торможения, открытый Павловым. Он состоит в том, что у животных любой условный рефлекс угасает, если он не подкреплён безусловным рефлексом. Иными словами, если ты не будешь подкармливать животное, то оно быстро забудет выработанный у него рефлекс.

Было бы очень интересно узнать, что бы сказали феноменологи по этому поводу. Они, видимо, не обнаружили бы здесь любимые ими интенции. Либо интенциями они назвали бы то, что Павлов назвал безусловными рефлексами.

У человека сформированный рефлекс не угасает. А по мере повторения закрепляется до автоматизма, не требуя никакого подкрепления. Причина этого состоит в реакции сознания на слово.

Другой факт, подтверждающий существования сознания, связан с именем Ухтомского, который открыл закон доминанты. Этот закон гласит, что у животных есть такие возбуждения, которые заставляют работать на себя другие возбуждения. Например, половое возбуждение кошки только усиливается за счет других возбуждений.

Внимание человека на чем-либо ослабляется посторонними возбуждениями. В ослаблении внимания следует, согласно Выготскому, видеть факт присутствия сознания.

2. Сознание как эхо

Выготский пишет: «Сознание всегда эхо, ответный аппарат» [1, 89]. Что это значит? Это значит, что наше тело, согласно Выготскому, обладает способностью быть раздражителем для самого себя. Одни реакции тела выступают как раздражители для новых реакций тела. «Такова, — говорит Выготский, — основа сознания» [1, 88]. Наше тело как бы гоняет себя по кругу.

Тем самым решение вопроса о сознании зависит от того, как мы будем понимать выражение «наше тело». Если в нем ключевым является слово «тело», то тогда не понятно, почему оно гоняет себя по кругу. Если же в нем главным является слово «наше», то тогда хотелось бы узнать, чем наше тело отличается от любого другого тела. Это, во-

первых. И, во-вторых, если наше тело способно к самораздражению, то за счет чего? Если я правильно понимаю Выготского, то у него и собаки обладают механизмом самораздражения. Но значит ли это, что они переживают свои рефлекс сознательно? Конечно же, нет. Потому что переживание предмета не замещается у них переживанием переживания, т. е. сознанием. А почему? Потому что у них нет, как скажет Выготский, внутреннего чувства.

3. Внутреннее чувство

Согласно Выготскому, внутреннее чувство представляет из себя эхо, отзвук на реакцию организма. Что же понимается под эхом? Выготский разъясняет так: только я сам и я один могу наблюдать мои вторичные реакции, мои реакции на реакции. Никакие зеркальные нейроны не помогают другому человеку видеть эхо моих реакций. Движение моей руки вижу я и видит другой. Это движение — раздражитель для меня и для другого. В этом движении нет никакого сознания, и в восприятии нет сознания. А вот проприоцептивные возбуждения, например, сужение кровеносных сосудов, могу наблюдать только я один. Они есть только у меня. Они вызывают вторичную реакцию, которая является психической. «Психическое, — пишет Выготский, — потому именно и не похоже ни на что другое, что оно имеет дело с раздражениями, не встречающимися нигде более, кроме моего тела» [1, 90]. Поскольку есть что-то, что есть только у меня, постольку важным становится вербальный отчет об этих состояниях. Но не слово, а изображение является первичным отчетом об этих состояниях.

Одним из философских следствий этого тезиса является положение о том, что мыслить и наблюдать за мыслью в один и тот же момент нельзя. Должны быть два момента, два шага. В одном ты мыслишь, в другом ты рефлексируешь. «Я сознаю, — говорит Выготский, — постольку я новые рефлекс могу воспринимать как новые раздражители» [1, 96]. Иначе говоря, мои слова выступают для меня как новые раздражители.

4. Критика Выготского

Выготский полагает, что слово, сказанное мною молча, про себя, и слово, сказанное другим вслух, — одно и то же слово. Потому что и то и другое я могу произнести вслух. На этой возможности строится представление о том, что индивидуальное, мое, конструируется на основе социальности.

Возражение требует смены стратегии рассуждения. *Другой* существует не потому, что он *другой*, как думает Выготский, а потому что я отношусь к нему как к *другому*. *Другой* не субстанция, а функция, уч-

режденная мной. Я же узнаю себя вне зависимости от того, узнает ли меня *другой*.

Отсюда следует, что я познаю *другого* постольку, поскольку я познаю себя, а не наоборот. Если бы я познавал себя постольку, поскольку я сознаю *другого*, то я бы никогда не осознал себя, потому что некому было бы осознать *другого*.

Слово, рожденное в молчании, адресовано тебе самому, в нем то, что выражается, и то, что означается, совпадает. Это слово-изображение. В этом слове нет заднего плана, в нем нет иносказания. Слово, сказанное *другим*, имеет для меня заднюю мысль, в нем есть иносказание, несовпадение выраженного и означенного. Слово, сказанное вслух, может быть адресовано *другому человеку*. Это слово-знак.

Выготский не обращает внимания на то, что внешняя речь без внутренней речи является речью попугая, т. е. автомата. И из этой речи никакой ее интериоризацией не удастся создать внутреннюю речь, ибо внутренняя речь — это не речь про себя, не обломки внешней речи, а речь, обусловленная существованием произвола воображения.

Из определяющей роли *другого* Выготский выводит принципиальную двойственность сознания: «Представление о двойнике — самое близкое к действительности представление о сознании» [1, 96]. Но двойственность сознания обусловлена не *другим*, не социумом, ибо *другой* учреждается моим отношением к нему, а круговыми реакциями эмоции на эмоцию, т. е. амбивалентностью, двоичностью строения самой эмоции. Согласно теории Выготского, у слепоглухонемых не может быть сознания. У них есть центры речи, но у них отсутствуют слух и зрение, а это значит, что их речь не возвращается к ним же самим как раздражитель, они себя не слышат, поэтому их речь бессознательна и асоциальна, она у них является скорее рефлекторным выкриком.

Но слепоглухонемые говорят, и сам Выготский позднее об этом скажет. Поэтому одно из двух — или сознание не эхо, или не существует говорящих слепоглухонемых. Ошибка Выготского состоит в том, что он сознание начал искать в устройстве тела, а не в устройстве тех множественных асоциальных бессознательных потоков дословного, которыми рождалось сознание как самоограничение. Человек всегда думает про себя, его мысль рождается в молчании, и мы никогда не узнаем о том, как эта мысль влияет на его поведение. Наша мысль двойится не потому, что мы шизофреники, наоборот, мы шизофреники потому, что наша мысль изначально раздвоилась в эмоции. Человек всегда находится в критическом состоянии. Он всегда одинок, хотя

никогда не существует один. Люди *единоки*. Их сознание кооперативно.

Что я точно знаю о сознании?

1. Я знаю, что мы сознательно делаем то, что иным образом сделать нельзя. Если бы можно было обойтись без сознания, то мы бы обошлись без него. Сознание необходимо, ибо оно дает нам свободу. Благодаря ему в нас есть спонтанность и произвол.

2. Я знаю: несчастье быть мыслящим, но неразумным. Мыслить — значит грезить. При этом наши фантазмы никогда не бывают индивидуальными, это всегда групповые фантазмы. Грезящий воспринимает предмет без предмета и не видит то, что видно.

3. Нельзя не знать, что сознание — это всегда уже-сознание. А уже-сознание — это исток, полнота которого, не имеет внутри себя смены состояний. Уже-сознание не может быть временем, ибо время — это бесконечность, как в одну сторону, так и в другую. Время, которое полагает себя как время, это не время, а самость. Уже-сознание полагает жест. В жесте рождается указание, указательный жест. Указание ведет нас к значению. Вербальный жест есть клятва. Клятва — исток языка. Язык пытается задать сознание последовательностью знаков, поэтому сознание всегда не там, где оно есть. А там, где оно есть, язык ведет себя неуверенно. Предел языка — в пространстве крика, молчания и боли.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1982.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Концепция космоса и сознания у Плотина как неотъемлемых условий хозяйственной деятельности*

Аннотация. Плотина по праву можно считать одним из родоначальников европейской философии хозяйства. Его неумолимая заслуга состоит в том, что он органично синтезировал в своем учении взгляды предшественников на космос — как образец божественного ведения дел. Архитектоника мироздания и «истекающее» из нее сознание ста-

* Продолжение серии статей (см.: Философия хозяйства. 2009. № 5; 6).

новятся тем «инструментом», благодаря которому человек способен уподобить свою хозяйственную деятельность божественной.

Ключевые слова: Единое, Благо, эманация, космос, душа, сознание, мудрость, порядок, звезды, добродетель.

Abstract. Plotin truly can be considered as one of ancestors of the European philosophy of economy. His implacable merit consists in that he organically synthesized in his doctrine sights of predecessors at space — as a sample of divine business management. Architectonics of universe and consciousness «flowing out» of it become the «tool» thanks to which a person is capable to assimilate his economic activities to divine one.

Keywords: Uniform, the Blessing, an emanation, space, soul, consciousness, wisdom, an order, stars, virtue.

Обращаясь к рассмотрению происхождения сознания в греческой философии, мы были вынуждены ограничить свое исследование одной фигурой, которая органично включала в свое учение все предыдущие точки зрения, учитывая, таким образом, как натурфилософскую, так и идеалистическую специфику мировоззрений своих предшественников. Такой фигурой, представляющей вершину всей античной мудрости, по мнению большинства антиковедов, становится Плотин, мировоззрение которого освобождает нас от необходимости рассматривать каждую концепцию сознания в отдельности [1]. А это значит, что во взглядах основателя неоплатоновской школы — Плотина — в той или иной степени учитываются взгляды на природу сознания мистиков, атомистов, академиков, перипатетиков и, конечно же, представителей эллинистических школ, в коих проблеме происхождения человека уделялось немалое внимание. Кроме того, неоспоримой заслугой Плотина стало и то, что он разработал концепцию сознания, ставшую переходной моделью от античного мировоззрения к христианскому. Подтверждением тому служат отцы церкви — Августин, Иоанн Дамаскин, Фома Аквинский и др., которые, опираясь в учении о душе на онтологическую психологию Плотина, создавали лишь по форме новую концепцию теологической психологии [2, 23].

Однако вернемся к Плотину и вспомним, что энергия Блага обладает всеми характеристиками Небытия. Ибо первая энергия Блага — энергэма — по отношению к эмануемому ей бытию — абсолютно пуста, так как ничего в себе бытийственного не содержит; проста, так как в энергэме нет и не может быть двойственности; покойна, потому что в пустующей простоте нечему двигаться, и, наконец, бесформенна, оттого что не имеет границ. Теперь пришло время определить Благу еще одну небытийственную характеристику: в Благе нет места мышлению, так как субстанция, которая мыслит, тем самым выражает, что

цель ее существования находится вне ее. Более того, Благо вообще не придается никакой деятельности, ибо зачем стремиться и изменяться, если Оно остается целью для самого себя. Иначе говоря, энергэма Блага не мыслит оттого, что ей не о чем и не для чего мыслить, оставаясь Первоначалом.

Вместе с тем бесконечная по размерам и силам энергэма Блага изливает из себя вторую энергию, а та, в свою очередь, третью и т. д. Этому процессу, который называется эманацией, свойственно испытывать все углубляющееся в бытие самоограничение сил и размеров Блага, утрачивающего свое изначальное состояние. В результате Благо ограничивает себя мировым Умом — Нусом, Ум далее ограничивает себя Логосом, Логос — мировой Душой, а та — материальной природой [2, 181]. А это значит, что все, что «ниже» Блага, имеет исключительно эманационную природу, в которой высшая сущность порождает низшую без ущерба для себя. При этом «низшее» сознательно или бессознательно «пытается», подражая, соответствовать «высшему». Эманация становится универсальной организацией всего. А созерцание и подражание — процессы, противоположные эманации, — всеобщим методом восхождения назад к Благоу.

Подобные отношения Небытия Блага и бытия космоса выдвигают ряд принципов, которым неизбежно подчиняется возникающее из них индивидуальное сознание человека, сохраняющее в себе организацию целого, где микромир души человека отражает макромир Вселенной. Но если это именно так, то началам сверхчувствительного мира должны соответствовать подобные им начала и в психической организации человека. И действительно, Мировой Ум — Нус — проецируется в духовный разум, часто именуемый индивидуальной интуицией, Логос мирового Ума превращается в дискурсивный рассудок, мировая Душа эманрует себя в подвижные и бессознательные инстинкты, а материализованная природа, отражая собой завершающий этап кристаллизации сверхсущей энергии Первоначала, становится телесными чувствами. Так часть — душа человека — сохраняет в себе организацию целого. Благо же, оставаясь сверхсущим небытийственным началом космоса и возникающих из него индивидуальных сознаний, выступает для последних целью их существования — счастьем, блаженством, совершенством. Достичь сверхсущего Блага индивидуальное сознание может лишь в том случае, если поменяет свое частное видение мира на универсальное вселенское. Это значит, что пределом расширяющегося сознания в бытии станут границы космоса. Затем сознание человека перестанет проявлять себя в бытии и возвратит себе небытийственное состояние Блага, важнейшими свойствами которого остаются пустота, простота, покой и безграничность. Иначе говоря, вселенские масшта-

бы души и ее сознания являются важнейшим этапом в процессе становления ограниченной части к бескрайнему Небытию Целого — сверхсущего Блага.

Рассмотрим процесс возникновения души человека, который происходит на этапе, когда Мировая Душа уже не пребывает всецело в мировом Разуме, а, отделившись от него, отдается круговому движению вокруг своего умного Центра. И хотя «внутренней» своей стороной она обращена к Уму, «внешней» же производит множественные образы, которые, будучи подобны ей, оформляют собой низшие сферы бытия человеческого, животного и растительного мира. Далее Плотин указывает на то, что в результате соединения души и материального тела возникает сознание, которое, становясь подобием зеркала, отражает и преломляет в себе все воздействия на тело внешнего мира. Это рассуждение Плотина естественным образом вытекает из эннеады I.1.7, где он подробно излагает процесс соединения тела и души с последующим возникновением из их союза живого существа со всеми присущими ему психическими способностями.

В чем же отличие души человека от его сознания? Во-первых, под «душой» подразумевают онтологический аспект сознания, а под «сознанием» — гносеологический аспект души. Ибо когда мы говорим о душе, то имеем в виду ее соотнесенность с субстанцией, которой она принадлежит как часть. Когда же мы говорим о сознании, то имеем в виду ее познавательную способность. Во-вторых, душа представляет интегральную функцию всех способностей сознания. Сознание же определяет дифференциальную способность души концентрироваться на одном или нескольких своих свойствах. Поэтому если мы говорим о целокупных способностях психической субстанции, то уместно употреблять термин «душа». Если же мы выделяем одну из способностей души, например, созерцательную, рассудительную, вожделеющую и т. д., то корректнее будет пользоваться термином «сознание». Именно поэтому не все ощущения в душе осознаны. Но воспринимается, согласно Плотину, лишь то, что прошло через сознание. Когда же какая-то часть души не осмысливается сознанием, тогда ее состояние остается бессознательным.

Таким образом, понятийное «поле» души шире, чем понятийное поле сознания, и оттого последнее относится к первому как часть к целому. Иначе говоря, можно сравнить и определить, что сознание так же относится к душе, как душа к космосу. Но если сознание, душа и космос относятся друг к другу как вписанные в одну окружность круги, то Небытие Блага абсолютно трансцендентно по отношению к ним и не принадлежит ни к одному из этих кругов [3, 109]. Однако мы помним, что в космосе есть неподвижная часть, которая, пребывая в

самосозерцании, порождает все низшие сферы. Этой частью является мировой Ум — Нус, который играет роль онтологической оси, вокруг которой «вращается» мировая Душа. По закону соответствия человеческая душа тоже должна иметь такую же психическую ось, вокруг которой вращается индивидуальное сознание. Такой осью выступает разум человека, часто именуемый духом или интуицией. Наличие духовного разума в душе необходимо нам для того, чтобы более точно дать определение природы сознания, которое немислимо без высшей своей способности. Итак, сознанием называется подвижная проекция покоящегося разума, который призван созерцать сверхсущее Благо. Поскольку Благо обладает необычайными характеристиками пустоты, простоты, покоя и бесконечности, то эти свойства в бытии сознания превращаются, благодаря созерцающему уму, в противоположные им свойства. Так пустота превращается в интуитивную способность, простота — в сложно-дискурсивный рассудок, покой — в спонтанное движение инстинктов, а безграничность — в ограниченные способности телесных чувств.

Все это говорит о том, что душа человека может быть условно разделена на две части: низшую и высшую. Низшая часть души задействована в мировой драме в качестве актера. Плотин говорит, что как актеры получают костюмы, ослепительные наряды или лохмотья, так и душа получает свою судьбу не случайно, а следуя плану Вселенной — Логосу. Здесь низшая душа страдает и радуется, выигрывает и проигрывает, не подозревая, что играет ту роль, что была предопределена ей мировой судьбой. Высшая же часть души освобождена от удела низшей души, ибо, находясь выше распределяющей роли мировой судьбы, она чужда телесной жизни, стремится ввысь, к прекрасному, над которым не имеет власти ничто. Тот, кто живет на высшем уровне души, уже не нуждается в сознании. Живущий на низшем уровне души полностью зависит от качества своего сознания, определяемого судьбой и внешним миром.

Какие же уровни сознания принадлежат высшей и низшей частям души? Поскольку душа человека отражает весь спектр устройства Вселенной, то сознанию души принадлежат четыре уровня. Высший уровень сознания — духовный разум — призван созерцать мировой Ум и его Благо, поэтому этот уровень и принадлежит высшей части души. Остальные уровни сознания относятся к низшей части души: дискурсивный рассудок остается частной проекцией мирового Логоса, который управляет вселенским спектаклем; инстинкты и воля принадлежат движению мировой Души, дарующей и отбирающей жизнь; и, наконец, телесные чувства относятся к материальной природе, придающей всему определенные формы [3, 279]. Иначе говоря, сознание

способно пребывать на четырех уровнях: интуиция или разум — на духовном, рассудок — на интеллектуальном, инстинкты — на физическом, телесные чувства — на моральном.

Важнейшую роль в определении качества индивидуального сознания играют звезды и их орбиты. Сами звезды являются первыми зримыми формами незримого божественного бытия Вселенной. В звездах концентрируется энергия Вселенной, которая, будто «дирижерской палочкой», управляет подлунным миром. И повинна в этом мировая Душа, превращающая незримый мир божественных энергий в зримый мир звезд. Планетарная система космоса образует разноуровневое пространство, в котором движение и величина звезд указывают на близость к Благу. Душа человека есть концентрированная энергия звезд, выпущенная на волю. Родственная душе звезда определяет не только темперамент и внутренние способности души, но и будет для нее духом-хранителем.

Далее Плотин в энеаде II.3.1 — II.3.3 утверждает, что воздействие материнской звезды на душу человека в разное время неодинаково. Это объясняется тем, что в процессе своего орбитального движения светило принадлежит то одной группе звезд, то другой. Таким образом, общее воздействие звезд в разные моменты времени будет отличаться от воздействия отдельно взятой звезды, подобно тому, как соединение различных жидкостей дает смесь, не похожую ни на одну из ее составных частей. Душа же человека, буквально вдыхая в себя разнородную энергию своей звезды, поступает в своей жизни в соответствии с теми ощущениями удовольствия или страдания, гнева или радости, которые получает свыше. Поэтому весь внешний опыт души продиктован звездным небом. А раз так, то мы можем проследить судьбу соответствующей души по звездной карте неба и предугадать по расположению звезд ее будущее.

Однако влияние звезд на душу человека не безгранично. Энергия звезд способна воздействовать только на низшую часть души, управляя рассудком, инстинктами и телесными чувствами. Высшая же часть души — духовный разум — звездам не доступна. Воздействуя на низшую часть души человека, звезды хотят освободить себя из «плена» зримого бытия космического движения и через одушевленные свои энергии вернуть утраченное состояние блаженного Небытия благого Первоначала. Поэтому Плотин буквально призывает «отвернуться» от низшей части души и трех уровней ее сознания: рассудка, инстинктов и телесных чувств. И научиться смотреть внутренним духовным взором ума, на который невозможно влияние неба: «Надо перестать смотреть, надо, закрыв глаза, научиться видеть иначе и пробудить способность, которой обладают все, но мало кто пользуется».

Плотин сравнивает сознание с зеркалом, которое достаточно протереть и повернуть в нужном направлении. И тогда оно отразит находящиеся перед ним предметы. Во власти человека управлять «зеркалом» своего сознания, став выше судьбы и будучи неподвластным звездам. Но для этого необходимо, чтобы мы обратили свою способность восприятия внутрь и сосредоточили внимание в этом направлении, чтобы по мере сил отгородиться от всякого постороннего шума и сохранить в чистоте силу восприятия души, дабы она могла слышать голоса свыше.

Далее Плотин в энеаде IV.4.2 описывает приходящее при обращении внутрь состояние созерцательного экстаза, при котором сознание полностью утрачивается, субъект, сливаясь с объектом, продолжает существовать лишь потенциально. Шокирующим становится открытие, что сознание для высшего состояния не только помеха, но даже патология, которая не дает возможности слиться воедино с Благом: «Сознание ослабляет сопровождаемые им действия, ибо будучи освобожденным от него, в душе проявляется больше жизни. В бессознательном состоянии существа, достигшие мудрости, ведут более интенсивную жизнь». Поэтому мудрец относится к своему сознанию как к инструменту, заботясь о нем до тех пор, пока он не вышел из строя, но как только, например, лира приходит в негодность, музыкант оставляет ее и поет без аккомпанемента. Так и мудрец не нуждается более в нижней части души, так как он окончательно обрел высшую.

Итак, в высшей части души мудрец становится вместе с Благом Всем, перестав быть кем-то. И этот «кто-то» есть ограничивающая сила сознания, которая всецело находится под властью звезд и внешнего мира. Отбросив же сознание, он становится тем, чем и раньше был — бесконечным, покоящимся, простым и пустым, вмещающим в себя все.

Поэтому трагедия человеческой жизни состоит в том, что внутренний взгляд обращен не «внутрь», а «вовне». Мы все, говорит Плотин, подобны лицам, повернутым наружу, но связаны изнутри с единой вершиной. Но если бы могли вдруг обернуться или нам бы повезло и «Афина потянула нас за волосы», то увидели бы одновременно Бога, себя и все сущее.

«Вредоносность» сознания объясняется тем, что оно, имея энергичную природу Блага, в нижней части бытия кристаллизуется, принимая форму хаотично изменяющейся материи, столь близкой для телесных чувств. Именно поэтому материальный хаос весьма близок к изменчивой множественности телесных чувств, которые без помощи высших уровней сознания никогда не придут к единству. Оттого «небытие» материи — полная противоположность «небытия» Блага, а

между ними располагается становящееся бытие индивидуального сознания. Так, если Небытие Блага едино, просто, покойно и бесконечно, то не-бытие материи множественно, сложно, подвижно и ограничено. Близость сознания к «не-бытию» материи сказывается на качестве будущих жизней, страдающих от метемпсихоза. Это значит, что душа вселяется в последующей жизни в тело, которое соответствует самой востребованной способности сознания прошлой жизни, так как берет верх только одна из них [3, 313]. Тот, кто при этой жизни сумеет удержаться на достойном человека уровне, вновь родится человеком. Кто живет, целиком отдавшись чувственному, в последующем воплощении будет тем или иным животным, в зависимости от того, какие из чувственных интересов в нем преобладали. Те, у кого наряду с чувственностью имелись и зачатки духовности, станут благородными хищниками. Зверьми же прожорливыми и похотливыми — те, кто в людских телах были таковыми. Те же, чьи интересы не простирались даже на область чувственного, кто просто вяло произрастал, те станут членами мира растений, ибо главенствующей в них была растительная способность души. Бездумные гуляки станут певчими птицами и насекомыми. Цари, правившие бездарно, но при этом сознательно не причинявшие зла, — орлами. Теми же птицами, что парят высоко в поднебесье, родятся те, кто при этой жизни были людьми поверхностными, любителями праздных рассуждений. Преуспевшие в гражданских и личных добродетелях могут опять прожить человеческую жизнь, а если нет, то стать животными социальными — пчелами или муравьями. Вот почему нужно стремиться к высшей части души, которая, находясь под знаком разума, выше звезд и потому устремлена к Богу.

Фактически перед нами пассаж, обвиняющий сознание в том, что из-за него существо не способно обрести состояние целого, а вынуждено довольствоваться частью в образе человека, животного, насекомого или растения.

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению каждого элемента сознания и доли его участия в становлении к Благуму или материальному «не-бытию».

Разум. Высшая часть души обладает духом, часто именуемым разумом или интуицией. В чем различие этих терминов, обозначающих одну способность? Духом называют онтологическое состояние интуиции; интуиция же — это гносеологическая способность духа. Дух пребывает, интуиция постигает. Но быть и постигать для духовной интуиции — это одно и то же, так как в этом состоянии познание тождественно познаваемому, и наоборот. Иначе говоря, интуиция — это способ постижения духа, а дух — это состояние интуиции [4, 240]. Какое отношение имеет к ним разум? Разум подразумевает пребыва-

ние духовной интуиции в душе человека и одновременно высшую форму ее организации и потому отражает скорее психологическое состояние субъекта, проявляющееся в отношении к себе и событиям внешнего мира.

Рассмотрим же, какова природа духовного разума. Поскольку разуму человека соответствует в космосе мировой Ум — Нус, то по закону соответствия, в котором микромир тождествен макромиру, ум человека имеет энергийную природу первозданного умозрительного света, проявляющего себя в виде духовной интуиции. Этот свет умозрителен, а не просто зрим. Ибо он исходит от Единого к уму, а не от звезд к душе. Этот свет, освещая самого себя, создает — эманурует — потенциальную энергию индивидуального разума человека, становясь актуальным только в момент мышления. Иначе говоря, если потенциальная энергия ума проявляется только в способности к мышлению, то его актуальная энергия — в самом мышлении о себе. Именно в тот момент, когда разум мыслит самого себя, мыслимое и мыслящее становятся абсолютно тождественными друг другу. Это тождество знаменует собой рождение субстанции индивидуального ума человека. Итак, субстанцией ума выступает первая актуальная энергия, направленная на мышление о себе. Но если для человека субстанция его ума является «первой» энергией бытия, то для Единого она остается лишь «второй», ибо исходит из энергемы его Небытия. «Вторая» энергия Единого, она же «первая» энергия человека, остается по сути универсальной. Это значит, что всякий индивидуальный разум, приходящий к самомышлению, становится универсальным — всеобщим, т. е. присутствующим всем людям на высшем этапе их развития. Именно поэтому самопознание разума — самое совершенное познание, ибо он постигает в своей первой субстанциональной энергии все и сразу. Будучи всем по своей субстанциональной сути, разуму человека чужды какие-либо желания, и потому он не отдается никакой практической деятельности. Вообще разум человека, оставаясь эманационной проекцией мирового Ума, одновременно выступает первым бытийственным проявлением небытийственного Блага в психической организации субъекта.

Каково назначение разума? Плотин в V.3.3. подтверждает нашу мысль об универсальности разума, обращенного на себя. И потому он одновременно нам принадлежит и не принадлежит. Если иными психическими способностями мы можем руководствоваться согласно своей воле, то духовная интуиция иногда открывается нам, а иногда — нет. В первом случае он наш, а в последнем — не наш. Но для того чтобы приблизить его приход, Плотин предлагает «отвернуться» от всех иных форм сознания и, пребывая в полной внутренней тишине, ожидать его возможного проявления. Но если мы способны ощутить

присутствующий в нас дух, то достигаем истинного самопознания, так как, озаряемые его светом, сами становимся духом. Соединяясь с духом, человек утрачивает самосознание и перестает быть собой, превращается в высшее существо сверхчувствительной области. Созерцая ее, он становится ею. Кроме того, разум, созерцая идеи мирового Ума, становится их носителем и выразителем, и потому, возвращаясь назад в низшие сферы своего сознания, он проводит во внешнюю жизнь идеалы добра, красоты, истины, справедливости, увиденные и пережитые им в сверхчувствительной реальности.

Поэтому первейшей задачей разума выступает обращение сознания на себя. Только таким путем — обращением к Разуму — сознание, будучи его образом, способно осуществлять самую совершенную деятельность, именуемую добродетелью. Собственно, всякая добродетель есть овеществленный в деятельность индивидуальный разум, выступающий посредником между Небытием Блага и бытием сознания. Тот же, кто из-за слабости собственного ума не способен узреть высшее начало духовной сферы, тот вынужден прибегать к услугам своих телесных чувств, пытаясь телом испытать те смутные ощущения, которые в полной мере доступны только созерцающему уму.

Пока ум человека пребывает в покое, он совершенен и поэтому отличается от небытийственного Блага только размерами. Покоящийся ум относится к Благу, как точка к бесконечности. Однако как только разум впадает в движение, он становится множественным и моментально превращается в многообразные способности сознания. Сознание есть подвижная и множественная проекция разума [4, 140]. Но как только сознание приходит к единству и покою, оно мгновенно становится умом. Разум субстанционален и потому в сознании не нуждается, так как оно есть не просто его эманация, но, более того, сознание есть символ «падения» разума в становящееся бытие психики субъекта. Поэтому существование сознания немислимо без разума, ибо он является не только причиной возникновения сознания, но и пределом его становления к совершенству.

Сознание тем более свободно, чем меньше движения оно испытывает, приближаясь к покоящемуся уму. Ум, будучи проекцией Блага, абсолютно свободен тогда, когда реализует свою природу. Природой ума выступает сверхсущее Благо, которое вечно пребывает в покое. Следовательно, абсолютная свобода разума заключается в обладании небытийственным покоем Блага.

Однако Плотин ставит непомерно высокую цену, непосильную обыденному сознанию в достижении им столь желанной свободы. В VI.8.6 указывается, что не только разум, но и принадлежащие ему добродетели предпочитают оставаться в покое, отстраненно следя за соз-

нением. Но когда требуются действия, разум управляет сознанием, сохраняя при этом свою свободу, так как он вовсе не озабочен чем-либо внешним, как, например, тем, чтобы спастись от какой-либо опасности. Напротив, разум не только не считает нужным об этом заботиться, но иногда прямо требует от сознания пожертвовать жизнью, детьми, отечеством, так как цель, которую он преследует, есть достижение прекрасного, а вовсе не сохранение того, что ниже. Поэтому, считает Плотин, подлинно свободным мы признаем только того, кто, освободясь от плотских страстей, не руководствуется ничем иным, кроме энергии собственного разума.

Рассудок. Индивидуальный разум, будучи продуктом эманации, сам продолжает эманировать из себя энергии более слабого состояния, которые последовательно образуют две чередующиеся друг за другом по силе психические способности, а именно рассудок и следующие за ним инстинкты. Вот как об этом говорит Плотин в VI.7.35: «В созерцании первого рода разум есть дух рассуждений (т. е. рассудок), а в созерцании последнего рода он — дух любящий (т. е. инстинкты)».

Важно в очередной раз отметить, что универсальная эманация сохраняет тождество архитектоник как макромира, так и микромира человека. А раз так, то в каждой психической способности человека мы обнаруживаем в космосе тот первообраз, из которого она, истекая, воспроизводит его к сознательной или бессознательной деятельности субъекта. Так, если разуму человека соответствует в умозрительном космосе мировой Нус — Ум, то следующая субстанция — Логос, будучи продуктом эманации мирового Ума, проецируется в психику в виде рассудительной способности рассудка. Вообще о Логосе следует отдельно сказать пару слов. Дело в том, что Логос является связующим звеном между покоем мирового Ума и движением мировой Души. И если Ум представляет собой покоящуюся целостность, то Душа — подвижное множество. Логос становится результатом «дробления» созерцающего Ума на онтологические части, которые в дальнейшем стали именоваться идеями. Доля участия идей в жизни мирового ума различна. Чтобы отличить одну идею от другой, рождается понятие «числа». Число — это философский символ, указывающий на долю участия идеи в жизни целого. Чем ближе число идеи к единице, символизирующей жизнь целого, тем ближе она располагается к мировому Уму. Благодаря такой «числовой упорядоченности» рождается универсальная мировая иерархия, которая всецело принадлежит Логосу. Логос выступает символом порядка (космоса), «дробящегося» на части — идеи мирового Ума. Логос еще обладает покоем Ума, но уже не обладает его единством. С появлением мировой Души множественность Логоса обретает космическое движение, первая форма проявле-

ния которого обнаруживает себя в упорядоченном движении звезд. Так Нус, Логос и Душа макромира становятся источниками психических способностей обретаемых форм индивидуального разума, рассудка и инстинктов. Мировому Логосу в душе человека соответствует рассудок, который, взвешивая и рассчитывая каждую часть, наделяет ее своим «числом» с последующим определением для нее места в мироздании и мировоззрении [4, 137]. Способность к вычислениям одного рассудка отличается от другого из-за того, что орбитальные движения звезд, наделяющих рассудки своими энергиями, — различны. Чем больше орбита звезды — тем выше ее способность к рассуждениям, чем меньше орбита звезды — тем ближе она и соответствующий ей рассудок к покоящемуся Благу. Таким образом, рассудок — это логос души человека. А мировой логос — это рассудок Вселенной.

Сравнивая между собой назначение разума и рассудка, можно сказать, что последний рассчитан на получение материала извне. Между тем как разум тем и превосходит рассудок, что созерцает и знает не только то, чт. е. в нем, но и самого себя. Разум, как мы уже упоминали, в полной мере сознанию не принадлежит, ибо обходится и без услуг последнего. Рассудок же, всегда пребывая во власти сознания, определяет его качество и состояние. По сути оставаясь подвижным образом разума, рассудок призван растолковывать и диалектически обосновывать те нормы и идеи, которые начертал в нем дух. Поэтому если разум «работает» с энергиями, полученными от самого Блага, и зависит от них, то рассудок, будучи центром сознания, опирается на чувственные образы, исходящие от телесных чувств, отталкивается от инстинктивных ощущений и, наконец, воспринимает эйдосы разума. Все это осмысливается им в процессе мышления, благодаря чему рождается умозаключение. Умозаключение рассудка есть оценка воспринимаемого явления, которому определяется место во всеобщей цепи событий. А раз так, то мы обнаруживаем еще одно характерное отличие, которое заключается в том, что рассудок испытывает свое становление во времени, разум же пребывает в вечности. Сам Плотин сравнивает взаимоотношения рассудка с разумом с добрососедством простого человека и мудреца: «Рассудок уподобится человеку, живущему вблизи мудреца. Соседство это приносит свои плоды: либо он становится похож на него, либо так его почитает, что не посмеет сделать что-то, чего мудрец не пожелал бы. Поэтому внутренней борьбы не будет. Присутствия разума достаточно: низшая часть души склонится перед ним. Если ее что-то смущает, она сама будет досадовать, что не пребывает в покое в присутствии своего властелина, и сама же будет обвинять себя в слабости.

Таким образом, можно заключить, что для человека возможно двойное самопознание: через разум и через рассудок. Если он познает себя через разум, тогда становится больше самого себя — существом, мало отличающимся от Бога, или даже самим Богом. Если же он познает себя через рассудок, тогда он в полной мере познает себя как человеческое существо, которому присущи радости и печали, удовольствия и страдания. Самопознание разума более совершенно, чем самопознание рассудка, ибо если сознание занимается познанием себя через рассудок, то оно постигает себя как часть, которая, пребывая внутри с целого, вынуждена устанавливать с ним связь. Между тем как разум, обращенный на себя, постигает целое, которое, будучи Благом, растворяет без остатка эту часть в бесконечной простоте и покое Невытия.

Инстинкты. Онтологическое происхождение инстинктов Плотин демонстрирует в эннеаде III.5.7, где движение мировой Души рождает космический «эротизм», трансформирующийся в низшей части души человека в форму инстинктивного поведения, высшим проявлением которого становится чувство любви.

В космологической части своего мировоззрения Плотин во всем соглашается с Платоном, считая, что Любовь, часто именуемая Эротом, родилась в мировой Душе в процессе созерцаний ею более высокой субстанции мирового Разума. Союз высшего Разума с чем-то неразумным, непросветленным, неопределенно устремленным в сущее произвел плод — Эрота, весьма далекого от совершенства. Он не самодостаточен, не вечен, унаследовав черты обоих родителей, сочетает в себе разумность с бессмысленностью. Плотин буквально говорит, что Эрот, цепляясь за Душу — источник своего бытия, ослаблен включением в него элементов разумного принципа, смешанного с неопределенностью [5, 502]. Он не касается Души непосредственно, а истекает из нее как ее эманация. Как и все смешанное, Эрот никогда не бывает полностью удовлетворен, поскольку истинное удовольствие может принести лишь приобщенность к собственной природе. Эрот, наследуя таким образом богатства умопостигаемого мира, ввиду своей природной недостаточности бывает и бессилен. Обладая энергией мировой Души, Эрот остается несамодостаточным. Поэтому он вынужден устремляться к частным вещам, если замечает в них следы красоты Блага. Имея смешанную природу, Эрот ищет способы восполнить свой ущерб, устремляясь к образам Блага.

Согласно принципу соответствия, в котором микромир тождествен макромиру, инстинкты человека обязаны своим происхождением индивидуальному разуму человека. Так, в VI.7.35 говорится о том, что последний уровень умного созерцания человека связан с любовью. И

когда он находится в этом состоянии, то, упиваясь чувственным нектаром, теряет рассудительность. Разум отдается этому блаженству до пресыщения, предпочитая это нетрезвое состояние состоянию трезвой рассудительности. Вспомним, что разум может быть обращен на себя, а может быть обращен и вовне. Обращенность же энергии разума вовне рождает волю, ибо, утрачивая покой самодостаточности, разум, обращенный вне себя, вступает в сферу необходимости, становления и недостатка. Таким образом, воля как эманация разума в низшей сфере хочет обладать тем, чем разум владеет во всей полноте. Если воля человека направлена назад к разуму и его Благу, то эту волю Плотин называет духовной. Если же воля направлена на множественные блага тела, то она становится физической волей или, иначе говоря, инстинктом, среди которых самый сильный — это инстинкт размножения или любви.

Превращение энергии воли в инстинкт любви происходит следующим образом. Воля как низшая энергия индивидуального разума стремится найти свое место в изменчивом пространстве бытия и придти благодаря этому к гармонично-блаженному состоянию утраченного покоя. Поэтому, устремляясь к созвучным ей вещам, воля превращается в бессознательный инстинкт любви, избегая несозвучных вещей, становится инстинктом сохранения. Какие вещи «симпатичны» воле? Те формы и предметы, на которых лежит печать Блага — красота. Красота — это энергия Блага, освещающая собой части Целого [5, 529]. Чем выше воля к Благу разума, тем выше ее способность узреть красоту в вещах и явлениях мира. Таким образом, индивидуальный разум, эмануруя себя в низшие сферы бытия в виде воли, стремится во всем узреть следы Блага — красоту, превращаясь в инстинкт любви. Красота манит к себе инстинкт любви, так как в ее упорядоченности и пропорциональности бессознательно угадывается образ Блага. Вместе со всеми инстинкт любви подвержен универсальной эманации, изливание которой рождает иерархию представлений о красоте. Те, кто озабочен лишь продолжением рода на земле, довольствуется земной красотой образа и плоти. Такие люди находятся лишь в начале своего пути, и потому земная любовь приносит некоторое успокоение в их души, в которых уже начали пробуждаться пока еще смутные влечения к высшему. Есть души, для которых земная красота — это поводырь, ведущий их дорогой воспоминаний к истинной красоте горних сфер. Такие души любят земную красоту как образ красоты небесной... Чистую любовь влечет к красоте как таковой, независимо от того, вспоминается ли при этом что-нибудь или нет. Пределом любви к красоте выступает Благо. Благо — сверхсущий прообраз всякой красоты, эманация которой рождает бытие космоса и становление

в нем сознания. Последнее не может выйти за пределы Единого, так как дальше Него ничего нет.

Подведем итог в отношениях разума к инстинкту. Если разум человека — это духовный инстинкт, стремящийся через созерцание к духовному бессмертию, т. е. покою Блага, то инстинкт — это физически проявляющий себя разум, устремленный через любовь к красоте Блага и физическому бессмертию рода. Космический инстинкт — Эрот — поддерживает собой гармонию и бессмертие целого мироздания, а соответствующая ему сила в психике человека — инстинкт размножения — поддерживает собой гармонию и бессмертие его части — рода.

Телесные чувства. Если Нус (Ум) проецируется в психике человека в виде его индивидуального разума, Логос становится рассудком человека, Душа мира — его инстинктивными потребностями, то итогом эманационной рассеянности Единого в бытии космоса выступает его остывшая энергия, принимающая форму хаотично изменяющейся материи, которая в крайне сжатом состоянии обретает свойства телесных чувств. Телесные чувства, таким образом, оформляют собой границы становления энергии Единого в сознании человека и потому, будучи подобны всему материальному миру, постигают свое инобытие в его вещах и формах. Иначе говоря, весь внешний мир состоит из того же материала, что и телесные чувства человека. Разница между ними лишь в концентрации и степени организации. Так, предметы материального мира становятся пределом рассеянной энергии Единого в макромире. Телесные чувства определяют предел рассеянной Его энергии в микромире индивидуальной психики. А само Единое остается источником бесконечно истекающей из него энергии, разные этапы становления которой превращают ее в материальный мир и чувства человека [5, 430].

Тогда применительно к сознанию человека можно сказать, что пять телесных чувств выступают пределом рассеянной энергии индивидуального разума, который, будучи субстанциональным светом, изливаясь, превращается в видение, слышание, обоняние, осязание, вкус. По сути, каждое из чувств есть отдельное свойство единого разума, вынужденного из-за собственной эманации прийти к телесно-чувственной множественности. Так что последние становятся его подвижной периферией. Рассеянные силы разума оформляют каждый свой орган, призванный различать и познавать вещи внешнего мира. Так способность видеть оформляет в теле свой орган — глаза, способность слышать рождает уши, способность воспринимать вкус — язык и т. д.. Здесь мы видим, как тело и его чувства становятся инструментом сознания, а сознание — инструментом разума человека.

Телесные чувства, инстинкты, рассудок и разум имеют, согласно Плотину, развитую структуру своих добродетелей, образующих иерархию. Последняя играет роль своеобразной лестницы, по которой сознание человека восходит к своей вершине — совершенству. Под совершенством понимается отождествленное с Благом состояние, где сознание, утрачивая свое становление в бытии, достигает Небытия. Верным признаком совершенства выступает экстаз, символизирующий возвращение бытия сознания субъекта в Небытие Блага. Здесь происходит отрешение от всего внешнего, отсутствует всякая душевная деятельность. Разум весь как бы исчезает, ибо, восхищенный и иступленный, очутившись в полном уединении от всего и в совершенной тишине, погружившись всецело в глубину собственного существа, не обращает внимания ни на что другое. Он словно остолбенел, весь обращенный в полный и чистый покой.

Когда же душа возвращается назад, вынуждаемая давлением сроков своей земной жизни, то вследствие своего совершенства она обретает ряд свойств, свидетельствующих о ее богоподобии. Главным среди них выступает свобода, которая в высшей форме своего проявления ассоциируется с покоем. Покой — это мощь свободы, которую ничто не способно потревожить.

Следующим за свободой свойством становится счастье, принадлежащее уже не времени, как у обывателя, а вечности. Принадлежность счастья вечности делает его атрибутом бесконечности, в котором полнота бытия есть лишь эманация пустоты Блага как вместилища и условия существования всякой полноты. Быть счастливым для мудреца — значит осознавать после пережитого экстаза, что полнота благ может существовать только на фоне полной пустоты, а не на фоне страданий, потерь и лишений, как это думает обыватель. Цельность счастья оставляет его за пределами раздробленного, множественного и всегда подвижного сознания. Поэтому ни телесные чувства, ни инстинкты, ни рассудок не ведают ощущения подлинного счастья, в котором способен пребывать один лишь разум, чья энергия направлена к Благу. Единство Блага и разума позволяет самозабвенно ощутить то, что недоступно сознанию и его атрибутам. И, наконец, подлинно счастливый человек бездеятелен, ибо всякая деятельность — признак несовершенства, так как остается средством, к которому прибегают, чтобы обрести недостающее благо. Но когда полнота благ определена, то всякое средство из-за обладания всеми целями становится лишним.

Мудрость остается, пожалуй, самой низшей формой проявляющего себя совершенства, ибо, принадлежа еще становящемуся сознанию, она символизирует путь, который должен быть пройден тем, кто, отказываясь от множественности, возвращает себя к единству.

* * *

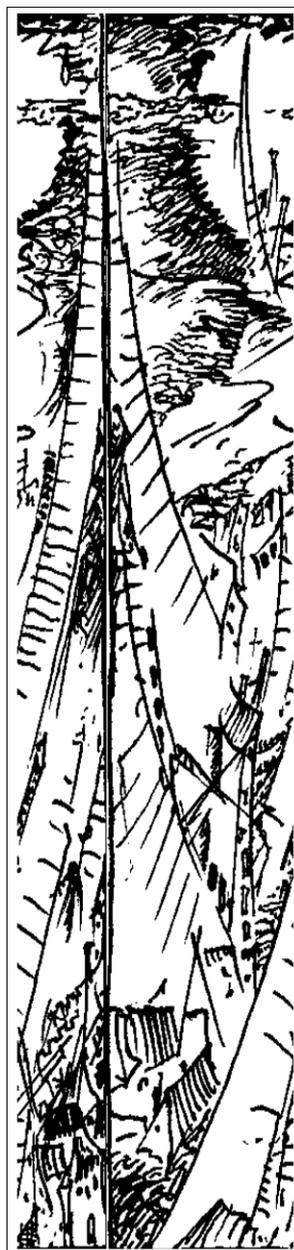
Подводя итог природе сознания в наивысшей форме развития античной философии, представленной учением Плотина, необходимо отметить, что Небытие именуется здесь сверхсущим надсубстанциональным Благом, количественная характеристика которого становится Единым. Благо или Единое, согласно Плотину, имеет все свойства Небытия, определенные как пустота, простота, покой и бесконечность. Главной и единственной формой возникновения бытия выступает процесс эманации, спиралевидное изменение которой из Блага рождает тождественные структуры космической и психической жизни. Сознание субъекта, имея свою субстанциональность в мировой Душе, призвано преодолеть промежуточные состояния космоса для того, чтобы зримое умом божественное бытие превратить в Небытие, выступающее не только источником всего, но и представляющее высшую онтологическую и психическую ценность.

Литература

1. *Плотин. Эннеады*: В 7 т. СПб., 2004—2005.
2. *Блонский П.П.* Философия Плотина. М., 2009.
3. *Берестов И.В.* Свобода в философии Плотина. СПб., 2007.
4. *Рист Дж.М.* Плотин: путь к реальности. СПб., 2005.
5. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. М., 1980.

V

АКАДЕМИЯ

И.И. РУДЯК

**Экономика Маркса или хозяйство Булгакова:
межсистемная борьба законов как эффект Кулешова**

Аннотация. Данная статья представляет собой «междисциплинарный анализ» понятий «экономика» и «хозяйство» (в трактовке Булгакова). Развитие форм хозяйства происходит междисциплинарно и по законам киномонтажа.

Ключевые слова: межсистемная борьба, монтажный стык систем, взаимные искажения.

Abstract. This communication is between subject analysis of «economics» and «economykeeping». Development of economykeeping forms is between subject and is like cinema montage.

Keywords: between subject wrestling, montage joint of systems, mutual distortions.

1. Сумо в пятом уровне: борьба систем законов друг другу. Эволюция форм материального существования человечества сегодня происходит по вектору: от экономики к хозяйству. В ближайшем будущем нас (в рамках практики) ожидает не мир законов экономики, а мир «законов хозяйства». Законы экономики, разумеется, будут существовать, но только в абстрактном мире науки: для их использования в создании законов хозяйства (которые и будут применяться на практике). К законам экономики в чистом виде возникнет «фактурное отношение», т. е. с точки зрения чистой науки они будут признаваться, а с точки зрения практической жизни — нет. Так произойдет потому, что законы экономики не работают «в чистом поле»: в рамках реальной жизни они вступают в отношения с законами других наук, которые в процессе истории были «выведены отдельно». Очень часто разные «системы законов» совершенно друг другу не соответствуют. Например, экономическая система не соответствует психологической системе (Достоевский писал, что социалисты проиграют, потому что не учитывают психологии). В реальной жизни существует «борьба систем законов» друг с другом: поэтому-то «внутренне логичное» учение Маркса в реальной жизни не победило (законы Маркса в реальности искажаются законами Фрейда).

Пятый уровень развития материи (ТКЦ) есть топологическое единство (Т) культуры (К) как подсознания и цивилизации (Ц) как созна-

ния. Та борьба между подсознанием (культура) и сознанием (цивилизация), которая, по мнению Фрейда, происходит в рамках мозга, происходит и в пятом уровне. Это выражается как борьба системы экономики (Маркс) и системы психологии (Фрейд) в ТКЦ. По Фрейду, в рамках мозга происходит «борьба слоев»: подсознания и сознания. По такой же схеме у Эйзенштейна внутрикадровое пространство из-за внутрикадрового конфликта разрывается на слои: борьба героев происходит в виде борьбы слоев (фильм «Старое и новое», борьба беднячки и кулака). «Такой же образ насилия рисуется и в концепции Фрейда. Но эта концепция прежде всего занята обследованием “вторжений” этой стихии подсознания, “подавленной” высшими слоями сознания. Прямое вторжение в область сознания, искажение нормального течения процесса сознания под влиянием подспудных толчков этого скованного сознания — вот круг основных тем, которыми оперирует Фрейд» [1, 179]. Так пятый уровень тоже разрывается на слои: борьба законов экономики (сознание, общественный интерес) и законов психологии (подсознание, личный интерес) — тоже борьба слоев.

2. *Монтажный стык систем: две мамы и взаимные искажения.* Японские тяжеловесы (борьба сумо) стараются вытолкнуть друг друга с площадки. Законы экономики и психологии, выталкивая друг друга, создают «взаимные искажения». Правильные экономические законы существуют, но не работают, потому что на них давят другие правильные (психологические) законы. Маркс и Фрейд выводили свои законы отдельно. Маркс писал, что за огромную прибыль предприниматель готов продать даже родную мать. Фрейд писал, что сын питает к матери сексуальные чувства. Любой предприниматель-мужчина не может одновременно следовать двум системам закона (вначале продать, а потом «сексуально чувствовать»): поэтому-то не работает ни один из законов (в рамках клинической нормы истории не известны такие предприниматели, которые бы в интересах бизнеса на самом деле продавали своих матерей, но не известны и такие мужчины, которые бы женились на своих матерях). Клинические случаи чаще всего являлись следствием бедности и чудовищных условий существования: на стыке учений Маркса и Фрейда («сумо мам»: «мамы Маркса» и «мамы Фрейда»). «Там, где массы не жили, а проводили только ночь в квартире, их половая жизнь могла, естественно, вылиться только в самые отвратительные формы. Таков и был характерный признак половой жизни рабочего класса... Матери становились беременными от собственных сыновей...» [2, 446]. Мы видим, что «отдельные законы» вполне абстрактны — и к реальности имеют малое отношение: их в реальной жизни уничтожают взаимные искажения. В романе Достоев-

ского «Идиот» мы находим соответствующий пример: Ганя у печки смотрит на горящие пачки денег — и по-фрейдовски страдает от раздвоения: и хочется присвоить их, и гордость не велит. Мы видим, что чистым законам нет места в реальной жизни — работают лишь монтажные «стыки законов», которые и следует изучить.

3. *Наука о монтажных стыках систем.* В реальной жизни могут не срабатывать законы разных наук: срабатывает то, что получается на стыке их взаимного давления («стык давления»). Монтажный «стык систем» («стык сумо») есть место локализации «феноменологической формы», которая и действует в реальности как «междисциплинарный закон». «Эффект Кулешова» есть результирующая взаимного влияния друг на друга соседних кадров. Создание «науки о монтажных стыках систем» позволит изучить реалии происходящих процессов. Основным законом подобной науки есть «закон ассоциации», т. е. закон об образовании нового качества как резонансного «результирующего контура» двух отдельных систем (общее двух систем резонансно усиливается, что и создает общий контур, воздействующий на объекты реальности). Контур — это кондуит (модуль синхронизации). Отсутствие синхронности порождает конфликт на монтажном стыке: он разрешается созданием «резонансного консенсуса» как «обобщающего контура». «...Каждый данный конфликт может разорваться по линии каждого конфликтующего крыла в два (и более) рядом стоящих самостоятельных куска... сама линия композиции контура отдельного куска будет проходить... сквозным образом через целую серию кусков...» [3, 106]. Наука о монтажных стыках систем есть наиболее реалистический метод познания действительности. «Мне бы хотелось одновременности восприятия всех их разом... все они — ряд секторов в разные области вокруг одной общей, определяющей их, точки зрения — метода» [3, 475].

4. *Экономика Маркса и хозяйство Булгакова.* Хозяйство отличается от экономики «органической междисциплинарностью»: здесь важны не сами по себе экономические законы, а «законы цельного мира», в рамках которых экономические законы могут быть рассмотрены вместе со своими искажениями и стыками. Законы хозяйства — законы феноменологические, монтажные, междисциплинарные (с учетом законов формы). Если законы экономики не срабатывают в реальности из-за «фрейдовского противоречия», то как законы хозяйства напоминают «анохинскую доминанту» (когда в каждом случае мозг работает целиком, настроившись на одну из задач и находясь в одном из возможных для себя состояний). В хозяйстве не существует таких «понятий трехмерности», связанных с земным притяжением, как базис и

надстройка (экономика), а существуют «понятия четырехмерности», связанные с невесомостью космоса, такие как органическое единство. «Мне бы хотелось одновременности восприятия всех их разом... установить возможность взаимоотношения каждому очерку непосредственно с каждым — переходить одному в другой и обратно. Взаимоссылками из одного в другой. Взаимодействиями одного по отношению к другому. Такому единовременью и взаимному проникновению очерков могла бы удовлетворить книга в форме... шара!» [3, 475]. И хозяйство Булгакова, и книга-шар Эйзенштейна напоминают компьютер. В хозяйстве экономические законы вступают в компьютерные «обратные связи» с законами других наук. Хозяйство похоже на абстрактную картину именно преобладанием над предметами — связей (т. е. абстракционизм Кандинского имеет компьютерную природу). Хозяйство — это междисциплинарная сеть феноменологических связей. Законы монтажных стыков, действующие в рамках хозяйства, соответствуют законам физиологического восприятия человеком объектов: и это — «фрагментарное восприятие» (абрис, цвет, запах, колючесть розы проходят по каналам восприятия человека — отдельно, а цельность розы возникает в его сознании). «Но был философ... Эрнст Мах, который сказал, что не тела вызывают ощущения, а комплексы ощущений вызывают тела, которые, в свою очередь, есть лишь логические символы этих комплексов, соответственно то, что мы называем материей, есть только известная закономерная связь ощущений» [4, 2].

5. *Хозяйство и вакуум.* Отношения хозяйства и экономики похожи на отношения физического поля и энергии. «Первичный вакуум» как метафизическая потенция мира — это «все, вставленное друг в друга», что эквивалентно «ничто». В бытовом сознании (разговорный язык) «пустота» возникает, когда из помещения «все выносят», а в науке (система терминов) «пустота» как первичный вакуум возникает, когда «все вносят». Для производства вакуума вовсе не обязательно откачивать воздух: можно внести по античастице к каждой частице — и случится аннигиляция. Первичный вакуум — сплошной, а энергия — это дробные кванты. Когда квант энергии ударяет в вакуум, то соединение вакуума и кванта энергии дает материальную частицу (плюс-минус пи-мезоны), а «незадействованный вакуум» как бы «натягивается»: физическое поле — это вакуум в состоянии возбуждения. Эйзенштейн писал, что у первобытных одним и тем же словом называются полные противоположности, подчеркивая этим их происхождение от раскола «единой цельности» (так «мифически произошли» Гермес-мужчина и Афродита-женщина от Гермафродита). Герой фильма Занусси «Защитные цвета», говоря о слове «яма», указывает, что в сла-

вянских языках оно обозначает «нору», а в японском — «гору». Такую «всеобщую цельность» и представляет собою вакуум. «Ничего» — потенция «всего», слитого в непрерывность, качество, полученное из количества. В рамках дуализма волна происходит от непрерывности вакуума, от поля, а частицы — от квантов. Вакуум не рвется, а геометрически натягивается: так возникает тяготение (Эйнштейн и геометризация законов). Геометрия Вселенной возникает от «энергетических натяжений» вакуума до состояния полей тяготения (геометродинамика). Если физика связана с энергией дробных квантов, то геометрия — с натянутостью цельного вакуума. Соединение энергии отдельных объектов и вакуума дает поле (как «натяжение вакуума»). Хозяйство напоминает «геометрию связей» («связей через вакуум») между разрозненными «энергетическими массами» (которые притягиваются друг к другу, натягивая при этом вакуум и создавая тем самым «вакуумное поле») данного государства. Экономика похожа на раздробленную энергию, которая изучается физикой.

Литература

1. *Эйзенштейн С.М.* Метод. Т. 1. М. 2002.
2. *Фукс Э.* История нравов. Смоленск. 2007.
3. *Эйзенштейн С.М.* Монтаж. М. 2000.
4. *Маслов В.П.* Математика + физика = философия // Российская философская газета. 2009. Нояб. № 11 (37).

Н.В. СОМИН

Булгаковская метаморфоза

Аннотация. Рассматривается вопрос об отношении Сергея Николаевича Булгакова к христианскому социализму и причины отхода от этой теории.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, христианство, христианский социализм, священство.

Abstract. The question about Sergey N. Bulgakov's attitude to Christian socialism and the reasons of a withdrawal from this theory is considered.

Keywords: S.N.Bulgakov, christianity, Christian socialism, priesthood.

I

Есть в творческом пути Сергея Николаевича Булгакова один очень интересный момент — его отношение к христианскому социализму. Думается, что именно этот, казалось бы, непродолжительный и несущественный эпизод выразил нечто очень глубинное в ментальности этого знаменитого мыслителя и во многом определил всю его дальнейшую жизнь.

Идею христианского социализма Булгаков выдвигает в начале 1905 г. Делает он это активно, ведет агитацию, пишет несколько статей. Одна из них — «Неотложная задача. (О союзе христианской политики)» [1] — приобрела широкую известность и даже на некоторое время стала чем-то вроде манифеста христианского социализма в России.

В публикациях Булгакова на эту тему вполне определенно проглядывается некая основная идея. Социализм как чисто экономический строй (позже это понятие получит у него название «недоктринальный социализм» [2, 199]) может совмещаться с различными идеологиями: с гуманитарной идеологией безбедного, благополучного проживания на земле, с идеологией воинствующего атеизма («религией человекобожества», как, по мнению Булгакова, это было у Маркса). Но «недоктринальный» социализм может сочетаться и с христианством, с выросшими из него культурой, мировоззрением и идеологией. Он писал: «мы знаем, что существует, может и должен существовать и христианский социализм, — социализм не во имя человекобожия, но во имя Богочеловечества» [1, 43]. Понимая, что для продвижения идеи одной литературной деятельности недостаточно, Булгаков пытается создать политическую партию «Союз христианской политики» и даже идет (и избирается) во Вторую Государственную думу как «независимый христианский социалист».

Но в 1906 г. тон его публикаций претерпевает изменения. Еще в заметке «Религия и политика», опубликованной в марте, Булгаков говорит: «В народе, нам думается, может иметь широкий успех проповедь христианского социализма или, шире, христианской общественности» [3, 64]. Но уже в работе «Христианство и социальный вопрос» [4], написанной, по-видимому, во второй половине того же 1906 г., все меняется. Булгаков вполне определенно отказывается от христианского социализма, утверждая, что в задачу Церкви какое-либо устройство экономических явлений не входит. Но в то же время он сохраняет общее положительное отношение к социализму, считая, что социализм имеет свою правду, но приближение к нему — задача всего общества, а не собственно Церкви.

Как объяснить эту метаморфозу в мировоззрении мыслителя?

II

Многие противники христианского социализма объясняют это так, что, мол, если столь замечательный мыслитель отверг эту теорию, то уж, конечно же, она неверна. Думается, что дело тут совершенно в другом. Булгаков — сын протоиерея, и шесть поколений его предков были священниками. Детство он провел рядом с храмом. Окончив духовное училище, Булгаков поступил в Орловскую семинарию. Но бурсацкий дух этого заведения столь негативно подействовал на юношу, что тот решил из него «бежать без оглядки». Булгаков начинает светскую карьеру. Он поступает на юридический факультет Московского университета, сближается с социал-демократами и пишет несколько вполне марксистских работ, хотя сам философ иронизировал, что марксизм ему шел «как корове седло» [5, 346]. Интересно, что Булгаков утверждал, что веру он никогда не терял, но что она трансформировалась в «веру в прогресс» и «служение угнетенным». Однако он всегда мучительно вспоминал об оставленной им стезе священства. Позднее он писал: «В эти годы я называл себя иногда в беседе с друзьями «изменником алтаря»» [5, 346]. Довольно быстро уйдя из марксизма, Булгаков вновь обретает веру во Христа и обращается к религиозной тематике. Сначала, в 1903 г. он участвует в сборнике «Вопросы идеализма», а затем наступает очередь христианского социализма.

Следующий этап его духовного обращения пришелся на осень 1906 г. Обычно говорят, что в этот момент Булгаков возвращается в Церковь. Думается, что необходимо сказать гораздо более определенно: он вновь решает стать священником — «зов левитской крови» [5, 347] оказывается решающим. Шесть поколений священников непрестанно молят Бога о его возвращении, и Булгаков, ясно чувствуя этот призыв, рассматривает свое рукоположение как главное дело жизни.

Но вступить на путь священства будучи христианским социалистом в те времена было совершенно невозможно — существовала вполне определенная корпоративная этика священства, резко осуждающая социализм. Более того, клириков-социалистов просто отлучали от Церкви — примеры священника Григория Петрова и архимандрита Михаила (Семенова) ясно об этом говорят. Поэтому, ради того, чтобы решить свою основную жизненную задачу, он, меняет свое мировоззрение, уклоняясь от христианского социализма. Думается, что не следует обвинять в этом эпизоде Булгакова в конъюнктурности. Нет, видимо, желание священства было столь велико (Булгаков писал: «меня повлекло в родную церковь властно и неудержимо» [5, 346]),

что метаморфоза ментальности была совершенно органичной и искренней. Другое дело, что всякое отступление от правды, пусть даже совершенное с самыми благими намерениями, не остается незамеченным у Бога. Но об этом чуть позже.

Новое понимание социальности им подробно развивается в статьях сборника «Два града». Теперь возможность соединения «недоктринального» социализма с христианским мировоззрением отрицается: социализм может быть совмещен только с идеологией благополучия в «веке сем» и (что эквивалентно) богоборческой религией человекобожества. Этой точки зрения он будет теперь придерживаться постоянно, затратив массу усилий на то, чтобы развести христианство и социализм как можно дальше. Хотя и после описанного духовного переворота Булгаков не раз утверждает, что как к социальной технике к социализму («недоктринальному») Церковь должна относиться положительно.

III

Многие статьи сборника «Два града» написаны в 1909 г. За прошедшее столетие, как в советский, так и в постперестроечный периоды, нами накоплен огромный опыт восприятия социализма. Это позволяет нам лучше увидеть сильные и слабые стороны булгаковского учения о социализме.

Безусловно, Булгаков прав в своем отрицании человекобожеской религии социализма. А ведь именно с ней была связана судьба социализма последние полтора столетия. Ориентация на чисто земные цели в ущерб целям небесным для христианина совершенно неприемлема. Нужно положительно оценить и другой вывод Булгакова: к социализму «недоктринальному», социализму как социальной технике, следует относиться положительно, причем как христианам, так и неверующим. Социализм как экономический уклад более справедлив, нежели капитализм и вообще любой строй, основанный на частной собственности. Даже тот «человекобожеский» социализм, который был реализован у нас в советское время, несмотря на все его недостатки, по критерию справедливости предстает сейчас перед нами как некое эльдорадо и вызывает все усиливающуюся ностальгию.

Однако нужно сказать и о сомнительности некоторых положений Булгакова. Прежде всего, спорным выглядит его тезис о невозможности соединения социализма с христианской идеологией. Тут в воззрениях мыслителя налицо противоречие. Ведь если социализм совместим только с религией человекобожия (а без идеологии социализм в реальности существовать, по Булгакову, не может), то для христиани-

на «положительное отношение» к социализму исключено, ибо в таком обличье, в силу чисто земной его целенаправленности, социализм закрывает путь в Царство Небесное. И самое главное, обсуждаемый тезис просто неверен. История не раз давала нам примеры очень удачного и даже благодатного соединения социализма с христианством. Сюда можно отнести Государство иезуитов в Парагвае и многочисленные примеры православных монастырей. Наоборот, социализм в смысле общности имущества не только не мешает христианской жизни, чающей спасения в вечности, но существенно помогает ей в достижении этой цели.

Представляется произвольным и другой, следующий из предыдущего, булгаковский тезис о невключении экономической проблематики в церковное учение. Принципиальная невоцерковимость экономической жизни означает, что экономическая сфера будет управляться совершенно другими духовными силами, зачастую диаметрально противоположными христианству. Так, собственно, и происходит сейчас в реальности, когда Церковь ни в коем случае не может устраняться от духовного влияния на экономику. Наоборот, она должна вести за собой все социальное движение, указывая цели и методы преобразования экономики. Предлагаемое же Булгаковым неопределенное «положительное отношение» к социализму совершенно недостаточно и фактически ведет к глобальному поражению Церкви на социальном поле.

IV

От 1906 г. до своего священства Булгакову суждено пройти еще долгий духовный путь. Он издает сборник «Два Града» (1911), пишет докторскую диссертацию «Философия хозяйства» (1912) и книгу «Свет невечерний» (1917), участвует в церковном поместном Соборе 1917—1918 гг. И лишь летом 1918 г. состоялось его рукоположение. Причем, знаменательно, что Патриарх Тихон, благословляя его, смеясь, сказал: «Вы в сюртуке нам нужнее, чем в рясе» [5, 348], шуткой предсказывая трудности на этом пути. И в самом деле священническая карьера Булгакова не слишком-то удалась. У него никогда не было своего храма, и ему приходилось постоянно сослужить епископам и другим священникам. Духовных детей можно пересчитать по пальцам. Да и полностью предаться священнической деятельности ему мешали ректорство в Свято-Сергиевом институте в Париже и более всего — его активная богословская работа, впрочем, тоже непризнанная современниками ввиду ее софиологической направленности. Провидение как бы мстило Булгакову за его предательство дела христианского социализма.

Духовная драма философа еще более усугублялась его своеобразным стилем мышления. Чисто научная деятельность полностью никогда Булгакова не удовлетворяла. Цель своего рукоположения Булгаков видел исключительно в том, чтобы «служить литургию», т. е. мистически участвовать в сверхприродной божественной жизни. Философ не раз резко критиковал научный стиль мышления, считая его бесплодным. Его мышление совершенно другое — весьма далекое от научной строгости. Мысль Булгакова обладает сильной иррациональностью, интуитивностью или даже спекулятивностью, т. е. субъективностью без опоры на проверенные факты. Мышление теологическое, мышление священническое у него всегда преобладало над мышлением научным.

Более того, Булгаков удивительным образом никогда не останавливался перед противоречием в мысли. Хотя сам Булгаков считал себя последователем Владимира Соловьева, но до безупречной логики своего старшего предшественника ему было далеко. Если для подавляющего большинства мыслителей логические несуразности являются шлагбаумом, закрывающим путь в данном направлении, то Булгаков их в своей мысли часто даже не видит. О нестыковках в его воззрениях на социализм уже упоминалось. Еще более тяжелые противоречия содержит его учение о Софии. Дело в том, что София в интерпретации Булгакова никоим образом не сочетается с общепринятым церковным учением о Святой Троице. Критика булгаковских софийных построений заставляла его не раз переделывать свою теорию, но вместо прояснения эта теория запутывалась все сильнее и сильнее, обрстая даже не противоречиями, а неудобопонятными и просто бессмысленными фразами.

Мышление Булгакова скорее сродни пророческому — он просто «видит» в неких, только ему одному понятных образах, некую высшую реальность, и о ней старается рассказать людям в доступных для них терминах. Однако далеко не всегда откровение является истинным. Хорошо известен другой, противоположный Богу, источник интуиции, и, увы, он часто в сознании людей замещает подлинное откровение. Этот эффект в патристической литературе называется прельщением. Не исключено, что элементы прелести есть и в творчестве Булгакова. И потому подходить к его идеям и выводам надо с определенной степенью осторожности.

Впрочем, такой упрек в субъективности можно предъявить любому мыслителю, тем более работающему в области социологии. В то же время личная интеллектуальная честность Булгакова вне сомнения. А

глубина мысли и значительность поднимаемых им проблем обязывает нас еще глубже вникнуть в идеи этого выдающегося мыслителя.

Литература

1. Булгаков С.Н. Неотложная задача // Христианский социализм (С.Н. Булгаков). Новосибирск, 1991.
2. Булгаков С.Н. Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков). Новосибирск, 1991.
3. Булгаков С.Н. Христианство и социальный вопрос // Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
4. Булгаков С.Н. Первохристианство и новейший социализм // Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
5. Булгаков С. Мое рукоположение // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996.

Л.И. РОСТОВЦЕВА

Философско-хозяйственный аспект политической экономики А.И. Бутовского

Аннотация. В статье проводятся параллели между «Опытном о народном богатстве или о началах политической экономики» А.И. Бутовского и «Философией хозяйства» С.Н. Булгакова. Сходство методологических и некоторых теоретических позиций позволяет сделать вывод о философско-хозяйственном подходе к анализу экономических проблем у автора первого русского учебника политической экономики.

Ключевые слова: политическая экономия, философия хозяйства, методология, богатство, человек и человечество, нравственность, труд.

Abstract. The author of the article considers both common and different approaches to the analysis of economic problems, made by S.N. Bulgakov in his work «The philosophy of economy» and the ones made by A.I. Butovsky in his work «Experience in the wealth of nation or the origin of political economy».

Similar methodology and theoretical views enable to make the conclusion that A.I. Butovsky, the author of the first Russian book on political economy focuses on the philosophic-economic aspects in the analysis of economic problems.

Keywords: political economy, philosophy of economy, wealth, an individual and society, morals, labour.

«Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» А.И. Бутовского (1847) — первый учебник политической экономии, написанный на русском языке и русским экономистом. До него в России выходили книги по политической экономии, но они были выпущены либо на иностранных языках, либо имели авторов-иностранцев, приглашенных для преподавания новой науки¹.

Бутовский пишет свое сочинение о народном богатстве с позиции философско-хозяйственного подхода, обоснованного С.Н. Булгаковым позднее в «Философии хозяйства» (1912). Нам неизвестно, знаком ли был Булгаков с «Опытом...» Бутовского, но многие параллели, выстраивающиеся при чтении этих двух книг, позволяют увидеть сходство методологических позиций их авторов.

Прежде всего, их объединяют предпосылки политико-экономического анализа, которые не являются результатом научного исследования, а привносятся в науку о хозяйстве а priori и определяют характер ее выводов. Какие же это предпосылки?

1. *Человек — живая целостность.* Он неделим на материальную и духовную составляющие, ему необходимы для поддержания жизни как вещественные, внешние блага, так и невещественные, внутренние блага. С.Н. Булгаков пишет так: «...одинаково трудно приурочить опре-

¹ В 1805 г. Шлецер Х.-А., сын знаменитого историка, первый преподаватель политической экономии в Московском университете, приглашенный в 1801 г., написал учебник на немецком языке, который впоследствии был переведен на русский язык. В 1826 г. Шлецер вернулся в Германию. В 1807 г. был издан по повелению государя перевод книги Гереншванда «О государственном хозяйстве», написанной в духе немецких камералистов с позиции меркантилизма. В 1812 г. перевод книги Сарториуса «Начальные основания народного богатства» демонстрирует распространенное в первые два десятилетия в России увлечение идеями Адама Смита. Но уже во втором десятилетии начинает распространяться критика основных теоретических положений Смита. В 1815 г. А. К. Шторх опубликовал «Курс политической экономии» в шести томах на французском языке, который частично на русском языке был издан только в 1881 г. За спором Смита и Шторха следила вся Европа. В 1817 г. проф. Нейман опубликовал «Исследование правил политической экономии по системе Ад. Смита». В 1920-е гг. в России усиливается популярность Ж.-Б. Сэя. На русском языке выходит пять его работ.

деление богатства к какому-нибудь одному, даже и наиболее важному и наглядному признаку, хотя бы к “материальным” потребностям, прежде всего потому, что невозможно провести ясную черту, разграничивающую материальные и идеальные потребности. Даже еда или одежда, эти как будто наиболее материальные потребности, все-таки оказываются связанными с идеальными, ибо и на них отражается общий духовный или культурный уровень человека. И, наоборот, литература, искусство, наука, блага идеальные, могут служить средством для удовлетворения материальных потребностей. ...Человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо, и потому в его жизни не может быть проведено точной грани между материальным и духовным, все имеет и ту, и другую сторону...» [1, 264].

2. Субъектом в политической экономии Бутовского выступает не отдельный «человек экономический», рациональный, эгоистичный, независимый и информированный индивид, как у Адама Смита и его последователей, а *человечество в целом* как совокупность всех людей, всех стран и даже всех времен. Априорным предположением у Булгакова представляется также не отдельный человек, осуществляющий свое хозяйство, а род, историческое человечество. Хотя хозяйственная деятельность в эмпирическом смысле и выражается во множестве раздробленных хозяйственных актов, но динамически она есть единая и связанная деятельность рода человеческого, которая развертывается в пространстве и времени, т. е. в истории. Каждый следующий индивид вступает там, где кончает предыдущий, поэтому существует непрерывность и становятся возможны традиция и преемственность, обеспечивающие прогресс истории. При этом настоящее вырастает из прошлого, но вместе с тем содержит в себе нечто качественно новое по сравнению с предшествующим, т. е. экстенсивное развитие в природе и человеческой истории дополняется интенсивным.

3. Бутовский рассматривает человечество как следствие и результат естественных законов *Провидения*, которым подчинен разум человека. *Творец, Создатель* незримо присутствует везде, именно Он устанавливает законы, а задача людей, политической экономии как науки — их разгадать посредством наблюдения фактов, выявления причин и следствий, чтобы можно было использовать в своей хозяйственной деятельности. У Булгакова и хозяйство, и знание, и история предполагают единство *трансцендентального* субъекта, который осуществляет синтезирующую функцию, объединяет отдельные акты хозяйственной деятельности разрозненных индивидов в хозяйство, отдельные акты знания — в науку, отдельные деяния — в историю. Он может знать

все, что знает по частям человечество. Разные личности суть только очи, уши, органы единого субъекта знания, которому принадлежит вся полнота знания в бесконечном многообразии содержания, но в единстве формы: общеобязательных норм, логических законов, трансцендентальных форм чувственности и познавательных категорий. «*Знает один, познают многие*. Этот один, этот трансцендентальный субъект знания, есть уже не человеческий индивид, но целокупное человечество. Душа мира, Божественная София, Плерома, *Natura Naturans* под разными именами и под разными лицами выступает он в истории мысли» (курсив Булгакова. — *Л.Р.*) [1, 143].

Таким образом, философско-хозяйственный подход к политической экономии предполагает и у Бутовского, и у Булгакова анализ в трех аспектах: научно-эмпирическом, трансцендентальном и метафизическом.

Поражает сходство логики Бутовского и Булгакова. Самое первое определение хозяйства (предварительное, как говорит Булгаков), в наиболее широком смысле слова — это «борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться *хозяином*», или — другими словами — это «оборонительно-наступательное отношение человека к природе». Хозяйство есть выражение борьбы двух метафизических начал — жизни и смерти, свободы и необходимости, механизма и организма. Признаком хозяйственной деятельности является наличие усилия, труда, направленного к определенной цели. Поэтому другое определение хозяйства — это трудовая деятельность. Причем «человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета. Признак хозяйства — *трудовое* воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность *даровому* их получению» (курсив Булгакова. — *Л.Р.*) [1, 84—87]. Хозяйственным трудом не только производится материальная пища, но и духовная, создается вся культура. Аналогично рассуждает и Бутовский.

Булгаков рассматривает онтологические основы хозяйства с разных позиций, определяя его как трудовую деятельность, общественно-исторический процесс, творчество, синтез свободы и необходимости. Важное значение он придает проблеме этики хозяйства, которую планировал исследовать во второй части «Философии хозяйства», посвященной аксиологии и эсхатологии хозяйства (но, к сожалению, так и не закончил ее).

Проблема нравственности пронизывает и всю книгу Бутовского. Он относит политическую экономию к нравственно-политическим

наукам, которые обогащают нас познаниями и руководят нами в жизни во взаимодействиях с природой и другими людьми. В деятельности каждого человека автор видит пять побуждений: к полезному, правому, доброму, изящному и истинному, которые исследуют пять наук нравственных: политическая экономия, правоведение, нравоучение, эстетика и философия, и которые тесно взаимодействуют друг с другом. Это видно из первого, наиболее широкого определения предмета экономической науки. Автор говорит: «Политическая экономия, развив идею полезного, откроет законы, по которым люди, не изменяя всем прочим условиям усовершенности рода человеческого, обретают в своей собственной деятельности и в природе, их окружающей, средства к удовлетворению своим потребностям» [2, т. 1, VI]. Более узкое определение предмета политической экономии он сводит к изучению «средств, с помощью которых люди, в обществе живущие, достигают возможного благосостояния» [2, т. 1, X—XI]. Потому что политическая экономия помогает в свободно-разумной деятельности не только человека, но и общества, она относится к разряду наук политических.

Неприятие социалистических учений свойственно и Бутовскому, и Булгакову. Более того, Бутовский был одним из первых критиков взглядов социалистов и коммунистов в России². Описываемые ими будущие общества он сравнивает то с пчелиным ульем, где для всех достаточно меду и цветов, то с домиками, создаваемыми детьми из карт, показывая тем самым несбыточность идеи. Аналогичная критика социализма и у Булгакова; для характеристики утопичности социализ-

² Он пишет: «Поверхностный мыслитель оплакивает неизбежное неравенство благ; грубый коммунист проповедует настоящее восстание бедных против богатых; социалист, увлекаемый несбыточными мечтами, громоздит фантастические системы, низводит разум на степень инстинкта, и хочет превратить мир человеческий в пчелиный улей, где всем будет довольно меду и цветов. Жалкие и бесплодные усилия ума человеческого! — Как эти люди, между которыми без сомнения есть много добросовестных и даже рассудительных, если отвлечь их от упрямой мечты, не замечают, что не люди сделали этот мир — который они мечтают преобразовать, таким, как он есть. Творец подчинил человечество законам, столь же логическим, если можно так выразиться, как и всех других тварей: мы можем только распознавать, разгадывать эти законы, и сообразуя с ними нашу свободно разумную деятельность, избегать слепого руководства инстинктов и губительных последствий, иногда с ними неразлучных... Системы, нами упомянутые, начинают с того, что создают себе мысленно каких-то небывалых людей, проводят губку по всему, что нам указывают физиология и психология, и на этом рухлом, воображаемом фундаменте строят в своей мечте новые общества, как дети строят домики из карт» [2, т. 3, 396, 397].

ма он также использует образные сравнения: «...с учением о научности социализма может связываться и такое представление, будто наукою обосновывается наступление земного рая, идеального состояния жизни отдельных личностей и общества, приносящего с собой разрешение всех жизненных вопросов и обозначающее «прыжок из необходимости к свободе» (из *Vorgeschichte* в *Geschichte*). В этом смысле социализм имеет, конечно, столько же общего с научностью, как и картины Магометова рая» [1, 259].

Рассматривая сущность богатства, Бутовский вводит различие между *довольством* — внутренним состоянием или чувством человека, и *богатством* — внешним положением его быта. Человек может ощущать довольство, не имея богатства, и наоборот, имея огромное богатство — не ощущать довольства. Эта мысль, по-нашему мнению, отражающая русский менталитет, весьма актуальна и сегодня, когда мы ощутимо продвинулись к обществу массового потребления. Обладание деньгами, массой всевозможных товаров еще не гарантирует удовлетворенности жизнью, хотя реклама всячески пытается убедить, что «счастье можно купить».

Если довольство, по Бутовскому, выражает лишь положение человека, то богатство — и положение, и предмет. *Богатство как положение* — это умственные и телесные силы человека, а также окружающие его безвозмездные естественные блага, т. е. это богатство природное. *Богатство как предмет* состоит исключительно из благ приобретенных. В первом томе автор рассматривает законы, по которым производится, сохраняется и прирастает богатство как предмет; что же касается богатства природного, оно рассматривается лишь как предпосылка для увеличения богатства приобретенного. Под *народным богатством* автор понимает сумму всех сил, средств и полезностей — как частных, так и принадлежащих всему обществу нераздельно.

Таким образом, богатство у Бутовского представлено значительно шире, чем у западных экономистов (как известно, меркантилисты отождествляли богатство с деньгами, физиократы — с продуктами земледелия, классики и марксисты — с товарами как продуктами человеческого труда в производстве вообще). Раграничение богатства как творения Создателя и богатства как творения человека у Бутовского выходит так же, как и у Булгакова, на проблему свободы и необходимости.

В отличие от первых экономистов, понимающих под хозяйством обычно планомерную деятельность человека, направленную на удовлетворение материальных потребностей, добывание денег и материальных благ, он рассматривает *свободно-разумную* деятельность чело-

века, нацеленную на производство полезностей — как вещественных, так и невещественных. Необходимость обмена в общественной жизни придает труду ценность меновую, а природная скудость и недостаток благ вынуждают к усиленным и постоянным трудам. Чем более человек окружен природными богатствами, тем менее он трудится. Однако нужно, чтобы природа не была слишком скупа, иначе в бесплодной борьбе с нею потеряется много усилий и народ останется бедным. Поэтому автор «Опыта...» подробно рассматривает три производительные силы: сначала природы, затем труда и капитала. Причем, исходя из беспредельности человеческих потребностей, Бутовский подчеркивает важность проблемы выбора, «свободного произвола» человека³.

Свобода всегда свойственна человеку как образ Божий в нем. Для иллюстрации этой мысли Булгаков цитирует замечательные слова мыслителя Возрождения Пико делла Мирандола из его речи «О достоинстве человека»: «Ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным создан ты, человек! Ибо ты сам должен, согласно твоей воле и к твоей чести, быть своим собственным художником и зодчим и создать себя из свойственного тебе материала. Ты свободен опуститься на самую низкую ступень животности. Но ты можешь и подняться к высшим сферам божественного. Ты можешь быть тем, чем хочешь!» [1, 237].

Наконец, в языке и Бутовского, и Булгакова отражаются особенности национального характера; по нашему мнению, в текстах обоих можно увидеть семантические характеристики русского языка, отмеченные Анной Вежицкой, признанным в мире лингвистом:

- эмоциональность (богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков),
- «иррациональность» (или «нерациональность» — подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни),
- неагентивность (ощущение неподвластности людям собственной жизни, ограниченности способности контролировать жизненные события; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий),

³ Сравни с определением предмета экономической науки современных неоклассиков, отталкивающихся в своем анализе также от предпосылок безграничности потребностей и ограниченности ресурсов.

- любовь к морали (абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла, любовь к крайним и категоричным моральным суждениям).

Эти признаки отчетливо выступают как в русском самосознании — в том виде, в каком оно представлено в русской литературе и русской философской мысли, — так и в записках людей, оценивающих русскую культуру извне, с позиции внешнего наблюдателя, — ученых, путешественников и др. [3, 33—34]. Эти признаки можно увидеть и в «Опыте...» Бутовского, и в «Философии хозяйства» Булгакова.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М, 1993.
2. *Бутовский А.И.* Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. Т. 1, 3. СПб., 1847.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.

VI

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Ю.М. ОСИПОВ

Физис

Аннотация. Физис — материальный мир, имеющий фундаментальное значение в хозяйстве человека.

Ключевые слова: физис, материя, наука, техника, физика, хозяйство.

Abstract. Physis is a material world that has a fundamental meaning in a person's economy.

Keywords: physis, matter, science, technics, physics, economy.

Физис — весь материальный, упругий, упорядоченный, механизменный мир, дающий о себе знать человеку в воспроизводимых и операциональных определениях, пусть нередко и образных, в рамках и внутри которого имеет место и духовное, и идеальное, и смысловое, однако в нем «тихо» сидящее, ему органично принадлежащее, ему скромно служащее, его созидающие и утверждающее, его изменяющее.

Если за основу мира принять материю и обратить внимание по преимуществу на ее свойства, проявления и поведение, то мир можно рассматривать как *физис* (Ф.), получающий и соответствующую *физическую* трактовку. Не сам по себе мир есть Ф., а таковым его видит и желает видеть человек, что вполне и понятно, ибо сам человек при таком понимании *физичен* и природа вокруг него *физична*, а потому и жизнь человека вкупе с его *хозяйством* (Х.) должны быть в какой-то своей фундаментальности *физическими*. Как это не называть, но есть что-то в мире, что составляет его *физическое наполнение* и предполагает его *физическое бытие*, как и *физическое воспроизводство*. Вот и выходит, что мир в каком-то своем ракурсе *физичен*, а потому положен и есть Ф.

Физисом, или миром как физисом занимается, главным образом, бытовая практика, *технология* и *наука*, обеспечивающая так или иначе физическое бытие человека, правда через накапливаемые человеком *знания* — вещь в основе своей уже идеальную, т. е. далеко не строго физическую. Однако Ф. привлекателен и для отвлеченных суждений, а потому он служит объектом внимания и философии, и религии, и литературы, и искусств. Книга и отпечатанный текст на ней — Ф., а вот содержание книги — не Ф. вовсе, хотя и может быть по смыслу своему вполне физическим. Знание о Ф. в рамках Ф. — *физика*, к которой

можно отнести любую конкретную науку, следующую физической обусловленности.

Сама по себе математика — не физика, но математика о Ф и под Ф. — физика (физическая математика или математическая физика). Строение живого организма — Ф., некоторые его функции, которые можно отнести к физическим — Ф., а вот душа, как ни называй ее психеей или каким-нибудь *spirito* — не Ф. Связь души с физическим строением организма, точнее зависимость душевных проявлений от физического строения организма — Ф. или почти Ф., а вот обратная связь — совсем даже не Ф. любой предмет вокруг — Ф., а вот функция предмета, будучи уже чем-то идеальным, сама по себе не есть Ф., а слово отражающее, отличающее и характеризующее предмет, совсем уже не Ф. Очень многое из окружающего мира, как и из самого человека, можно отнести к Ф., что-то можно отнести к духовному и идеальному в Ф., но что-то к Ф. уже непосредственно никак не привязать. Вот то же *слово*, разве отнесешь его к Ф.?

Написанное слово, точнее, его письменную фигуру, можно приобщить к Ф., но приобщается здесь, строго говоря, совсем и не слово, а что-то абсолютно другое — совсем уж неизвестная вещь, еще только ждущая своего определения. А любое определение само по себе не Ф., как и мысль о какой-то вещи, как и обнаруживаемый *смысл*. Одно дело мысль и смысл в связи с чем-то физическим, совсем другое — сами по себе мысль и смысл, которые не очень-то уж физичны.

Физическое, физика, физикализм. Все это есть и все это работает. Хуже, правда, когда на арену выходит *панфизикализм*, старающийся все вокруг трактовать физически и только физически. Да, физическая энергия — энергия, кто спорит? — а вот духовная энергия, нравственная или та же творческая — разве они тоже физические? Одно дело их какая-то связь с Ф., совсем другое — они сами по себе. Все физическое человек может так или иначе переделывать, — если, конечно, его ум и руки, как и техника с технологиями, до этого доходят а вот как переделывать, к примеру, ту же нравственность, перевоспитать того же преступника? Только через убеждение, внушение, пример и т. д., т. е. никак не физически. Преступность, как свойство сознания-бессознания — не Ф., а потому тут действует уже не физическое а что-то *нефизическое*.

Вообще в мире много физического, так и много нефизического, хотя все физическое весомо, а нефизическое никакого веса не имеет. Нефизического вообще как бы нет, хотя и для него есть любые названия, слова, знаки. И все это нефизическое как в Ф., так и вне его. Бог, к примеру, в Ф., ибо Он его сотворил, но и вне Ф., ибо Он — никакой не Ф. Человек как живой организм — Ф., но сознание человека — не Ф.,

хотя и обнаруживает себя как-то физически — через поступки человека и те же произносимые им звуки. Но откуда в человеке *сознание*, да и сам-то человек откуда? Вот и выходит, что надо размышлять обо всем этом не только *физически*, но и *метафизически*, ибо за физикой человека стоит и его метафизика, питаемая не только физикой, но и *мета*, за которым стоит все, что угодно, только не Ф. как таковой. Метафизика занимается миром нефизическим, что очень важно, но это даже не главное, ибо занимается она еще и *миром трансцендентным*, который уже вовсе не Ф., хоть в Ф. частично и пребывает: это уже *иной мир*, в терминах физики вообще не представляемый и не прочитываемый. Такой мир и в терминах метафизики-то человеку невозможно до конца прочесть, а потому потребны здесь вполне религиозные прочтения вкупе с поддерживающей их *верой*.

Ф. — безусловный объект Х., его важнейшее обстоятельство и средство. Без переработки Ф., т. е. материи в природном смысле, никакого Х., а соответственно, и жизни, быть не может. Х. связано с переработкой Ф. — сначала вполне поверхностным, затем все более глубинным, — вплоть до созидания того, чего нет в данной человеку Богом и природой реальности. *Хозяйствование* — дело в значительной мере физическое. Однако хозяйственное оперирование с Ф. — дело не только и не столько физическое, сколько мета-физическое, но не в смысле только глубокомысленной метафизики, а в смысле того, что оно в не меньшей мере является нефизическим — духовным, идеальным. Любой виртуальный проект, рождающийся в сознании человека, — разве ж это только физика? Да и вообще работа сознания-бессознания на потребу Х., — много ли тут физического? Мы уже умолчим о намерениях, мотивах, страстях, волях, нравственности, характерах и т. д., и т. п. Человек, строго говоря, куда как более нефизичен, чем физичен, и Х. его точно так же, — главным началом в Х., его реализующим, является, конечно же, нефизическое начало, а потому любой хозяйствующий субъект прежде всего не физик, а метафизик, разумеется, стихийный.

Х. зависит от Ф., этим последним значительно определяется. Человек хозяйствующий зависит от Ф., он по сути его раб. Но раб-то особого рода: не имеющий возможность совсем вырваться из под гнета Ф., как и вообще природы, он имеет возможность как-то изменять Ф., дополняя, а кое в чем и замещая, естественный Ф. физисом искусственным. От одного Ф. к другому — так идет исторически Х. Но при этом надо иметь в виду, что Х. идет и от Ф. к нефизису, достигая не только параллельного Ф. нефизиса (того же знания о Ф.), но и как-то освобождаясь от Ф.: от практики какой-нибудь йоги до продления физической жизни сверх физических ограничений. Х. и хозяйствование —

сложная *полилектика* физического и нефизического, физического и метафизического, физического и трансцендентного, в общем, Ф. и всего, что не есть в прямом значении Ф., а то и вовсе не Ф.

Физисом занимается в первую очередь *наука*, а внутри науки — *физика*. В науке и в физике немало точного знания, верифицируемого и накапливаемого, воспроизводимого, повторяющегося, чуть ли не абсолютного и вечного. Но что интересно: взаимодействие внутри Ф. воспринимаемо и понятно, оно обретает формулу, как правило, математическую, получает словесное определение, но что касается того, что взаимодействует и почему, тут уже точность уступает место неточности, т. е. уже первого приближения метафизике. Выходит, что физика хорошо знает, что делать, но она не знает, что же она делает? Любопытная получается картина: физика переворачивает, можно сказать, мир, но что есть мир и что из его переворачивания может в итоге получиться, физика не знает. Отсюда и неприятие метафизики, отвержение Бога и религии, вражда к философии. Что касается *философии хозяйства*, то она, с почтением относясь к физике, ее учитывая, обращает свои взоры более всего на метафизику, причем на *постнаучную метафизику*, которая не предшествует физике, а ей как раз наследует.

Ю.М. ОСИПОВ

Экономизм

Аннотация. Экономизм — феномен, означающий приоритет особого способа реализации хозяйства на основе обмена товарами и движения денег.

Ключевые слова: экономизм, экономика, экономическое хозяйствование, бизнес.

Abstract. Economizm is a phenomenon that means a priority of a special way of realization of economy on the basis of exchange of goods and money movement.

Keywords: economizm, economy, economic management, business.

Экономизм — феномен предпочтения, согласия на приоритет, экономики на практике и в мыслях (науке, философии); придание экономике первостепенного, фундаментального, определяющего значения.

Термин *экономизм* (Э-м.) возник в период расцвета экономической мысли, отражавшей и соответствующей расцвет *экономики* (Э.), под которой понималось в основном производство и потребление благ, характерное прежде всего для эпохи капитализма, т. е. опосредование

товарообменом, деньгами, капиталом. Для *философии хозяйства* (Ф-х.), рассматривающей Э. как особый, — как раз товарообменный, однеженный, капитальный, — *способ хозяйства*, данный термин имеет прямое отношение не столько вообще к производству и потреблению благ, которые могут быть и неэкономическими, сколько именно к экономической форме реализации производства и потребления благ, как и вообще хозяйства (Х.), т. е. к Э. как таковой. Не все хозяйственное есть в то же время и экономическое, а потому приоритет хозяйственного в бытии человека — вовсе не Э-м. И если возникает все-таки потребность говорить о ведущей, базисной, определяющей роли Х. в жизни человека, то для этого уместнее было бы применять такие словосочетания как приоритет Х., хозяйственный детерминизм или любое иное сходное выражение (не говорить же здесь «хозяйствовизм» — что в общем-то не по-русски, да и не очень благозвучно).

Термин Э-м. отражает в общем-то преклонение перед Э. — либо практическое, либо этическое, либо интеллектуальное. Разумеется, такое преклонение питается реальностью, ибо соответствует вполне реальной *экономической революции* и возникшей в результате этой революции не менее реальной *экономической цивилизации*. Роль экономического начала здесь трудно переоценить. В самом деле, что в современном экономизированном мире не продается и не покупается? А что и кто сейчас обходится без денег? Где сегодня деньги не в приоритете?

Э. ведь не только в самой Э., она повсюду, ею столько всего в жизни уже опосредуется, если прямо или косвенно ей не подчинено, остается лишь признать вездесущность Э., ее практически тотальное распространение. Отсюда как практическое преклонение перед Э., а соответственно и *практический экономизм*, этическое преклонение — что совершенно экономически, то и верно этически, так и интеллектуальное, выражающееся в идеологическом, культурном, научно-теоретическом, философском и любом ином *интеллектуальном экономизме*. Реальная экономизация бытия, жизни, Х. ведет и к экономизации человеческого сознания, психики, интеллекта. Если уж Э. повсюду и в приоритете, то она оказывается повсюду и в приоритете и в умах и душах человеческих, прочно въедаясь в само человеческое «Я». Деньги везде и всюду, они всюду и везде одерживают победы — как в практической реальности, так и в реальности идеальной. *Объективный экономизм* дополняется и *субъективным экономизмом*. «Без денег жить нельзя на свете (добавим — экономическом свете)!». Э. — это постоянный денежный счет, это непрерывье всякого рода денежных расчетов. Хочешь, не хочешь, а думать в экономической среде приходится все время о деньгах и... думать денежным образом. Денежный,

или экономический, тоталитаризм. Власть денег. Ярчайший и надежный денежный фетишизм. И как же тут не быть не только объективному, но и субъективному экономизму?

Блестящим выражением интеллектуального Э-м. стала наука *политическая экономия*, которая не просто поведала об Э., но и внушила в сознание образованного люда самый настоящий *идейный экономизм*, заставив признать и свой уже приоритет над обществоведческой наукой и той же социальной философией. Она освятила при этом не просто Э-м., а и *политический экономизм*, превратив Э-м. в реальный политический фактор. Политэкономия — своевременная и вполне законченная идеология экономической цивилизации, *капитализма*, а теперь уже и *финансизма*. Правда, в политическую экономию вторглись и противники Э., выступившие с резкой критикой господствовавшего Э-м., сторонники некапиталистической организации Х., идеологи *труда* и *социализма*. Развившийся безудержно в капиталистическом образе Э-м. не мог не породить и своего идейного, а затем и практического, отрицания, оправдания и утверждения которых занялась уже иная политэкономия, очистившаяся от господства Э-м. Та же социалистическая политэкономия, проповедовавшая общественную собственность на средства производства, отмену денег или хотя бы ограничение их власти, плановое ведение хозяйства (интуитивно чувствуя, что плановой экономики не может просто быть) фактически была уже не экономикой, а неким политическим хозяйствованием, на крайний случай, наукой об управлении народным хозяйством (опять же интуиция и тут не подвела, ибо невозможно было говорить о народной экономике, как и об управлении экономикой как таковой, в ее целостности, из единого центра). От Э-м. в такой политэкономии оставалось лишь убеждение в приоритете сферы производства и потребления благ над остальными социальными сферами, а также о приоритете собственности на средства производства и на потребление в организации и жизнедеятельности социума, в формировании его определенного типа.

Ф.х. признает феномен Э-м., находя его вполне объективно обусловленным и даже по-своему необходимым. Нет никакого резона отрицать или недооценивать приоритет экономического начала в Х. и в жизни «передового человечества» эпохи Модерна и Постмодерна. Европа породила и утвердила Э-м., Америка же его активно и широко использовала, доведя до крайних проявлений и следствий. Но, признавая Э-м., Ф.х., осмысливая Х. вообще, а не одно лишь экономическое Х., а также рассматривая Х как реализацию жизни вообще, как целостное жизнеотправление, не склонна ни фетишизировать Э-м., ни оправдательно его обосновывать. Ф.х. видит ограниченность Э-м., его пороки, вред от него, его безразличие к нравственности, его историческую

(эсхатологическую) слепоту. Э-м. гонит вперед подавшееся ему человечество, но вот куда же в конечном итоге? Сам Э-м. как и поддерживающая его наука, на этот вопрос ответить не может. Да и повседневное господство Э-м. в жизни и в Х. не может устроить Ф.х., ибо она прекрасно видит все его отрицательные стороны и следствия: погоня за деньгами и безудержное стремление к потребительству делают свое неблагоприятное дело, выхолащивая все воистину человеческое, а лучше сказать, божественное, в человеке. Э-м. убивает человека в человеке, все более превращая его в своеобразного экономического робота. Так называемый *экономический человек*, или homo economicus — это не просто участник Э., но уже и особый тип человека, кстати, не слишком привлекательный. Выгода, польза, — все это достоинства экономического человека, может и повышающие какую-то эффективность его хозяйствования, но весьма уводящие его в сторону от исходного человеческого образа. Homo economicus — не столько человек даже, сколько особое счетно-решающее устройство в образе человека. Э-м. работает на человека, но и против него, выдавливая из человека первородную естественность, кроме, разве, чисто физической.

Уместно заметить, что Ф.х., как особое самостоятельное, целостное знание возникло в известной мере в связи с критикой как раз Э-м., тотально овладевшего Х., человеком, его действиями и мыслью. Жизнь и Х., как и сам человек, остаются ведь во многом неэкономическими, а потому экономическая наука и экономическая философия, которой частично является и политэкономия, создают, мягко выражаясь, не совсем верную картину реальности. Кроме того, воспевая Э-м., они способствуют вызреванию в человеке и в обществе, если так можно выразиться, излишнего экономического, что делает Э-м. и весьма опасным орудием человеческого бытия.

Ф.х. старается определить истинное место экономического начала, его необходимую и возможную роль, осмысливая одновременно и сам феномен Э-м. Ф.х. не противник Э., но Ф.х. явно не сторонник Э-м., более того, его последовательный критик. Э-м. есть, он, наверное, неизбежен, но неизбежна при этом и его критика, а в перспективе вполне может случиться и его преодоление. Э. должна быть обуздана, а Э-м. должна превратиться из непререкаемого авторитета, ведущего-де вперед человечество, во всего лишь подчиненное средство отыскания человеком приемлемой меры Э., действующей уже лишь в качестве вспомогательного хозяйственного начала. А если принять во внимание пробивающуюся тенденцию к *постэкономике*, то критика Э-м. принимает характер уже вполне реального действия. Однако пока Э-м. не только имеет место, но и — полный сил — расширяет и даже укрепляет свое присутствие в мире.

Ю.М. ОСИПОВ

Панэкономизм

Аннотация. Панэкономизм — феномен всеобщего распространения экономических принципов хозяйства человека.

Ключевые слова: экономика, экономизм, экономическое хозяйство.

Abstract. Paneconomizm is a phenomenon of general distribution of economic principles of a person's economy.

Keywords: economy, economizm, economic management.

Панэкономизм — феномен всеобщего распространения экономического начала на хозяйство, жизнь, культуру, цивилизацию, идеологию, знание, сознание и самого человека, достижение экономикой планетарных масштабов бытия.

Панэкономизм (П-э.) есть крайнее проявление *экономизма*, когда *экономика* (Э.) будучи всего лишь особым способом организации и реализации *хозяйства* (Х.) вообще, доходит в своем расширении и развитии до овладения всей сферой Х., а соответственно, и жизни человека, подчиняя их себе, целостно осваивает под себя культуру и цивилизацию, сама становясь особого рода цивилизацией, достигает планетарных масштабов распространения, принимая глобальный характер, покоряет сознание и интеллект человека, превращая самого хозяйствующего человека в экономического, а его хозяйственную идеологию в экономическую, в итоге чего целостное хозяйствование представляется лишь специализированной экономической наукой. П-э. это экономизм, полностью овладевший человеком, его сознанием, идеологией и жизнеотправлением.

П-э. — безусловное следствие *экономической революции*, прошедшей в Западной Европе в середине II тысячелетия от Р.Х. Тогда на историческую арену прорывался экономизм, вскормленный Э., но затем, по мере развития и распространения Э., экономизм достиг высшего уровня своей реализации, превратившись как раз в *панэкономизм*. Ныне в сознании человека хозяйствующего уже как бы и нет собственно Х., а есть лишь одна Э., хотя по размышлению нетрудно обнаружить вокруг себя именно Х., полное и неэкономических реализаций. Тем не менее, на виду сейчас Э. и только Э., ибо мало что ныне происходит в хозяйственном процессе без опосредования его деньгами, товарообменом, капиталами, кредитом и т. д. Все неэкономическое старательно подверстывается сегодня под Э., оно и не замечается. То же право, к примеру, разумеется, действующее в сфере Х. и самой по себе Э., предстает как что-то уже экономическое — не по характеру только, а и прямо по сути. Все технологическое, что рядом с Э., воспринимается

не иначе как принадлежность Э. Можно сказать, что Э. чуть ли не «съела» и все неэкономическое, хотя ничего этого она и не делала, оставаясь попросту Э., — в гущу Э. все неэкономическое отправляется самым *экономическим человеком*, во многом и учеными-экономистами, которые уже ничего кроме Э. вокруг себя и не видят.

Какая, к примеру Э. в заводском цехе, где идет лишь изготовление продукта, или в конструкторском бюро, где разрабатывается новая машина? Да никакой! Точно так же обстоит в основном дело внутри семьи, школы, спортивной секции, театра, любого предприятия, учреждения. Там в общем-то нет никакой Э., но зато везде есть Х. Недаром же обычно толкуют о *домашнем хозяйстве*, а не домашней Э., о сельском хозяйстве, а не сельской Э., и т. д., хотя в рамках такого рода Х. есть, конечно же, и соответствующие экономические «разделы». Разве учитель, образуя школьников, реализует Э.? Нет, конечно, а вот Х. он вполне реализует — образовательное.

Э., короче, отнюдь не везде в Х., хотя хорошо известно, что ни одна семья, ни одна школа, ни одно предприятие и т. д. не обходится ныне без Э., или *экономического хозяйства*, имея свои *финансы*, денежные доходы и расходы, оперируя с *ценами*, покупая и продавая, вступая в кредитные отношения, платя налоги и т. д. и т. п. Но тут возникает один замечательный эффект: будучи лишь опосредствующей системой организации Х., Э. способна как бы заместить собою Х., либо уж слишком пронизывая его собой, либо, наоборот, вбирая его в себя. Э. заслоняет собой Х. И это никакая не иллюзия, а вполне реальная реальность, хотя и видится эта реальность как бы не совсем реальной.

Если присмотреться повнимательнее, то можно заметить, что и в самой по себе Э. далеко не все решения, вполне вроде бы экономические, принимаются лишь по сугубо экономическим соображениям. Выясняется, что Э. не бывает и не может быть чистой Э., ее функционирование в значительной мере обусловлено неэкономическими моментами. Разве какое-нибудь инвестиционное решение обусловлено только экономическими, т. е. денежнозатратнодоходными, соображениями, да и как сами эти чисто экономические соображения вывести без скрупулезного осмысления большого числа совершенно неэкономических мотивов?

Хорошо известно, что Э. распространена ныне на все человеческое бытие — и это самый настоящий П-э., — но за Э. нужно обязательно видеть и все неэкономическое, находящееся в реальном взаимодействии с экономическим началом. П-э., не говоря уже о Э. как таковой, имеет свою меру реализации.

Сегодня П-э. выражен более всего в *финансизме* и более всего поддерживается *глобализмом*. *Финансовая экономика* — это уже не просто

Э., а Э. по преимуществу ради самой Э., когда *стоимость* не просто обслуживает Х., а прямо-таки ведет его, причем ведет как бы для себя. *Глобальная экономика* — тоже не просто Э., а распространенная на весь мир Э., его понижывающая и по-своему унифицирующая. П-э. — это экономическая эксплуатация всего мира в интересах самой Э., это господство Э. надо всем миром, ее почти абсолютная власть над ним. И удастся это все через развившиеся мировые финансы и утвердившийся неуклонно глобализм.

П-э. упрощает Х. и жизнь, самого человека, представляя окружающую человека среду, человека и хозяйственное взаимодействие человека со средой в виде мира экономических цифр, чисел и величин, соответствующих счетно-расчетных процессов. Не только Х. оказывается тотально экономическим, не только человек выступает как окончательно экономический человек — *homo economicus*, но и сам мир становится экономическим — не природным, не биологическим, не техническим, а именно экономическим. Не только Э. — целый мир, но и сам мир теперь — целая Э.! И что же это тогда за мир, в котором даже воздух получает экономическую (денежную) оценку, когда воздух, чтобы быть потребленным, должен проходить через какой-то немислимый товарообмен? Любопытная возникает картина экономического царства на Земле, не так ли?

П-э не одно лишь представление о современном Х., тем более не иллюзия, — это самая достоверная реальность. Тогда хорошо это или плохо? Это большой вопрос, не имеющий однозначного решения, но который тем не менее нуждается в многостороннем осмыслении. *Философия хозяйства* (Ф.х.) в отличие от *экономической науки*, как бы слишком увязшей в Э., стремится к такому осмыслению, что не значит, конечно, что она имеет законченные ответы. Признание факта П-э. не избавляет человека от размышлений относительно исторической роли П-э., как, собственно, и роли *эсхатологической*. «Деньги — зло!» — издревле хорошо известная формула. А П-э. означает как раз полное господство денег. К какому же историческому, а лучше было бы сказать, внеисторическому, финалу ведет П-э? Может ли человечество хозяйствующее полагаться на свободное бытие Э.? Не нуждается ли П-э в обуздании? Не надо ли утвердить в Х. иные, т. е. неэкономические приоритеты? Ф.х. ищет ответы на эти вопросы, помня как о достижениях Э., так и ее пороках, но в то же время не забывая и о том, что лобовая борьба с экономизмом и волевая отмена П-э. к успеху пока еще не приводили.

VII

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

М.С. СОСНИЦКАЯ

Иван Лукаш: постнеоклассик XXI века

Аннотация. Исторический писатель Иван Созонтович Лукаш (30.03.1892 г., Петербург — 15.05.1940 г., Медон) воевал в Белой армии, эмигрировал из Крыма в Константинополь, скитался по разным странам, пока не осел в Париже. Основные труды: романы «Пожар Москвы», «Вьюга», «Последняя любовь Мусоргского», повесть «Граф Калиостро», трилогия «Сны Петра». Был соавтором В.В. Набокова и послужил прообразом литератора Сергея Бубнова в его романе «Подвиг».

В статье приведены новейшие сведения об историческом герое Лукаша, славном и безвестном купце Жербине. Рассмотрена оценка Лукаша идеологической подоплеку петровских преобразований.

И.С. Лукаш является последним русским классиком — несмотря на долгое забвение, прошел проверку временем и получил признание у собратьев по перу, вошедших в Золотой фонд национальной культуры.

Ключевые слова: постнеоклассик, перманентно-фоновый герой, исторические причины экономических процессов, законспирированная информация.

Abstract. The historical writer Ivan Sozontovich Lukash (30.03.1892, Petersburg 15.05.1940, Medon) fought in the White army, emigrated from Crimea to Constantinople and after moving to many different countries he finally settled down in Paris. His main works are: the novels «The burning of Moscow», «Snowstorm», «The last love of Musorgrsky», the short novel «The Count Caliostro», the trilogy «Peter's dreams».

He has been co-author with Vladimir Nabokov and has served as prototype character of the writer Sergej Bubnov in Nabokov's novel «The Heroical action».

Keywords: This article presents newest data about Lukash' historical hero, once famous and then unknown merchant Zhrebin.

Ivan Lukash is the last Russian literature's classical writer as he, though a long period of oblivion, has proved lasting through time and being recognized as one by his pen colleagues that have entered the Golden treasure of national culture.

I

На сегодня, 2009-й г. от Р. Х., Лукаш Иван Созонтович — последний русский классик потому, что он прошел проверку временем и получил признание у собратьев по перу, вошедших в Золотой фонд национальной культуры. Нельзя сказать, что сегодня он забыт, он просто еще не узнан на родине. «А в двадцатые и тридцатые годы большинство читателей одной из самых популярных русских парижских газет “Возрождение” первым делом, едва открыв свежий номер, искали это имя. Его исторические очерки, романы из жизни России XVIII—XIX вв., печатавшиеся из номера в номер, были просто нарасхват. Лукаш, в отличие от многих своих беспрерывно публиковавшихся коллег, всегда сохранял очень высокий уровень прозы. Прибавьте к этому блестящее знание истории — и секрет успеха будет очевиден» (В. Леонидов [1]). Это секрет успеха не только 1920—1930-х гг., но и на все времена.

И.С. Лукаш родился 30 марта 1892 г. в Петербурге в семье отставного ефрейтора Финляндского полка, служившего в Императорской Академии художеств. В молодости писал декадентские стихи, а когда началась Гражданская война, пошел журналистом в ряды Добровольческой армии. Его репортажи появлялись в газетах «Голос Таврии» и «Юг России». Таврия — это значит Крым, а Крым — это поражение Белой армии и отплытие к берегу турецкому. Далее до конца жизни эмиграция с ее общеизвестными этапами от Константинополя до Парижа, на протяжении которой он не прекращал заниматься литературной деятельностью. Прервала ее только кончина, последовавшая 15 мая 1940 г. на юге Франции в Медоне.

И хотя выход двухтомника И.С. Лукаша в Москве в издательстве «Интелвак» произошел всего годом позже издания трехтомника Г.Г. Газданова издательством «Согласие» (1999), «дела» Газданова пошли намного более успешно, чем Лукаша. Газданов получил широкое признание, о нем стали писать диссертации, статьи, посвящать ему конференции. Газданова иногда называют вторым Набоковым, а Набоков, между тем, поддерживал дружеские отношения с Иваном Лукашем, писал с ним в соавторстве балетные либретто и скетчи для берлинского кабаре «Синяя птица», в других источниках называемого Русским кабаре [2, 425]. В Кенингсберге в 1925 г. шел балет «Лунный кавалер» (композитор А. Эйхман) по совместному либретто Набокова и Лукаша; в том же составе было написано либретто пантомимы «Агасфер» на музыку М. Якобсона. Кроме того, Лукаш также послужил прообразом литератора Сергея Бубнова в романе «Подвиг». Литературовед Людмила Спроге в статье «Пушкинский миф Лукаша» называет Буб-

нова «периферийным персонажем» [3, 331—333], тем самым как бы умаляя качества героя. Ее внимание обращено на его значимость, на количество его присутствия в романе. И с этой точки зрения его можно назвать периферийным. Но с точки зрения качества, а не количества он является отнюдь не периферийным, а перманентно-фоновым героем, наполняющим назревающий и происходящий в романе подвиг высоким звучанием и смыслом. Он прибавляет внутренней мотивации поступку главного героя Мартына. Бубнов привносит в атмосферу, в сам воздух романа ион жертвенной, слепой, безрассудной, одержимой, почти инстинктивной любви к России. Разве такой человек может быть периферийным? Лейтмотив его проходит, как закадровая партия скрипки, чье звучание время от времени выходит на первый план. Литератор Бубнов — это представитель круга, а может, и среды «деятельных, почтенных, бескорыстно любящих родину русских людей» [4, 165].

Но он не просто деятельный и почтенный человек, а еще и творческий («Бубнов за три года выпустил три прекрасных книги, писал четвертую...» [4, 162]), потому что истинная любовь отмеченного даром человека созидательна. И личность прототипа перехлестывает узкие рамки пространства, уделенного ему в романе. Это пространство рвется на нем, как мальчишеская сорочка на взрослом крепком атлете.

Публикации о Лукаше в постсоветской России промелькнули где-то в литературном тылу — издательство «Интелвак» отошло на второй план капиталистического свободного рынка, хотя и присутствовало на ежегодной Книжной ярмарке 2008 г. в Москве, и имя Лукаша стало достоянием литературоведов и литературологов. «Возвращение» Лукаша книгами, выражаясь языком современной информатики, «зависло» на неопределенное время. А Газданов на литературном олимпе прочно и заслуженно занял позиции неоклассика. И по содержанию книг, отголоску своего времени, и по моменту возвращения их в Россию Газданов вполне справедливо назван неоклассиком.

Не такова муза И.С. Лукаша, писателя преимущественно исторического. Он «не тянет» на неоклассика ни хронологически, ни фактически. Категория неоклассиков сформировалась в XX в., а Лукаш становится *постнеоклассиком* XXI в. При том, что по сути своей, стилю и форме принадлежит к прописным, традиционным русским классикам XIX в. И возвращения классика потребует сама жизнь. Но когда оно произойдет, Лукаша будут называть постнеоклассиком в силу запоздалости этого возвращения, в силу того, что оно произошло после Газданова, и в силу особых качеств его творчества, которое иногда имеет точки пересечения с газдановским, как в книге «Голое поле», написан-

ной по теме Галлиполи раньше Газданова, а потом уходит своими неисповедимыми лукашевскими путями.

II

Трилогия «Сны Петра» — это сны Петра Первого, приснившиеся Ивану Лукашу. Это сны царя, приснившиеся писателю. Следовательно, сны Петра — это сны Ивана Лукаша.

«Сны» населены призраками прошлого. Это призраки либо бывшие на памяти писателя, как в «снах»-воспоминаниях («Метель»), либо находящиеся за пределами его личной памяти, принадлежащие памяти коллективной. Облако сомнамбулизма окутывает все «Сны», что входит в замысел автора. Клубящееся облако вокруг картин сюжета — это как некий театрално-сценический прием воздействия на восприятие читателя. Но в некоторых вещах состояние сомнамбулизма особенно сильно. Там сны возводятся в квадрат, там сон снится герою «сна».

В «Гимпанах» государь Николай Павлович пребывает в некоей временной прострации. «Разве ночь? Мои часы били семь» [5, 489], — спрашивает он. И в этой прострации ему «суждено было испытать странное происшествие...». Ему почудилось, что исчезла гвардия, «вымерла столица, опустела вся империя...» [5, 490].

Но и то, что видится мальчику, которому рассказывают о государе и часах на камине, тоже сон во «Сне»: «Ему кажется, что все летит на громадных медных крыльях: багровые стены домов вокруг площади, гранитная Александрова колонна с ангелом на вершине, молодые лица солдат в синих бескозырках, извозчики, прохожие, фонари, небо, светлый снег, летит на медных крыльях Петербург, Россия, и он летит с Россией в своей шинельке, ставшей крылом» [5, 490].

Сновидец этой фантазмагии наяву — мальчик «с полным и светлым лицом, в гимназической шинели» [5, 490], бежит именно по Морской улице, где и по сей день стоит особняк родителей Набокова — летучий голландец его воспоминаний, — в котором будущий русско-американский классик провел свое детство, а сегодня в нем находится его музей. Упоминание Морской улицы прозрачной нитью вышивает присутствие Набокова в «Снах» Лукаша: ведь отрок Владимир легко мог видеть в окно этого бегущего мальчика в гимназической шинели. Или подойти в этот момент к окну и одернуть штору.

И не дефицит *композиционного огня*, о котором говорил Набоков, чувствуется в «Снах», а некая призрачность, недовоплощенность в материальном мире; собственно то, что сказал сам Лукаш о России в предисловии к своей трилогии: *невоплощенный сон, полуявь-полувидение, смена снов* — можно сказать и о его творчестве вообще, и

о «Снах Петра» в особенности. Ничьи произведения не вызывают такого ощущения призрачности, некоего полупризрачного видения-силуэта, начерченного в воздухе. Разве что некоторые страницы «Призрака Александра Вольфа», когда герою видится белый всадник, скачущий по степи. Но и роман Газданова называется «Призрак...». У Лукаша — «Сны», т. е. сновидения. Это становится неким общим диагнозом эмиграции, точнее эмигрантов, претерпевших такое страшное потрясение, как потеря родины — своей естественной среды обитания. Потрясение, приведшее к хроническому расстройству психики, равному контузии: родина видится им всегда, видения наступают в любой момент независимо от места и времени. Наплывы этих видений, как припадки эпилепсии, неизлечимой падучей, являющейся притом средой созидания произведений искусства. Именно эта болезнь служила одним из стимулов творчества Ф.М. Достоевского.

Впрочем, ощущение жизни как сна существовало всегда. Вся явь есть майя согласно индийской философии. И будто именно о «Снах» Лукаша говорила последовательница Е.П. Блаватской известная теософка Ани Безант, много лет прожившая в Индии: «История предстает перед нами как благородная панорама народов и событий, а между тем в действительности происходит только некая пляска теней народов, королей, государственных деятелей, министров, армий. Все события — битвы и революции, возникновение и падение держав — это прежде всего фантазмагория. И когда историк пытается более глубоко разобраться в причинах экономических процессов, социального устройства, вникая в тенденции направлений мысли, даже он имеет дело с фантазмами, иллюзорными тенями, отбрасываемыми невидимым миром» [6, 9].

И снова анализ произведений Лукаша смыкается с характеристикой творчества Достоевского. Он — как некая константа мира И.С. Лукаша; он и еще Пушкин, Толстой, Петр Первый. Ведь все, что деется во «Снах», произошло по воле последнего или как следствие его начинаний. В том числе строительство Исаакиевского собора во «сне» «Колоннада».

Здесь Лукаш пишет: «Жербин, Суханов — тайна речей их для потомков померкла, да и таких имен: Жербин, Суханов — не знает никто» [5, 478].

Эти строки свидетельствуют не только о том, что он не обладал полной информацией о предмете своего писательского внимания, но и о том, что на тот момент эта информация находилась под спудом не столько забвения, сколько конспирации, как трава под снегом, чтобы не пропасть, выжить, и с оттепелью расправиться во весь рост.

В Москве в 2007 г. в издательстве «Икар» вышла книга Жербина Кирилла Саввича «Воспоминания инженера». Кирилл Саввич, ныне покойный, прямой потомок «коммерции советника», купца Жербина. Эта книга свидетельствует о том, что Жербин Иван Федорович (1778 — 1840), о котором идет речь в новелле И.С. Лукаша, был далеко не темной, безвестной личностью.

Купец 1-й гильдии Иван Федорович Жербин в 1816 г. пожалован почетным званием Коммерции Советника. В 1823 г. получил орден Св. Анны 2-й степени, что фактически означало получение личного дворянства. Портрет детей Жербиных, Ольги и Федора (1851), знаменитого художника П.А. Федотова по сей день находится в собрании Русского музея в Санкт-Петербурге. А Ивана Федоровича в 1837 г. пожаловали дипломом и гербом, т. е. потомственным дворянством, а его сын от второго брака (Федор с портрета) был внесен в 1-ю часть дворянской родословной книги.

Иван Федорович Жербин по выбору купеческого собрания состоял Санкт-Петербургским Городским Головою три срока (!) подряд (1821—1830 гг.) Предположительно в 1820 г. он взял подряд на доставку колонн Исаакиевского собора, выиграв при этом тендер у иностранцев. Но, по словам будущего декабриста Николая Бестужева (см. его очерк «Колонны Исаакиевского собора», упомянутый Лукашем во «сне» «Колоннада»), «коммерции советник Жербин, приняв на себя доставку колонн с великою уступкою против назначенных цен, без всяких уточнений механики, следуя здравому смыслу и верному опыту, построил на свой счет три судна, из коих каждое поднимает по две колонны вдруг, помещающиеся на палубе по обе стороны» (суда иностранцев возили по одной колонне). «Оные суда, оправдывая опытные соображения г. Жербина, доставляют нам в целостности сии исполненные колонны, каких мы видим пример в одной только Помпеевой колонне» [7]. Помпеева колонна — монолит из красного гранита высотой 19 м. Поставлен префектом Помпеем близ города Александрии в честь римского императора Диоклетиана (284—305).

Сын Ивана Федоровича Жербина — Федор Иванович Жербин (1836—1903) генерал-лейтенант с портрета, будучи избран в Государственную Думу, заседал в во многих комиссиях, особенно в Хозяйственно-Строительной комиссии, которую возглавлял четыре года, обеспечив возведение новой Адмиралтейской набережной и сада, за что в 1874 г. был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. В 1891 г. возглавил подготовительную комиссию по сооружению Троицкого моста на Неве, что и было зафиксировано на одной из мемориальных досок, установленных у моста на левом берегу, со стороны Марсова Поля. Табличка эта оставалась на мосту и в советское время,

а исчезла только в счастливые времена демократии, в 1990-ые гг., прибавив собою весу на пункте сбора цветных металлов.

А дом Жербиных в Санкт-Петербурге в четыре этажа стоит по адресу ул. Казанская, 33, рядом с Исаакиевским собором, колонны для которого доставлял Советник Коммерции И.Ф. Жербин. И на Кирилле Саввиче, авторе воспоминаний, род Жербиных не пресекался. У Кирилла Саввича остался сын Федор, который в свою очередь является отцом двух детей, Ивана и Ксении, десяти и двух лет.

Только вот автору воспоминаний, потомку поставщика «ста тридцати двух колонн собора Казанского и пятидесяти шести колонн Исаакия, и гранитного столпа Александрова в пятьдесят три тысячи пудов тяжестью» [5, 478], неизвестен тот факт, которому Лукаш вскользь уделяет пристальное внимание: «Неторопливо перебирает советник какие-то листки, метит свинцовым карандашом знаки и цифирь, расчет мастерства своего, на бледном пальце его играет *масонская каменя...*» (курсив мой. — М.С.) [5, 480], т.е. Коммерции Советник И.Ф. Жербин был членом масонской ложи. И строительство Исаакиевского собора было не простое строительство собора, а «Храма премудрости Соломоновой созидание» [5, 480].

И в конце «сна» о колоннаде звучит короткий масонский реквием: «В кавалькадах метели не мелькает ли грузный советник Жербин в черной крошечной треуголке с серебряным галуном и декабрист Бестужев, одергивающий пеньковую веревку на шее, натруженной виселицей, многие вольные каменщики, мастера, воины, сыны Отечества, храма Премудрости Соломоновой России созидатели, а впереди всех горбун Суханов с железным аршином?» [5, 485]

III

Упоминание Лукаша о «предании, что сам Петр Первый был посвящен в вольные каменщики, «франкмасоны», еще в 1697 г. в Амстердаме, в английской ложе» [5, 438], имеет огромный исторический контекст, изложенный И.Л. Солоневичем в пятой части его книги «Народная монархия» «Петр Первый». «Если и неверно предание, — пишет И.С. Лукаш, — то нетрудно заметить, что вскоре вся молодая империя Петра стала как бы одной громадной “франкмасонской ложей” [5, 438]. Эти строки дополняют пятую часть книги Солоневича и проливают свет на *идеологическую подоплеку петровских преобразований*. «Эмпирическая зависимость является результатом индуктивного обобщения опыта и представляет собой вероятностно-истинное знание» [8, 161]. И, следуя этому методу в применении к историческому процессу, мы получаем эмпирическое подтверждение предания, приведенного И.С. Лукашем. Да и он сам в следующем абзаце дает эмпи-

рическое подтверждение «неверного предания»: «Ее фельдмаршалы, назовем хотя бы имя Репнина, Чернышева, наконец, Суворова, ее министры, все ее верхи, знать вместе с париками и кафтанами переняли из Европы и “франкмасонство”. И в 1987 году в России действовало уже 115 лож вольных каменщиков» [5, 438]. Переняли и палочку с наконечником в форме руки для чесания спины при укусах вшей.

Иван Лукаш и Иван Солоневич иногда говорят одними словами. «Но, может, это было только варварским подражанием Европе?» [5, 438] — Лукаш о распространении франкмасонства. «Поехал человек в Европу с целью закупки импорта в Россию всяческой цивилизации и благовоспитанности, а привез такие вещи, за какие двести лет спустя даже и большевики своих воинствующих безбожников по головке не гладили?» И тут же делается ссылка на варварское состояние Москвы: «что вы хотите, — варварская страна, варварские развлечения...» (И.Л. Солоневич). Так кто же более варвар?

О трансвременном и транспространственном диалоге Солоневича и Лукаша можно сказать то же самое, что говорит последний о двух русских собеседниках в своем рассказе «Чудо»: «Два голоса, может быть, они мне послышались? Те два голоса, русские, ушли на самую грозу» [9, 3].

Эффектная мысль М.И. Цветаевой о том, что Пушкин — «последний посмертный — бессмертный подарок России — Петра» [10, 279], исторически не оправдана, это лишь метафорическая стилистика поэтического сочинения. Петр «подорвал и монархию... Он подорвал Церковь. Он подорвал престолонаследие. И после чего историки говорят о “частных ошибках”. Эти “частные ошибки” мы с вами и расхлебываем до сих пор — третьим интернационалом, террором и голодом, законными наследниками деятельности Петра» (И.Л. Солоневич). Так что заблуждение эксцентричной поэтессы — милый лепет по сравнению с ошибочными оценками прочих «подарков» России Петра. Остается только уповать, если это не становится все более утопично, что они не «бессмертны», как утверждала она, подразумеваемая Пушкина.

Предвестие этого «подарка» присутствует во «сне» Лукаша «Петр в Версале». Там арапчонок Агибук верно служит царю, например, «держит под мышкой камышовую трость Петра с обтертым набалдашником слоновой кости» [5, 405] и даже высказывает державнополезные мысли: «Статуй, осударь, точно знатный. Меди одной, почитай, пудов до ста пошло. Когда бы истукана сего в наши московские пятаки перелить...» [5, 408].

А негативную оценку если не деятельности, то образа жизни царя Петра Лукаш вкладывает в уста денщика Никиты из этого же сна, денщика, с ним этот образ жизни повседневно разделяющий:

«...скушно мне в ихних землях... Таскаешься, прости Господи, ровно витютень, чтобы их вихорь пробрал, эва, папежество, фонтанеи, мальвазии, державы заморские...» [5, 410].

С упомянутым выше замечанием И.Л. Солоневича о том, что Петр первый подорвал престолонаследие, Лукаш не спорит, об этом он говорит не прямо, как Солоневич, но выражает полное согласие с его оценкой художественными средствами: «Нынче в ночь он меня сызнава звал, сын, Алексей, казнь моя...» [5, 403], — вопиет царь, не находящий покоя и во снах. «Аще наказуеши мучительское сердце мое, изглодал душу мне окаянному, лютою стрелою припек... Алексей, сын...» [5, 404] — это не просто терзания душегубца, сыноубийцы, это муки совести царя, понимающего, что он оставил престол без наследника и не видит во всей империи «помощника», преемника, которому бы он доверял, как самому себе: «Петр пошарил за собою руку Катерины. Взял ее, мягкую, точно бескостную:

— Катерина... Помощника нету... Государству наследника... Один...» [5, 402].

Это рассказ «Сны Петра» первый в сборнике, давший ему имя. Верно определил Лукаш, что рассказы этого сборника имеют одну мысль. Именно она скрепляет их в главы одной книги.

Анализ любого «сна» Ивана Лукаша, как и всякого его произведения, показывает, сколько культурно-исторических пластов они в себе содержат. Можно и дальше вести раскопки этих пластов, продолжая наталкиваться на новые находки. Практически вся мировая культура, а в особенности европейская и русская, становится своего рода сонником для толкования «Снов Петра», увиденных Иваном Лукашем.

Литература

1. Новая Юность. 1999. № 5.
2. Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М., 2000.
3. *Спроге Л.* Пушкинский миф Ивана Лукаша // Пушкинские чтения в Тарту. 2000. № 12.
4. *Набоков В.В.* Подвиг. N. Y.; Toronto, 1956.
5. *Лукаш И.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 2000.
6. *Besant A.* Yoga. Milano, 2007.
7. Сын Отечества. 1820. Октябрь.
8. *Степин В.С.* Философия науки. М., 2008.
9. *Лукаш И.С.* Чудо // <http://glinskie.ru>.
10. *Цветаева М.И.* Стихотворения и поэмы. М., 2001.

А.Г. ШТЕЙНБЕРГ

**«Концепт Я-пространства»,
или Становление принципа женственности в управлении***

Аннотация. В статье обсуждается проблематика «принципа женственности» в разрезе социальной практики вообще и управленческой деятельности, в частности.

Ключевые слова: женское лидерство, женственный менеджмент, способ бытия.

Abstract. In article the problematics of «principle of femininity» in the way of social practice in general and administrative activity in particular is discussed.

Keywords: female leadership, feminine management, way of being.

Очевидно, что женщины не просто по-иному живут, воспринимают мир и относятся к нему, они совершенно особым способом действуют в нем. Их активность, особый способ бытия, если хотите, уникальный гендерный принцип, основаны на их особом сознании, переживании мира, заинтересованном отношении ко всему сущему и обработке информации. Иными словами, можно вести разговор о формулировании проблемной области науки управления, основным ядром которой станет «женственный менеджмент» в системе основных концептов интерактивного менеджмента XXI в.

Как говорил Р. Стейн, женственность «общается не словами или жестами, а *присутствием и бытием*» [1, 73]. Гораздо чаще за женщину говорит то самое Я-пространство, которое она создает в гармонии со своим духовным миром. И как нам приятно находиться в компании мудрых, основательных, ответственных, но немногословных людей, так же комфортно нам порой в рамках жизненного пространства, организованного женщиной со вкусом, любовью и элегантностью, в согласии с ней, с ее «Я».

Каждая женщина знает, чего она стоит, что есть истина и благо, но парадокс в том, что ей трудно объяснить, почему она так считает.

Это знание в своей очевидности не нуждается для нее в объяснении, да и не может быть объяснено в русле общих канонов делового, реального мышления. Во многом именно *отсутствие желания играть словами в рамках текущих дебатов в публичной сфере, абсо-*

* В продолжение дискуссии, развернувшейся на семинаре «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Гендерная революция: что дальше?» (март 2004 г.).

лотно параллельных процессу организации бытия, и преграждает сегодня путь в руководители для большинства истинных женщин. В результате все мы лишаемся не только прекрасного, радующего глаз, по-женски организованного пространства, но и, самое главное, новых идей и подходов к самой сфере производства, управления и публичной сфере вообще, т. е. выражения «Я-пространства» женственности.

Точно так же невозможно выразить сущность женственности словами в полной мере. Ни одно слово, ни одна фраза не могут суммировать ее полное значение. Возможно, именно поэтому столь сложно обращаться к этой теме и, пытаясь все же описать суть феномена, приходится «кружить» вокруг первоосновы, цикл за циклом все ближе подходя к ней, одновременно открывая все новые и новые грани и нюансы. И обращаться приходится, как видно, к концепциям иррациональным, составляющим мировоззренческий уровень мироощущения, ибо только там, а не в структуре научной рациональности можно отыскать фундаментально позитивные креативные черты женственности.

Обычно, когда заходит разговор о специфике женского лидерства либо о перспективах участия дам в процессе руководства, людям приходит в голову портрет женщины-президента или вице-президента в той или иной экономической структуре или социальной организации. Мы же понимаем под *женским лидерством*, или, как заявляли ранее, *женственным менеджментом*, совсем иное. *Это стиль и методы руководства, основанные на привнесении самого принципа женственности в сферу производства и публичную жизнь.* Парадокс, однако, в том, что наличие реальных властных полномочий у конкретной женщины отнюдь не говорит о том, что она несет в себе черты истинной женственности как руководитель. Крайне часто во время интервью автора с женщинами и по материалам других исследователей выясняется, что успешный руководитель-женщина несет в себе чисто маскулинные черты лидера. Не столько наделение женщины самой по себе властными полномочиями, сколько *интеграция принципа женственности в саму структуру процесса* позволит качественно поменять и создать *более сбалансированную культуру социального управления в производственной организации.*

Собрав по крупицам портрет истинной женственности во всех ее ранее описанных нюансах, автор долго не мог подойти к стройному и понятному заключению относительно истинных возможностей женщины в мире патерналистской культуры и практики. Интуитивно представляется, что такое качественно специфическое явление, как *истинная женственность*, это скорее *процесс, чем результат.* К тому же хочется предложить иной категориальный аппарат для определения специфики женского восприятия, отношения и деятельности в мире. Тем более, как показали социально-философские исследования онто-

логии женственности, данный категориальный аппарат строится на классических подходах к анализу женственности. Другое дело, что общая негативная направленность социальной мысли в отношении феминности препятствовала концептуализации женственности как категориального единства, как комплексного феномена.

Задача построения целостного взгляда на природу феминного конкретизируется тем, что речь сегодня идет об изыскании и внедрении нового женственного менеджмента — интерактивного, основанного на принципах истинной женственности. А одна из сущностных особенностей принципа женственности применительно к разговору о новых подходах к управлению лежит даже не в области организации менеджмента. *Гендерная специфика феминности в управлении определяется принципиально иной философией создания производственного организма.* В этом случае и начинают эффективно работать все остальные особенности женственности.

Однако крайне трудно приступать к исследованию женственности как проявлению особых, специфических черт прекрасного пола, тем более, что в социальной науке единства мнений нет, более того, часто господствует «негативная онтология женственности». Философия, даже апелляциями к теологии, физиологии, мистике и социальной практике, оказалась несвободной от крайних суждений относительно порочной, низменной, животной природы женственности. К сожалению, как общеметодологическим подходом концепциями большинства философов для позитивного постулирования «принципа женственности» пользоваться нельзя. Точки зрения же специальных наук имеют свое уникальное предназначение и предлагают методiku, продиктованную конкретными задачами исследования отдельных областей жизнедеятельности женщины. Давая нам огромную информацию для постулирования принципиальных особенностей феминного, они остаются далеки не только от конкретизации, но даже от аксиологического ранжирования.

Автору хотелось бы, создавая уникальную концепцию позитивной женственности, опереться на такой методологический принцип, который бы оценивал женственность однозначно позитивно. Тем более что и сам исследуемый аспект претерпел и претерпевает, особенно в русле социальных отношений, серьезные изменения. Из всех мировоззренческих принципов, имеющих официальное признание и широкие целевые, адресные группы, наиболее подходящим для социальной концептуализации позитивного принципа женственности оказывается мифология как древнейшее учение обо всем сказочном, волшебном, необычном. Автором были рассмотрены некоторые фундаментальные концепции женственности: попытка обнаружить именно онтологиче-

ские, краеугольные, основные толкования феминности в рамках крупных обществоведческих, гендерных концепций, известных психологических, педагогических, медицинских подходов привела к выводу — магистральное мировоззренческое постулирование женственности по сути негативно.

Но даже подходы «позитивной женственности» по своей форме субъективны, как, собственно, любые научные концепции, ибо принадлежат перу мыслителей и ученых-практиков. Попытка же объективации «принципа женственности» как позитивного толкования сущности феномена требует отвлечься от персоналий как аргумента. Наиболее в этом плане неперсонифицированный, не претендующий на истинность, древний, мульти-культурный, анонимный («народный»), а стало быть, объективный тип мировоззрения — это мифология.

Думается, никто не будет спорить, что сказочное, эмоционально-чувственное является основой социализации, не только, кстати, первичной. Сказочные образы формируют первоначальный концепт мира, основную диалектику ценностей с приматом Добра. Сказка ведет вперед и зрелую практику личности, помогая компенсировать реальность и, самое главное, формируя значимые ориентиры для духовно-практического опредмечивания составляющих внутреннего мира человека. Чем многограннее и развитей последний, тем больше в нем великих, казалось бы, сказочных идей, мыслей, образов, взглядов, убеждений, которые ждут своей реализации. А духовный, внутренний мир человека тем разностороннее, чем больше добрых сказок было в детстве.

Именно для уяснения сути женственности и перспектив ее становления применительно к специфике гендерной активности и возможностей влиять на процесс управления продуктивно и конструктивно приходится обратиться к истокам — народному творчеству, мифу, сказке.

Примером может служить сказка «Безручка» [2, 69—87] (в западном варианте «Безрукая невеста»). Фабула ее такова. Жили-были брат и сестра, и очень они любили друг друга, но пришло брату время жениться. Сестра и невестка поначалу жили дружно, но потом как-то заспала невестка свое малое дитя, да свалила вину за это на сестру мужа. В гневе отвез брат сестру в лес и хотел отрубить ей голову, да случилось так, что отрубил только руки по локоть. Бросил брат сестру-калеку в лесу и уехал, а та стала бороться за выживание, попутно помогая живым и неживым существам.

Однажды, когда попала она в чужой сад, ее поймал сторож и хотел наказать, но проезжавший мимо молодой хозяин-царевич полюбил безручку, так как она была все же очень пригожа. Сыграли они свадьбу, стала безручка ждать ребенка, а царевич повел войско на войну: на

страну напал неприятель. Родила безрукая красавица сына, но козни жены брата привели к тому, что получили в доме царевича приказ выгнать жену с ребенком со двора. И пошла она с малым ребенком в мир, где ей предстояло выжить...

Женщина, если она слишком резкая и требовательная либо чрезмерно внимательная и нерешительная, вынуждена действовать в мире огромных сложностей. Дама, взятая на роль лидера в публичной или производственной сфере, которые во многом создавались ее отцом, братом, мужем, столкнется с отсутствием женственности здесь вообще. А также в серьезной степени с недостатком понимания того, как использовать мужские навыки надлежащим образом и в гармонии с ее женственностью. Ведь безручка бесконечно страдала, и страдала безвинно, оказавшись одна в сложном мужском мире, да еще и без рук.

Иначе говоря, руки в данной сказке олицетворяют женскую возможность действовать в окружающем пространстве. Руки — это выражение маскулинной части внутреннего «Я-пространства» героини. Женская «безрукость» оставляет даму вне мира конкретной социальной деятельности, где господствуют мужчины: брат, муж, сторож, отец мужа и т. д. В современной жизни мы можем найти множество примеров, когда женщины настолько окружены мужской активностью, что сделали для себя единственный выбор — пассивность. Такие дамы уже не в состоянии соотнести в себе маскулинность и феминность, они могут лишь, следуя социальной моде, «искать настоящего мужика, которые все перевелись», чтобы на него положиться. Другая крайность — безбрежная женская эмансипация и феминизм.

Интересно, что в европейском варианте сказки, замешанном больше на дьявольщине, чем на личностных отношениях, молодой король, муж безручки, изготовил для нее искусственные серебряные руки. Сей нюанс также можно определенным образом интерпретировать, но в нашу задачу это не входит. Хотелось бы в большей степени показать креативность и реальные возможности женственности.

Символ безрукости может в свете наших исследований быть связан с определенной интерпретацией зависимости женщин от мужчин. Однако не стоит думать, что женщины не способны принимать решения и осуществлять руководящие действия. Проблема в том, что нет истории их независимости. Чтобы показать себя во всей красе и полноте возможностей и очертить области, где женщины-лидеры могут превзойти мужчин, нужно, обязательно, пройти определенный этап независимости, организовать собственное управленческое женственное Я-пространство. А его еще не было. Другими словами, нужно преодолеть все тяготы и лишения жизни подобно сказочной героине, лишившись возможности действовать руками, т. е. по мужской

модели, но сохраняя при этом чисто гендерные особенности сознания, участия в мире, организации информации и деятельности при истинном принятии и уважении субъективности. После чего руки как символ возможности полноценного действия появляются, но уже как атрибут женственности, доказавшей свою жизнеспособность и организованность.

Но ведь в производственной организации женщина зачастую вынуждена (о чем мы уже упоминали) отбрасывать многие свои качества и достоинства как не относящиеся к делу и развивать в себе традиционные мужские способности. И в том случае, когда женщина не в состоянии уважать свою глубинную сущность — женственность, являющуюся главным аспектом ее персональности, ее «мужские» навыки могут проявиться именно как безрукость либо как искусственные руки. И отсутствие рук, и искусственные верхние конечности никак не согласуются с сущностью человеческого индивида, это очевидно.

Финальное обретение рук безручкой связано с огромным количеством трудностей и опасностей, которые ей пришлось пройти и преодолеть. Злоба невестки, наветы, ненависть брата, борьба за выживание и спасение ребенка помогли в конечном итоге женщине получить назад свои руки. Интересно, но в сказке у несчастной иногда на небольшое время появлялись ее утраченные конечности. Это случалось, когда, она, не думая о себе, об опасности и ущербе, стремилась спасти и помочь, т. е. всегда, когда поведение безручки определялось ее истинной женственностью, она обретала атрибут полноценной креативности — свои руки.

Иначе говоря, обретение постулированной выше истинной феминности может стать полезным не только для сферы управления, но и для самой женщины как будущего нового типа лидера. Такая *истинная женственность всегда является результатом личного опыта самого человека, в процессе которого произойдет развитие женских особенностей, восприятие маскулинности и достижение гармонии между ними. Женщина при этом будет идти иным путем, нежели мужчина. Она идет не столько от должного, сколько от сущего.*

В этом и заключается суть предлагаемого «концепта Я-пространства». Стать отличным руководителем можно ведь и идя путем сущего, т. е. от самого себя, делая и развивая кантовскую концепцию должностования в русле воззрений Монтеня. А именно моральные и лидерские обязанности выполнять в контексте того, что идет от собственно бытия, того, что приятно, того, что «твое». Перефразируя известный принцип Канта, можно сказать, что *Я выражаю свое «Я» в процессе управления не потому, что я плохой менеджер, а я неэффективный менеджер, потому, что не выражаю свое «Я-пространство» в процессе управления.* Ведь развить и сохранить истинный женский тип руководства

можно, только пройдя своеобразным путем Будды, поддерживая сложнейшую диалектику бытия деловой женщины и тургеневской барышни. На самом деле, вышивать или ухаживать за цветами так же интересно, сложно и энергоемко, как писать бизнес-план или работать в Интернете. Главное — определить, что будет выполнением необходимых обязанностей, а что — проявлением настоящей жизни личности. Такая проблема стоит и перед мужчинами, которым так же трудно примирить свои истинные желания с аспектом заработка «на хлеб». Но решают они ее своеобразно, максимально расширяя область должного за счет области сущего.

Фабула сказки, однако, развивалась так. Война, на которую ушел молодой царевич, продолжалась долго, и вот пришла пора идти на войну сыну безручки, который вырос рядом с матерью среди добрых, но чужих людей. И стал он сражаться под предводительством своего отца, о котором ничего не знал. Но сердцу матери не прикажешь — поехала безручка на войну вслед за своим сыном, желая спасти его, заслонить собой в самый страшный момент. Так и получилось. В одном бою уже занес неприятель меч над сыном ее, когда мать метнулась вперед в желании спасти, и выросшими вдруг на мгновение руками отвела беду. И бились в этом страшном бою бок о бок и отец, и сын, и безручка. Увидел царевич, как храбро сражались какие-то два его воина, и велел привести их к нему. Признал он в безрукой калеке свою жену, а она представила ему сына. Обрадовались они и обнялись. И женщина тоже крепко обняла своих самых дорогих людей, после чего руки у нее, появившись, уже остались навсегда.

Желание спасти ребенка, крайняя степень доверия, глубоко личностное переживание происходящего на уровне сильных эмоций, стремление обнять мужа и сына — вот то естественное поведение, которое идет изнутри самой женщины. Именно таким образом проявилась (в фольклорной интерпретации) истинная суть женственности, закончив формирование целостного образа безручки обретением рук. Переживание и искренняя заинтересованность в субъективности могут проявиться не обязательно применительно к своему ребенку и даже не к ребенку вообще. Это может быть любой человек, к которому испытываются сильные чувства и в ком проявляется реальная заинтересованность, коллектив единомышленников, дело, за которое болеет человек. Главное, что импульс идет изнутри, от переживания и сопричастности, выражая нюансы Я-пространства, пронизанного сильными эмоциями и истинной верой.

Женственность в структуре управления — это отнюдь не получение власти женщиной в производственной организации, например. Это формирование совершенно иного базиса самой власти, идущего от обретения истинной привязанности личности к человеку, коллективу, делу, дому, Земле. Это не обязательно должна быть христианская лю-

бовь к ближнему, привязанность ко всему человечеству. Но это должно быть обязательно чувство «чистой воды», концептуированное «Я-пространством».

Специфика социального управления с приходом в нее принципа женственности должна кардинально измениться. Стилистика управления людьми в современной диффузной производственной организации во многом начнет «считываться» с особенностей и структуры построения отношений домашних, семейных, родственных. Не перенос женщиной и особенно мужчиной типологии управления персоналом с производства на дом, что сегодня зачастую происходит, станет признаком нового века. А наоборот, принятие социальным менеджментом новых подходов, основанных на всех описанных особенностях женственности как принципа бытия.

И в упоминаемой нами сказке про безручку концепт женского материнства сыграл основополагающую роль в становлении «Я-пространства». Видимо, никуда нам не уйти от этого важнейшего компонента бытия женственности, которому и в рамках мифологического мировоззрения придается огромное значение. Осталось только, чтобы им всерьез заинтересовалась социально-управленческая наука.

Литература

1. *Stein R.* Incest and Human Love. Dallas, 1988.
2. Лебедушка: Русские волшебные сказки. М., 1984.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

80-летний юбилей В.И. Корнякова

Живет в Ярославле редких свойств человек — Василий Иванович Корняков, доктор наук и профессор, ученый и мудрец, стилист и оратор, труженик и подвижник, в общем — Явление!

Автор многих содержательных трудов, а главное — оригинальных и глубоких мыслей, изящно мерцающих яркими звездочками на размыслительном небосклоне Философско-экономического ученого собрания, не без тайного умысла гордящегося своей органической связью с ярославским отшельником.

* * *

28—30 января 2010 г. в г. Сочи с участием Центра общественных наук под эгидой Кубанского государственного университета (декан экономического факультета — профессор И.Г. Шевченко) состоялась Международная научно-практическая конференция «Российская экономика: от кризиса к модернизации», на которой с пленарным докладом «Модернизация как невозможная возможность» выступил профессор Ю.М. Осипов.

В рамках конференции под руководством Ю.М. Осипова прошло заседание круглого стола «Императивы модернизации», в котором приняли участие доктор наук М.М. Гузев (Волжский), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), кандидаты наук С.А. Марков, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.Г. Пономаренко (Краснодар), В.И. Романченко (Новороссийск), Е.С. Зотова, А.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Андреева (Ростов н/Д) и др.

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Философско-хозяйственное осмысление новых мировых тенденций: социум, экономика, геополитика, культура Мониторинг мнений

Планетарный мир меняется — во всех сферах и во всех аспектах. Куда он идет, подстегиваемый разогретым постмодерном воображением? Что ожидает мир в обозримом будущем? Уж не иллюзия ли теперь мир? И как в этом странном мире быть человеку, да и человеку ли? Изменения масштабны и стремительны, новый и неизвестный мир наступает, превращая бытие человеческое в... надчеловеческое сверхбытие, не так ли? И что же тогда?

2 марта 2010 г., вторник, в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Аскетизм как феномен культуры и хозяйства в контексте современности

Аскетизм — не нищета, не бедность, не скудость, а мера. Аскетизм как общественное явление. Аскетизм как залог экзистенциального богатства. Экономизм и аскетизм: совместимая несовместимость. Аскетизм — веление времени!

23 марта 2010 г., вторник, в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

Цена в современной экономике: практика, теория, концепция

Что есть цена в современной экономике? Ценность, оценка, сравнительная значимость, товарный знак, экономический сертификат? Качество цены, ее количественная определенность. Динамика цены. От товара или на товар. Закономерности ценообразования и ценовая воля. Объект цены. Субъекты цены. Цена как сила — притяжение, отталкивание, утверждение, разрушение. Что же такое цена?

6 апреля 2010 г., вторник, в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2010

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Инновационное развитие экономики России:
роль университетов***

Секция лаборатории философии хозяйства

***«Мобилизационный потенциал для инновационного
развития национальной экономики»***

Главные препятствия на пути перехода России к инновационному типу хозяйства лежат не в финансовой и не в технологической областях, хотя и в них есть свои проблемы, а в социальной и институциональных сферах, сориентированных не на производство, труд и творчество, не на производительный рост и научно-техническое развитие, а на гедонистическое потребление, обеспечиваемое за счет эксплуатации природы, населения и ранее созданной материально-технической базы. Выйти на инновационный путь — придать российскому социуму, национальному государству и отечественному предпринимательству ясно выраженный производительный и инновационный характер, что требует не только мобилизации всех конструк-

тивных сил, но и соответствующей социально-культурной переориентации российского социума наряду с крупными институциональными переменами.

21—23 апреля 2010 г., экономический факультет МГУ

Публикуем статью профессора А.Б. Николаева, присланную по теме конференции.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Некоторые аспекты развития российского производства и инновационного развития

Аннотация. Объектом исследования в статье являются основные моменты современного преобразования российской экономики: необходимость преодоления сырьевой направленности, инновационное развитие, субъекты этого движения, роль государственных процессов.

Ключевые слова: экономическая система, Россия, инновационное развитие, субъекты, государство.

Abstract. The object of the research in the article includes the principal points of modern transformation of the Russian economy: necessity of overcoming the raw materials orientation, innovative development, subjects of this movement, a role of the state processes.

Keywords: economic system, Russia, innovative development, subjects, the state.

Преобразование российской экономики в инновационную является частью общего процесса перехода мировой экономики в современную инновационную стадию развития. Этот переход выдвигает совершенно новые требования к национальным хозяйствам и создает для них новые возможности.

Всегда ли правильно интерпретируются и учитываются эти требования и возможности? Некоторые факты заставляют сомневаться в этом. Остановлюсь лишь на некоторых моментах.

Инновационное развитие — это многогранный процесс, имеющий множество измерений. В контексте нашего обсуждения важнейшее значение имеет выяснение динамики изменения положения россий-

ской экономики в системе мирового хозяйства, ее конкурентоспособности.

Текущий мировой экономический кризис обнажил исключительную противоречивость (и даже конфликтность!) преобразования российской экономики в инновационную.

Инновационная трансформация национального хозяйства связана с коренной ломкой сложившихся воспроизводственных пропорций, межотраслевых, межкорпоративных, межрегиональных и международных связей. Существенно затрагиваются интересы миллионов людей и десятков тысяч коллективов: отдельных фирм, получателей доходов, носителей властных полномочий. Это сопровождается обострением социальной и политической борьбы.

При всей важности инновационной трансформации российской экономики это не единственная проблема, которую приходится решать обществу с точки зрения повышения ее конкурентоспособности. В РФ далеко не закончен переход к рыночной системе хозяйства, продолжается формирование новой системы геополитических связей, что прямо влияет на конкурентоспособность страны.

Повышение конкурентоспособности российской экономики оказывается зависимым от решения множества неравномерно вызревающих проблем и не может быть равномерным, равнозначно учитывающим интересы отдельных социальных групп.

Условия осуществления необходимых изменений в российском обществе быстро меняются вместе с изменением мировой конъюнктуры. В период кризиса особую остроту приобретает необходимость поддержания социальной и политической стабильности в обществе. Не обеспечив эту стабильность, нельзя успешно решать другие проблемы. Одновременное и равномерно протекающее решения всех проблем практически невозможно. А это предполагает усиление неравномерности в использовании ресурсов общества, их распределении между функциональными и региональными сферами.

Система противоречий, в которую вплетена инновационная трансформация, обнаруживается в противоречиях формирования конкретных задач, выборе средств и путей практической реализации государственной экономической политики в РФ.

Высшие лица российского государства (президент, премьер, главы обеих палат парламента) продолжают подчеркивать, что несмотря на кризис преобразование российской сырьевой экономики в инновационную остается одной из важнейших стратегических задач государства. В Послании Президента Федеральному собранию (декабрь 2009 г.) подчеркивалось «Больше медлить с этим нельзя. Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной

сферы. По моему убеждению, это вопрос выживания нашей страны в современном мире». Практически во всех выступлениях В. Путина (и как президента, и как премьер-министра) на первое место выдвигается проблематика инновационного развития. Б. Грызлов (председатель Государственной Думы) пишет, что нам необходимо «обеспечить действительно мощный рывок вперед в инновационном развитии, закрепляющий за Россией место в числе мировых лидеров XXI века» [1,61].

Все звенья государственного аппарата получили ясный сигнал: без преобразования российского общества невозможно укрепить роль РФ как мировой державы, обеспечить социальную и политическую стабильность внутри страны, предотвратить ее распад.

Вместе с тем обнаруживается известное смещение акцентов в формулировании задач развития и путей их осуществления. С 2000 до 2008 г. в государственной экономической политике на первый план выдвигалась задача осуществления структурных сдвигов в экономическом развитии, обеспечения происходящих изменений реальными ресурсами.

В период кризиса гораздо больше внимания стало уделяться административно-управленческому и законодательному аспектам развития. Была создана новая Комиссия по модернизации и технологическому развитию (под руководством президента) с широкими полномочиями в области формулирования научно-технической политики и организации ее выполнения. Были определены приоритетные направления в научно-техническом развитии (пять направлений). Был сделан важный шаг в выработке единой промышленной политики. Было проведено не мало практических мер в области инновационного развития (расширено венчурное финансирование, созданы особые научно-технические зоны и многое др.)

Тем не менее, практические результаты осуществления стратегии преобразования российской экономики в инновационную остаются более чем скромными. «Эффективная инновационная система в России все никак не складывается... Структура экономики остается прежней, спрос на инновации в реальном секторе практически отсутствует, а прорывные технологические бизнесы вынуждены искать поддержки за рубежом» [2, 55].

До начала кризиса российская экономика обнаруживала характерные черты сырьевой: в 2006 году в РФ доля добывающих отраслей в ВВП (по добавленной стоимости) была более 5%¹. В этом же году в США эта доля не превышала 1%. В отрасли по добыче сырья, сель-

¹ См. веб-сайт ГКС РФ, декабрь 2009 г.

скохозяйственной и лесной продукции идет значительная часть валовых инвестиций (в 2008 г. эти отрасли забирали свыше 18% всех производственных инвестиций). В общественном производстве остается существенной роль металлургических отраслей, экспортирующих полуфабрикаты, целлюлозной, бумажной, лесной и деревообрабатывающей промышленности, производства цемента и др.

Пока нет фактов, которые бы свидетельствовали о том, что в период кризиса удалось переломить сырьевую направленность российской экономики.

Что конкретно мешает инновационному развитию российской экономики? Затронем лишь один фактор.

Общая стратегическая линия государства должна реализовываться в текущей экономической политике, через эту политику. Факты показывают, что текущая экономическая политика в ряде случаев объективно усиливает консервацию сырьевого характера российской экономики. Как уже отмечалось, пока не произошло серьезных изменений в уровне концентрации инвестиций в сырьевом секторе. А это определяет характер развития экономики на много лет вперед.

В федеральном бюджете (на 2010 г.) нарастание дефицита государственных доходов было компенсировано путем сокращения расходов по статьям (национальная экономика, образование, наука), имеющим большое значение в инновационном развитии.

Правительственные чиновники в последние недели лоббируют отказ от пошлин на экспорт восточносибирской нефти и одновременно повышение налога на фонд оплаты труда, что негативно скажется на условиях работы отраслей обрабатывающей промышленности с высокой долей квалифицированной рабочей силы (т.е. инновационного сектора) и т. д.

Мировой кризис 2008—2009 гг. еще раз показал: сама по себе инновационная направленность развития не освобождает национальную экономику от противоречий, коренящихся в товарно-рыночной системе хозяйства. Вместе с тем, существенно меняются как формы проявления этих противоречий, так и способы воздействия на них со стороны общества. Например, меняются требования к обучению и переобучению кадров, их межотраслевой и межрегиональной миграции. Центр и регионы РФ плохо справляются с этой проблемой.

Во многих работах последнего времени акцент делается на «национальных» аспектах развития производства. И это понятно: национальное хозяйство, рассматриваемое как территориально-хозяйственный комплекс, является вполне реальным фактом. Процессы, происходящие в рамках территориально-хозяйственных комплексов, непосредственно обнаруживаются в социальной и политической сферах конкрет-

ных территорий, затрагивают текущие интересы трудящихся, политических партий и движений.

Однако нельзя не учитывать и того, что для современной мировой экономики характерно переплетение двух тенденций: 1) тенденции к укреплению национальных хозяйств; 2) тенденции к интернационализации производства.

В 2007 г. 11% мирового ВВП явилось продуктом филиалов иностранных компаний. Доля иностранных филиалов превышала 33% мирового экспорта [3, 10]. К этому следует добавить международную кооперацию производства. Особенно глубоко производство кооперировано в секторах информационных технологий, фармацевтики, электроники. Например, российские электронные фирмы разрабатывают микросхемы внутри страны, а производят их за границей. И это является преобладающей практикой в мировом хозяйстве.

Сам процесс разработки также интернационализирован. В 2003 г. (последняя дата, по которой имеются достоверные сведения) во всем мире насчитывалось более 695 международных кооперационных соглашений в области НИОКР [4]. В РФ на экспорт (т. е. по заказу зарубежных структур) проводится более 2% НИОКР (свыше 6 млрд руб.) (импорт НИОКР — втрое меньше [5, 36]).

Интернационализация производства — это исключительно противоречивый и конфликтный процесс. Но он успешно используется отдельными странами (Израиль, Ирландия, Великобритания и некоторыми др.) для решения экономических и социальных проблем внутри территориально-хозяйственных комплексов. Какие формы интернационализации производства наиболее эффективны с точки зрения инновационного преобразования российской экономики?

Перевод экономики на инновационные рельсы требует учета и других особенностей современного инновационного развития.

Во-первых, современное инновационное развитие имеет в своей основе не просто использование знаний, а *научных* знаний. Знания вообще всегда применялись в производстве во всех его формациях. Без такого применения знаний общественное производство просто невозможно. На протяжении большей части истории развития общественного производства источником применяемых знаний был практический опыт.

За последние 100 лет изменился не только масштаб применяемых знаний, но весь механизм их получения и использования. Он превратился в органическую часть общественного производства. Коренные изменения происходят в системе регулирования и управления наукой, что не может не затронуть сложившуюся в РФ систему управления

научной сферой: в отдельных звеньях она архаична и нуждается в преобразовании. Это касается, в частности, системы Академии наук.

Во-вторых, инновационное развитие имеет две стороны: 1) получение и превращение изобретений в инновации (т. е. коммерчески используемые новшества); 2) преобразование всей системы производительных сил и общественных отношений (экономических, социальных, политических и пр.).

Об этом приходится говорить, так как в большинстве случаев проблема трансформации экономики в инновационную сводится к созданию оптимальных условий получения и производственного использования изобретений. «Инновационное производство», или «национальное инновационное воспроизводство», включает в себя несколько этапов, а не только производственное использование новшеств. Внедрение новшеств является органической частью инновационного процесса.

Задача перевода экономики в инновационное состояние включает в себя синхронизацию развития всех этапов инновационной цепочки: начиная от этапа получения научных знаний до практического использования их результата (конечно, с учетом места национальной экономики в глобальном инновационном процессе).

Этапы инновационного процесса связаны между собой системой обратной связи. Торможение на одном из этапов негативно сказывается на инновационном процессе в целом. Эти этапы неравномерно развиты как с технической, так и экономической точки зрения. Неравномерность развития этапов инновационного процесса осложняет инновационное развитие экономики.

В настоящее время инновационное развитие российской экономики тормозится не только трудностями производственного использования научно-технических новшеств, но и негативными явлениями на этапе получения и распространения научных знаний, подготовки и использовании научных кадров.

Преодоление вышеуказанной неравномерности предполагает преобразование всего общества: его материально-технической основы, социальной структуры, политического механизма, системы ценностей и др.

Национальный инновационный процесс — поле деятельности системы взаимодействующих субъектов каждый из которых выполняет свою функцию (техническую и экономическую),

Система субъектов (и отношений между ними) может (и должна) рассматриваться с нескольких сторон: 1) со стороны отношений собственности; 2) со стороны уровня развития и концентрации выполняемой функции (ее условий — активов и результатов).

Если подходить к инновациям с позиций инновационного процесса, то прежде всего в ином свете предстает картина отношений собственности — в инновационном процессе (а следовательно, и в инновационном развитии) участвуют как коммерческие, так и некоммерческие хозяйствующие субъекты. В США, например, в инновационном процессе задействованы такие крупные государственные лаборатории, как Брукхевенская и Ливерморская, государственные университеты, государственные и частные некоммерческие организации — Национальное бюро экономических исследований, Рэнд корпорейшн, Национальная академия наук и др. Их нельзя рассматривать как государственные корпорации. Но это государственные научные и одновременно хозяйственные структуры — предприятия.

В инновационной системе РФ также присутствует несколько групп субъектов:

- общественных (государственных — научно-исследовательские структуры Газпрома, Росатома, Ростехнологий и т. д.; негосударственных — например, различные академии);
- коммерческих — в частности, корпоративных институтов и лабораторий.

Может ли быть государственный хозяйствующий субъект эффективным в инновационном развитии? Исторический опыт говорит: может. Работа Курчатовского, Королевского и некоторых других центров в СССР; работа крупнейших государственных центров в США и ЕС обнаружила, что государственные структуры могут выполнять свои задачи весьма эффективно. Вопрос состоит в том: какие задачи? При каких условиях?

Если ограничиться только частным сектором, то обнаруживается проблема связи эффективности инновационного развития и характера воздействующих на него факторов. Количество воздействующих факторов бесконечно много. Научный анализ и практика управления требуют упорядочения вышеуказанных факторов, выделения среди них качественного и количественного соподчинения.

В самой общей форме можно сказать, что среди факторов решающее значение имеет:

- степень зрелости производительных сил (в частности, характер отраслевой структуры производства и участия конкретной хозяйствующей единицы в общественном разделении труда);
- характер хозяйствующих субъектов, участвующих в воспроизводстве:
- наличие конкурентной воспроизводственной среды, заставляющей субъектов развиваться под давлением объективно формирующихся интересов и страха гибели;

- уровень концентрации производства (в частности, размер хозяйствующих субъектов: мелкие, средние или крупные фирмы).

Вряд ли можно ставить вопрос о том, какую из трех групп хозяйствующих субъектов (по уровню концентрации), следует поддерживать.

Как уже отмечалось, инновационное развитие крайне противоречно. У каждой из трех групп хозяйствующих субъектов есть ограничения и преимущества с точки зрения инновационного развития.

- *Крупные* фирмы недостаточно заинтересованы в проведении фундаментальных исследований и осуществлении революционной изобретательской деятельности. Обнаруживается высокий уровень обремененности крупных фирм капитальными активами, имеющими риск обесценения. Но они располагают огромными собственными и кредитными ресурсами. Уровень сложности и масштаб производства (в конкурентной среде) заставляют крупные фирмы активно участвовать в инновационном развитии.

- *Мелкие и средние* фирмы не просто недостаточно заинтересованы в проведении научных (особенно фундаментальных) исследований. Существенные ограничения в размерах ресурсов и кредитных возможностей делают их участие в таких исследованиях затруднительным. Это же можно сказать и об их участии в *крупномасштабной* революционной изобретательской деятельности.

В то же время компактность коммерческих подразделений, ограниченность производственных и финансовых активов, незначительность контролируемой доли производства и рынка заставляет эту категорию фирм активно использовать инновационное развитие (в частности, отдельные формы исследований и революционной изобретательской деятельности) как средство конкурентной борьбы.

Обнаруживается, что общественный инновационный процесс с необходимостью предполагает проведение НИОКР (и в частности, фундаментальных исследований и революционной изобретательской деятельности). А у отдельных групп фирм разная степень заинтересованности или приспособленности для их осуществления.

Противоречие не является тупиковым. Его решение: в появлении и развитии венчурного капитала; государственном финансировании НИОКР через прямое финансирование, гранты и субсидии; в поглощении мелких и средних фирм крупными. Примером может служить поглощение израильских инновационных фирм американскими гигантскими корпорациями; в формировании таких рыночных условий, при которых крупные фирмы участвуют на всех этапах инновационной деятельности и др.; в сочетании всех трех групп фирм как формы обеспечения эффективности инновационного процесса в целом.

Поддержка обществом (и прежде всего государством) не только мелких и средних, но и крупных фирм совершенно необходима. Масштабы и формы поддержки могут и должны меняться. Она может осуществляться не только в форме финансирования и кредитования инновационной активности, но и в форме стимулирования, поддержания конкурентной среды, разработки стратегических прогнозов, информационной систем и т. д.

Государственное участие в инновационном развитии — неотъемлемая черта системы общественного воспроизводства. Государство на всех этапах общественного развития участвует в становлении, развитии и сохранении рыночных отношений. Чисто частное воспроизводство, свободное от государственного вмешательства, — это абстракция, необходимая в научном анализе, но отражающая лишь часть реальности.

Литература

1. Эксперт. 2009. № 40.
2. Эксперт. 2009. № 43.
3. WIR 2008 / UNCTAD. 2009.
4. Science and Engineering Indicators. 2008. Vol. 1.
5. Россия в цифрах. 2007. М., 2008.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

Российское предпринимательство: итоги и перспективы

Что представляет собой нынешнее российское предпринимательство? Бизнес, производство, инноваторство. Экономический рационализм, рачительное хозяйствование, мотор развития. Рисковость. Достижения. Предпринимательство и общество. Возможности и лимиты. Перспективы.

22 июня 2010 г., вторник, в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

V ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ МГУ

Круглый стол

на тему:

***Теоретическая экономия и естествознание:
параллели и пересечения***

Новейшие естественнонаучные разрешения и теоретический экономизм. Сближения и аналогии. Возможность естественнонаучных трактований экономических процессов. Экономическая метафизика как подспорье естествознанию. Возможность взаимопонимания. Ограничения и пределы. На пути взаимного обогащения.

19 октября 2010 г., вторник, в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1 — 3 декабря 2010 г.

Самоутверждение России: социум, экономика, политика

Подвергнутая беспощадному реформному перевороту и острым кризисным испытаниям, Россия, немало ослабленная, расстроенная и приниженная, сохраняя потенцию к выживанию и мало-помалу сосредоточиваясь, обретает шанс, на ходу перестраиваясь, выйти на путь окончательного самоутверждения как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и разностороннему развитию, к эффективному участию в солидарном планетарном общежитии. Если это и не совсем так, то как раз так или примерно так должно было бы быть, а потому подобное идеальное проектирование не просто возможно, но и необходимо. Россия реальная идет за Россией идеальной, — и последняя хотя и не совпадает с первой, но в ней сначала телеологически, а потом и эсхатологически непременно присутствует. Отсюда и стремление воображающего интеллекта к опережению,

пусть и несколько утопическому, не самой удовлетворительной действительности.

По итогам конференции предполагается подготовить коллективную монографию. Тексты до 0,33 п. л. принимаются в Центре общественных наук (119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, экономический факультет, к. 331, тел. 939-4183, факс (095) 939-0877, e-mail: <eszotova@mail.ru>) на дискетах в формате Word 6.0/95 — 9.0/2000 с распечаткой в одном экземпляре до 10.01.2011 г. Статьи, содержащие математические символы или формулы, принимаются только в том случае, если они набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. В конце статьи необходимо указать сведения об авторе **без сокращений** (фамилия, имя, отчество; ученые степени; звания; место работы и должность; номер контактного телефона/факса, адрес электронной почты).

Заявки с указанием желаемого дня и времени выступления просим подавать до 20.11.2010 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать до 15 ноября 2010 г. по тел. (495) 939-4183, факсу (495) 939-0877, e-mail: eszotova@mail.ru у Татьяны Сергеевны Сухиной.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства, вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

КАРА-МУРЗА СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АГН, д.х.н., профессор, заведующий сектором общих проблем устойчивого развития, Российский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере Федерального агентства по науке и инновациям (*skaramur@rambler.ru*).

НОВАК АЛОИЗЫ,

д.э.н., профессор, декан, факультет менеджмента, Варшавский университет (*anowak@mail.wz.uw.edu.pl*).

РЫЧЬ КАЗИМЕРЖ,

д.э.н., профессор, факультет менеджмента, Вашавский университет (*anowak@mail.wz.uw.edu.pl*).

БЕЛОЛИПЕЦКИЙ ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АГН, д.э.н., профессор, кафедра экономики инноваций, экономический факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ (*B_W_G@list.ru*).

ФИЛИПЕНКО АНТОН СЕРГЕЕВИЧ,

д.э.н., профессор, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (*anton_filipenko@ukr.net*).

ГРИНБЕРГ РУСЛАН СЕМЕНОВИЧ,

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, директор, Институт экономики РАН (*grinberg@inecon.ru*).

СОРОКИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

член-корреспондент, д.э.н., профессор, заместитель директора, Институт экономики РАН (*SorokinD@inst-econ.org.ru*).

ФУРСОВ АНДРЕЙ ИЛЬИЧ,

к.и.н., директор, Центр русских исследований, Московский гуманитарный университет (*rusint@bk.ru*).

МАРКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

к.ф.н., директор, Институт политических исследований; депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (*duma.gov@gmail.com*).

ПОЧИНОК АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ,

к.э.н., член Комитета по бюджету Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (*post_sf@gov.ru*).

НАГОРНЫЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.и.н., профессор, заместитель главного редактора, газета «Завтра» (*aanagor@rambler.ru*).

ХАСБУЛАТОВ РУСЛАН ИМРАНОВИЧ,

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Российская экономическая академия имени Г.В. Плеханова (*hasbulatov@rea.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ЛЕБЕДЕВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра микроэкономики, Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации (*joli1259@rambler.ru*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт Минэкономразвития РФ (*olegдобро@list.ru*).

КИШИНЕЦ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ,

к.ф.н., главный научный сотрудник, Центр социологических исследований (*Kishinets@mail.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

д.ф.н., доцент, философский факультет, Южный федеральный университет (*marina.eloyan@mail.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет (*piv3@yandex.ru*).

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

д.ф.н., д.э.н., к.т.н., вице-президент Петровской академии наук и искусств, заслуженный деятель науки РФ, профессор, проректор, Крестьянский государственный институт имени Кирилла и Мефодия (г. Санкт-Петербург) (*subal1937@yandex.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ЖУЛИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ,

к.т.н., доцент, Московский государственный университет приборостроения и информатики (*peter-julikov@yandex.ru*).

ДУГИН АЛЕКСАНДР ГЕЛЬЕВИЧ,

д.полит.н., профессор, директор, Центр консервативных исследований, социологический факультет МГУ (*dugin@rossia3.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философии гуманитарных факультетов МГУ (*Rodzinskiy 66@mail.ru*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,

соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

СОМИН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.ф.-м.н., ведущий научный сотрудник, Институт проблем информатики РАН; преподаватель, Православный Свято-Тихоновский богословский институт (*NSomin@ipiran.ru*).

РОСТОВЦЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА,

д.соц.н., к.э.н., профессор, Тульский филиал Российского государственного торгово-экономического университета (*rostovtsevali@rambler.ru*).

СОСНИЦКАЯ МАРГАРИТА СТАНИСЛАВОВНА,

преподаватель русского языка и литературы, Миланский государственный университет; член Союза писателей России (*vedarita@mail.ru*).

ШТЕЙНБЕРГ АЛЕКСЕЙ ГЕНРИХОВИЧ,

к.с.н., доцент, кафедра философии, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск) (*shtein@festu.khv.ru*).

НИКОЛАЕВ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ,

д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ, Московский институт международного бизнеса при Минэкономразвития (*alexeynikolaev@inbox.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2010 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в лаборатории философии хозяйства. Стоимость подписки на год в редакции — 700 р. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.